

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛОЦКИЙ СОБОР. ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ. ЧАСТЬ II

- 10 ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР РОМАНЧУК
- 30 АННА КОМЗОЛОВА
- 52 ИЕРЕИ АЛЕКСЕЙ ХОТЕЕВ
- 72 ИЕРЕИ ВЯЧЕСЛАВ ШЕСТИТКО
- 96 ВЛАДИСЛАВ ПЕТРУШКО
- 114 АЛЕКСАНДР ГРОНСКИЙ
- 146 ВАЛЕНТИНА ТЕПЛОВА

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 4 / 2024

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛОЦКИЙ СОБОР.
ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ.
ЧАСТЬ II

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 4 / 2024

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

COUNCIL OF POLOTSK.
THE TRIUMPH OF ORTHODOXY.
PART II

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 4 / 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — д-р филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пуцаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Мамаев Егор Евгеньевич — научный сотрудник Русской экспертной школы, старший преподаватель кафедры богословия РПУ св. Иоанна Богослова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГГУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.

Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».

Адрес издателя: 119192, Россия, г. Москва, Мичуринский просп., д. 8, стр. 1, к. 1302

Сайт: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2024

Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ

Цена: свободная

Подписано в печать: 01.12.2024

Отпечатано: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор».

Адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Формат: 70х100 1/16.

Тираж 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EXECUTIVE SECRETARY

Egor E. Mamaev — Researcher, Russian Expert School; Sen. Lect., Department of Theology, Russian Orthodox University of St. John the Divine

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77-79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development “Russian Expert School”.

Address: 119192, Russia, Moscow, Michurinsky ave., 8, building 1, room 1302

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2024

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS)

Price: free

Published: 01.12.2024

Printed: JSC “First Model Printing House”, Branch “Chekhov Printing House”

Address: 142300, Russia, Moscow Region, Chekhov, Poligrafistov St., 1

Format: 70x100 1/16.

Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Полоцкий Собор. Торжество православия. Часть II»	9
--	---

Протоиерей А. А. Романчук

Состояние униатской паствы в пределах Российской империи накануне Полоцкого Собора 1839 года.....	10
--	----

А. А. Комзолова

Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов	30
--	----

Иерей А. С. Хотеев

Роль императора Николая Павловича в воссоединении униатов в 1839 году	52
--	----

Иерей В. В. Шеститко

Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии	72
---	----

В. И. Петрушко

Униатская церковь на Западной Украине в период германской оккупации в годы Великой Отечественной войны	96
--	----

А. Д. Гронский

Брестская церковная уния в отражении белорусской школьной учебной литературы, изданной в 2017–2021 годах.....	114
--	-----

В. А. Теплова

Православие на белорусских землях в период с 1839 по 1917 год: возвращение к вере отцов и дедов	146
--	-----

Contents

Presenting the Issue: “Council of Polotsk. The Triumph of Orthodoxy. Part II” 9

Archpriest A. A. Romanchuk

The Situation of the Uniate Community Within the
Russian Empire on the Eve of the Synod of Polotsk of 1839 10

A. A. Komzolova

Policy of the Emperor Nicholas I towards
the Uniate Church and the Polish uprising 1830–1831 30

Priest A. S. Khoteev

The Role of Emperor Nicholas I in the Reunification of the Uniates in 1839 52

Priest V. V. Shestitko

Secret Committees on Uniate Affairs
and Their Role in the Abolition of the Union 72

V. I. Petrushko

The Uniate Church in Western Ukraine in the Period
of the German Occupation During the Great Patriotic War 96

A. D. Gronsky

The Brest Church Union as Depicted
in Belarusian School Textbooks Published in 2017–2021 114

V. A. Teplova

Orthodoxy in the Belarusian Lands from 1839 to 1917:
A Return to the Faith of Ancestors 146

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ПОЛОЦКИЙ СОБОР. ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ. ЧАСТЬ II»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вашему вниманию второй из двух номеров «Ортодоксии», посвящённых объединительному Полоцкому Собору 1839 года и приуроченных к 185-летию с даты его проведения.

Полоцкий Собор положил конец каноническому разделению русского православия, сохранявшемуся с середины XV века, когда произошло разделение единой Церкви на Киевскую митрополию в составе Константинопольского Патриархата и автокефальную Московскую митрополию. Ослабление связей Киевской митрополии с Москвой и усиление католического влияния на территории Западной Руси стали причиной заключения Брестской унии, которая должна была привести к полному вытеснению православия с этих земель. В 1686 году каноническая территория Киевской митрополии вошла в состав Московского Патриархата, но униатская церковь, к которой на тот момент принадлежало большинство верующих Западной Руси, оставалась под властью римо-католицизма вплоть до Полоцкого Собора.

Особое место Собор занимает в истории Белоруссии, поскольку к 1839 году население Белой Руси в подавляющем большинстве принадлежало к католическому униатскому обряду и только по итогам Полоцкого Собора вернулось в православие. В современной Белоруссии 85% населения причисляют себя к православным благодаря этому событию. Возвращение в православие создало условия для дальнейшей реинтеграции западнорусских земель в пространство восточнохристианской цивилизации, оживило религиозную и культурную жизнь народа, остановило процесс полонизации, который продолжался более двух столетий.

Прочность восстановленных духовных связей была не раз подтверждена тяжёлыми историческими испытаниями XX, а теперь и XXI веков, когда белорусы, делая выбор в пользу единства с Россией, сохраняли верность православию. Противоположностью этому служит цивилизационный выбор части западных украинцев, униатское исповедание которых стало питательной почвой для агрессивного национализма и русофобии.

А. В. Щипков

Протоиерей А. А. Романчук

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА,
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ,
ЖИРОВИЧИ, БЕЛОРУССИЯ

Состояние униатской паствы в пределах Российской империи накануне Полоцкого Собора 1839 года

Аннотация. В статье на основании источников как личного, так и официального происхождения рассматривается состояние униатской паствы в десятилетия, предшествующие Полоцкому объединительному Собору 1839 года. Положение униатов и состояние их религиозной жизни в это время имели ряд особенностей, которые в немалой степени обеспечили успех проекта их общего воссоединения с православными. Констатируется низкий социальный статус униатов, их удручающее экономическое положение, моральная зависимость от помещиков католиков латинского обряда и крайне неудовлетворительный уровень религиозного просвещения. Делается вывод о том, что состояние униатской паствы былоотячено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которая состояла в культивировании среди униатских верующих религиозного невежества, сопряжённого с социально-экономическим гнѐтом простого народа со стороны католической шляхты. Сложившееся в униатском церковном объединении положение не обеспечивало в конце XVIII — второй четверти XIX века сознательную приверженность простых верующих униии. Также униа, в которой за два века её существования восторжествовал клерикализм, оказалась

критически зависима от наиболее образованной и энергичной части своего клира — начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества. Никто не мог гарантировать, что в среде этих людей — подданных российского государства — не возникнет идея перейти в господствующее вероисповедание. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворённость людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения униатов с православными в 1794–1795 годах. Разделение разрывало соседские, родственные и даже экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии.

Ключевые слова: православие, католичество, уния, паства, воссоединение, Полоцкий объединительный Собор 1839 года

Для цитирования: Романчук А. А., прот. Состояние униатской паствы в пределах Российской империи накануне Полоцкого Собора 1839 года // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 10–29. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-10-29

К 1839 году число прихожан униатских церквей в пределах Российской империи составляло ровно 1 600 000 человек [по Литовской епархии — 986 249, по Белорусской епархии — 613 751¹]. Их воссоединение с православными по итогам Полоцкого объединительного Собора носило бескровный и малоконфликтный характер. Этот факт заставляет задуматься о том, что состояние униатской паствы имело ряд специфических особенностей как религиозного, так и социально-экономического характера, которые способствовали осуществлению проекта разрыва Брестской церковной унии в границах Российской империи, предложенного прелатом Иосифом (Семашко) в 1827 году. Выявление этих особенностей представляет собой сложную задачу из-за малого числа источников, раскрывающих умонастроения и чаяния простых людей в религиозной сфере. Тем не менее общее представление о том, что из себя представляла униатская паства в конце XVIII и в первые десятилетия XIX века и как особенности её положения повлияли на упразднение унии, можно составить.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38 385. Л. 11–13.

Прежде всего, нужно обозначить главное. Критическую важность для выживания униатского церковного объединения в пределах Российской империи, законодательно объявлявшей Православную Церковь господствующей в стране, а католичество лишь терпимой религией, имела уверенность простых верующих униатов в спасительности пути, предлагаемого унией. Только в этом случае от них можно было ожидать твёрдой приверженности униатскому церковному объединению перед лицом поддерживаемого властями православия. Однако идея объединения христиан Востока и Запада посредством заключения церковного союза является сложной и дискуссионной с богословской точки зрения. Её восприятие напрямую связано с высоким уровнем знания истин христианской веры и церковной истории, широтой теологического мышления, культурным плюрализмом и, самое главное, с определённым особым направлением богословского чувствования. Всё это не может быть доступно широким массам верующих, в основном живущих минимумом религиозных знаний и освящённой временем церковной традицией. Поэтому униатская идея в её чистом виде принадлежит немногочисленным маргиналам от духовной жизни. Её пропаганда хотя и является единственным средством приобрести для унии верных последователей, но не может иметь большого успеха. Далеко не случайным представляется то, что распространение церковной унии в Речи Посполитой не было связано с проповедью народу идеи восстановления христианского единства через союзный договор Церквей, но носило государственно-правовой и церковно-практический характер². С одной стороны, это обусловило переход в католичество римского обряда, минуя унию большого числа западнорусской шляхты и лично свободных мещан; с другой стороны,

² (Афанасий (Мартос) 1990: 210). Среди лично свободных слоёв населения уния в XVII веке пропагандировалась утверждением превосходства католичества над православием и заявлением, что якобы Киевская митрополия подчинялась Риму издавна, по меньшей мере со второй половины XV века. В подтверждение приводилось обнаруженное митрополитом Ипатием (Потеем) послание Киевского митрополита Мисаила папе Сиксту IV, датированное 1476 годом (Макарий (Булгаков), митрополит 1996: 185–186); сравн.: (Ипатий (Потей), митрополит 1887); (Ипатий, Потей, I, митрополит 1996); (Русина 2021). По поводу этого утверждения К. С. Сербинович метко замечает: «Папа в данной первым униатским епископам булле изъяснил: “Наконец через 150 лет (после Флорентийского собора. — А.Р.) возвращаетесь вы, о епископы российские, к камению веры...” и проч. Собственное тогдашнее признание Рима, что Русь от него до 1596 года не зависела, важнее всех нынешних противных тому догадок» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 427. Записка Сербиновича К. С. с оценкой статей о воссоединении униатов во французской прессе с приложением номеров «Journal des débats» от 23 ноября 1845 года, от 26 января, 23 и 25 апреля 1846 года и «Le siècle» от 15 октября 1845 года. Л. 7).

массы крепостных крестьян были объявлены униатами формально. Названные униатами крестьяне не разбирались в различиях между православным и католическим вероучениями, а в обрядах Кирилло-Мефодиевской традиции видели религиозную святыню и ограждение своей русской этничности, которые являлись единственной защитой от угрозы ополячивания³. В итоге Брестская уния за два века своего существования так и не сумела превратить предков современных белорусов и малороссов в убеждённых католиков. Это со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма признают современные белорусские апологеты унии. «Факт захавання пад уніяцкай абалонкай праваслаўнай веры, — пишет С. В. Морозова, — адзначаны Ф. Энгельсам і пацверджаны шматлікімі крыніцамі» (Марозава 2001: 84)⁴. Обращение

³ Брестская уния заключалась не в рамках экуменической флорентийской экклезиологии, в которой допускались догматический диалог и терпимость к разнообразию литургических практик. Уния в Речи Посполитой заключалась на основании тридентского теологического мышления, выработанного католической церковью в период острейшей борьбы с реформацией. В границах этого мышления не было места для толерантного отношения к иным церковным традициям, речь могла идти исключительно об инкорпорации части Православной Церкви Римом (Об этом см.: (Адрианов 2002: 139); (Пирлинг 1912: 20). Рим сохранял в унии восточное богослужение, что было закреплено в булле Климента VIII «Magnus Dominus», однако уже А. Поссевин полагал, что со временем русские униаты должны перейти на латинский обряд как более совершенный (Галадза 1997: 5–6). Ещё более нетерпимым был известный латинский богослов Х. Сарагоса, член Римской инквизиции, считавший церковные обряды Кирилло-Мефодиевской традиции еретическими (Там же). Подтверждением литургической нетерпимости Западной Церкви в эту эпоху служит то, что в папском Виленском алумнате, созданном стараниями А. Поссевина ещё до введения унии и предназначенном для подготовки католических миссионеров из числа этнических русских, всё образование и воспитание алумнов осуществлялось в латинской обрядности, чтобы «культура в узком смысле римская, западная вошла в их плоть и кровь» (Poplatek 1994: 106). Таким образом, несмотря на громкие декларации, изначально в глазах Рима униаты были в положении людей, которым только предстоит достичь «истинного» христианства в латинских формах богочитания. В свою очередь, правительственные круги Польши видели в унии религиозное средство этнокультурной трансформации русского населения с целью укрепления страны. Учитывая это, можно сделать вывод о том, что проблема латинизации церковной жизни и ополячивания стояла перед западнорусскими униатами очень остро.

⁴ Констатация такого религиозного состояния униатской паствы не объясняет больших потерь унии на переломе XVIII и XIX веков в пользу латинского обряда и особенно то, что многие униаты после соединения с Православной Церковью затем, минув унию, ушли в костёлы. При этом они стали называть себя поляками, а их потомки в наши дни непоколебимо убеждены в своей принадлежности к польскому народу. Здесь нужно обратить внимание на то, что изменение конфессиональной принадлежности на западнорусских землях было тесно связано с переменой этнической самоидентификации и повышением социального статуса. Хорошо известно, что российская власть в то время не устранила фактор религиозного, культурного и экономического доминирования польской католической знати в крае. Сверх того, в царствования императоров Павла I и Александра I это доминирование только возросло и, наверное, для многих тогда уже казалось неизблемым. По-видимому, это заставило большую часть униатов на территориях современных Белоруссии и Украины совершить акт не только религиозного, но и глубокого этнического ренегатства, в котором они надеялись найти выход из своего жалкого принижённого положения. Об этом см.: (Назимов Т. XLV 1885: С. 570).

к мнению Ф. Энгельса касательно духовной бесплодности унии в среде простого народа Западной Руси выглядит не слишком естественно, поскольку первым, кто высказал подобную мысль, был униатский епископ Иосиф (Семашко). Наиболее определённо он выразил её в адресованной Н. А. Протасову записке, датированной 1 декабря 1838 года. «Народ униатский, — писал Семашко, — за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в унию» (Записка от 1 декабря 1838 года, о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью 1883: 79).

Сохранившееся в начале XIX века в России греко-католическое церковное объединение составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 293). Среди них проблема убеждённости в религиозной правде унии не была решена так же, как она не была решена и в предыдущие два века. Приходское униатское духовенство не только не пропагандировало униатскую идею, но и вообще, в силу своей слабой богословской подготовки, очень мало занималось элементарной катехизацией народа. Эта проблема была предана гласности в 1780-е годы униатским визитатором Г. Туркевичем (Коялович 1999: 253). Такое положение вещей не могли изменить немногочисленные выпускники папского Виленского алумната, закрытого в 1799 году, и католической Главной семинарии при Виленском университете, открытой в 1803 году. Оно оставалось практически неизменным вплоть до конца существования унии в России, так что, по замечанию современной исследовательницы этой проблемы М. Корзо, «сведений о непосредственных методах катехизации в униатской церкви ещё меньше, чем о её содержании» (Корзо 2007: 456).

Надо отметить, что отсутствие религиозного просвещения среди униатов было известно российскому правительству, и оно пыталось предпринимать шаги для исправления ситуации. Тревожными выглядели сведения о том, что на 1807 год в Полоцкой униатской епархии число учеников в приходских школах составляло лишь 111 человек (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1807: 659). Поэтому в июле 1808 года правительство обязало как православных, так и униатских священников проявить активность в деле просвещения народа и открыть приходские училища. В ряду предметов преподавания назывался и катехизис (Высочайше утверждённый Устав для приходских Училищ в Губерниях Волынской, Киевской и Подольской 1830: 1251).

Однако униатское духовенство за малым исключением⁵ не откликнулось на этот призыв правительства под предлогом недостатка средств⁶.

Отсутствие религиозного просвещения народа в унии нашло отражение в официальных документах. Например, Витебский, Смоленский и Могилёвский генерал-губернатор Н. Хованский в 1824 году сообщал митрополиту Иосафату (Булгаку), что по собранным им сведениям «в некоторых местах невежество крестьян столь велико, что они не знают даже христианских молитв». Также Хованский обращался к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицину с просьбой, чтобы тот обязал униатское священноначалие наконец заняться религиозным «воспитанием белорусских крестьян» (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 294). При этом Хованский отмечал, что униатскую паству составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты (Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі 2019: 293).

После воссоединения в 1839 году невежество простого народа в вере ощущалось ещё долгие десятилетия и преодолевалось православным духовенством с большим трудом. Так, в 1848 году Минский епископ Михаил Голубович в официальном отчёте об обозрении своей епархии отметил практически полное отсутствие катехизических знаний среди бывших униатов (Мальшевский 1860: 191–192). Даже в 1880 году приходской священник Великорытского прихода Брестского уезда с горечью писал в церковной летописи: «Умственное и нравственное развитие прихожан находится на самой низкой степени, и много пройдёт времени, пока поднимется до желаемой высоты... Сущности религии не понимают и требования её не исполняют... Всё спасение полагают на чтение искажённых молитв, смысла которых не понимают, и в строгом исполнении постов и местных обычаев. При таком развитии суеверий и предрассудков распространено много» (цит. по: (Шевкун 2019).

Невежество западнорусских униатов в Речи Посполитой не было случайным явлением. Оно культивировалось искусственно. Известна установка польского католического общества времён Речи Посполитой, направленная на содержание западнорусского населения в нищете и невежестве, «чтобы ни деньгами, ни умом не могли помочь себе»⁷.

⁵ Например, см.: (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1823: 740–741).

⁶ Например, см.: (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1807: 668).

⁷ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью

Соответствующим образом иезуитами воспитывались униатские иерархи. Например, воспитанник членов Общества Иисуса митрополит Иосафат (Булгак) в 1820-е годы вполне определённо высказывался в том духе, что для униатских священников наука не нужна. Достаточно, если они будут уметь исполнять обряды (Морошкин 1860: 250). Полоцкий архиепископ Василий (Лужинский) свидетельствовал, что не только в униатские времена помещики-католики препятствовали распространению религиозного просвещения среди своих крепостных, но продолжали это делать и после Полоцкого объединительного Собора. В своих записках он писал: «Большая часть помещиков в грамотности крестьян видят почему-то большую для себя и для них невыгоду и не хотят отдавать крестьянских детей в училища к православным священникам, где бы они всего легче, правильнее и надёжнее изучили молитвы и истины веры и благочестия» (Василий (Лужинский) 1885: 256).

Учитывая сказанное, невозможно серьёзно говорить о сознательной приверженности полуторамиллионной униатской паствы в России идее восстановления христианского единства через союз Церквей. Здесь скорее приходится констатировать религиозное невежество простого народа. Его проявлением было усиление до крайней степени обрядоверия, а следствием — расцвет среди рядовых униатов древних языческих суеверий⁸.

На религиозное состояние униатов, особенно на белорусских землях, также влияли внешние условия жизни, характеризующиеся жесточайшей экономической эксплуатацией со стороны помещиков-католиков и этнокультурным давлением полонизма. По свидетельствам образованных людей тех лет, белорусы находились в ужасном состоянии, владели жалкое, нищенское существование. Согласно воспоминаниям Я. А. Чебодько, «белорус на вид был грязен, боязлив, худ, крайне слаб и, кроме того, отличался ещё тупоумием и склонностью к суевериям» (Чебодько 1910: 36). Мнение Я. Чебодько разделяет и протоиерей П. Янковский, который свидетельствует, что белорусский простолюдин начала XIX столетия — «это несчастный, угнетённый, долго помыкаемый сирота... но с огромным притом запасом веками выработанной хитрости и лукавства. Круглому сироте для самосохранения и не остаётся, пожалуй, другой защиты» (Янковский 2004: 133).

(с заметками Сербиновича К. С.) и записки Сербиновича К. С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории Унии. Л. 41.

⁸ Которые в наше время очень нравятся культурологам и фольклористам, видящим в них особую врождённую черту белорусов.

Подобные мнения современников не единственные. В воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, наблюдавшего белорусов во время путешествия из Кишинёва в Петербург в 1829 году, имеется свидетельство, которое объёмно раскрывает положение белорусов-униатов в последнее десятилетие перед упразднением унии. Обширную цитату из его мемуаров желательно воспроизвести полностью. «После того въехал я в Белоруссию... — пишет Вигель, — грустно мне подумать, как все эти места, от самого Днестра, мною проеханные, искони русские, носили на себе тогда и, кажется, носят и поныне печать польского владычества. Жители почти все оставались тверды в православии или выступали из него только в унию; но где их было видеть? Помещики богатые и небогатые, шляхтичи, которых, вопреки их притязаниям на дворянство, следует почитать мещанами, духовенство высшее и низшее, все это были поляки, были католики; наконец евреи, которые в руках своих имели всю торговую часть; все эти слои как бы густою, непроницаемою корой покрывали собою и подавляли чистейшую, лучшую часть народонаселения. Кого путешественник мог встретить в городских заезжих домах, в почтовых, на станциях? с кем единственно мог иметь он дело? С ляхами да с жидами. Ту же самую разность, которую внимательный путник находит между климатами в областях на западе, возвращённых нам от Польши, встречает он и в наружности, и в характере их жителей. В древней России, в губерниях Подольской, Волынской, Киевской, украинцы, потомки храбрых казаков, несмотря на тяготеющее над ними иго польских помещиков, сохраняют вид крепкий, здоровый, весёлый, какое-то молодечество, смелость в движениях и речах; сохраняют также язык, которым простой народ говорит от Харькова до Лемберга. Другое славянское племя, населявшее всегда Белую Русь, говорит наречием хотя так же славянским, но менее понятным и менее приятным. По крайней мере жители Минской губернии, имея наружность дикую, весьма некрасивую, ещё похожи на людей. В других же двух губерниях (имеется в виду Могилёвская и Витебская губернии. — А. Р.) поселяне, живущие на бесплодной почве и подавленные владельцами, начинают сходствовать с рабочим скотом, нуждающимся в пище» (Вигель 1865: 41–42).

Страшное свидетельство о состоянии униатской паствы оставил витебский губернатор И. С. Жиркевич. В беседе с Д. Н. Блудовым он говорил: «Витебский крестьянин — не человек (из дальнейшего очевидно, что Жиркевич имел в виду социальную неразвитость и экономическую порабощённость белорусских крестьян-униатов. — А. Р.). Он ни чувств,

ни религии не имеет. Слушает всякого, кто перед его глазами. Ксендз, чиновник, помещик действуют им, как машиной, и я могу удостоверить ваше высокопревосходительство, что в теперешнем положении крестьянина, прикажи ему не только перейти в православие, но и в магометанство, он и это беспрекословно сделает и опомнится в новом законе только тогда, когда его накормят. Не было примеров, чтобы занимались религиозными вопросами, когда в животе вместо хлеба — древесная кора и мох, как у витебского крестьянина. Накормят его, говорю я, и он сочтёт это благим последствием перемены и навсегда подчинится оной» (Из бумаг генерала И. С. Жиркевича 1892: 151–152).

Представители российской администрации в Северо-Западном крае с удивлением отмечали неестественную покорность народа, «постоянно готового повиноваться той власти, которая его будет руководить» (Из записок Ф. Я. Мирковича 1890: 427). Отсюда следовало, что униатское церковное объединение в описываемое время критически зависело от поддержки со стороны польских землевладельцев-католиков. В их руках находилось материальное благополучие крепостных крестьян, а потому они имели огромное моральное влияние на своих подданных, которые вынуждены были во всём соглашаться со своими панами. Это хорошо понимали правительственные круги России. Успешное воссоединение униатов с православными в 1795 году во многом было обеспечено тем, что императрица Екатерина II вменила в обязанность Минскому, Волынскому, Подольскому и Брацлавскому генерал-губернатору Т. И. Тутолмину наблюдать, чтобы никто из помещиков-католиков, чиновников, а также представителей духовенства униатского и латинского обрядов не препятствовал желающим оставлять унию. Всякое нарушение, как действие, направленное против государства и монаршей воли, должно было приравняться к уголовному преступлению, подлежало суду и влекло за собой лишение имений (Об устранении всяких препятствий к обращению Униат к Православной Греческой Церкви 1830: С. 509–511).

Невежество и угнетённость в совокупности вели к тому, что простые униаты не могли должным образом ориентироваться в церковной сфере и выражать собственную волю. Единственное, что им оставалось, — это слепо доверять приходским священникам, которые являлись для них самой близкой и родной интеллигентной силой. На тесную и доверительную связь духовенства и паствы в униии в 1797 году в рапорте императору Павлу I указал З. Я. Корнеев, засвидетельствовав, что народ «готов

следовать за ними (за униатскими священниками. — А. Р.) повсюду» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1566).

Культивирование религиозного невежества и социально-экономическое порабощение народа не вызывают симпатий, но результатом этого явилось то, что в униатской пастве в описываемое время укоренился и торжествовал простой принцип: вероисповедание пастыря определяет вероисповедание паствы. С одной стороны, в этом была сила унии, позволившая ей сохраниться на переломе XVIII и XIX веков в тех регионах, где униатское духовенство проявило верность Риму и соответствующим образом повлияло на народ. Но, с другой стороны, в этом для греко-католического объединения была очевидная опасность. Учитывая ту лёгкость, с которой российское правительство законодательными и силовыми мерами могло ограничить влияние на крестьян-униатов со стороны помещиков-католиков в религиозной сфере, приходится сделать вывод о том, что существование католичества восточного обряда в России в последние десятилетия перед общим воссоединением униатов с православными в 1839 году оказалось в руках клира, а вернее, горсти тех людей — иерархии, начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества, — которые формировали убеждения и направляли деятельность приходских священников. В этой просвещённой среде могла либо зародиться естественным образом, либо быть внедрена извне мысль о возможности и даже необходимости возвращаться к православному вероисповеданию как господствующему в государстве.

На настроение в среде униатского народа значительно повлиял массовый переход униатов в Православную Церковь в 1794–1795 годах. Он послужил нарастанию межконфессиональной напряжённости среди населения. В рапорте императору Павлу I в 1797 году З. Я. Корнеев отметил, что народ не имеет твёрдого «понятия о униатском исповедании веры, ни мало не противится и благочестивому; но тем токмо огорчён, что, по обращении церквей их из униатских в благочестивые, лишились они всех выгод, коими прежде пользовались, а именно перестали униатские священники из соседних приходов ходить к ним с крестами и образами, в храмовой и прочие праздники для процессии, от чего по местечкам и сёлам пресеклось стечение народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средств продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свидания с родными из других деревень прекратились, и они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчуждёнными от всякого сообщества: ибо, за строгим запрещением униатским попам давать требы

прихожанам благочестивых церквей, не принимают их нигде в праздники и по другим селениям, но бегают и чуждаются» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1562).

Обособленное положение немногочисленных православных приходов среди множества униатских, которое наблюдалось после екатерининского воссоединения, люди переживали тяжело. Поэтому некоторые из воссоединённых, не понимая разницы между православием и унией, желали, чтобы все сельские общины были одинаково либо униатскими, либо православными «дабы по-прежнему иметь сношение со всеми беспрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами» (Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу 1869: Стлб. 1562–1563).

Изучая межконфессиональную ситуацию в Минской губернии, З. Я. Корнеев не обнаружил единодушной твёрдости воссоединённых от унии в 1795 году прихожан в православии. В то же время он сообщает, что никто из верующих не стремится обратно в унию, но только люди желают восстановить вероисповедное единство со своими соседями и родственниками. Учитывая неразрывные всеобъемлющие связи людей между собой, без сомнения, то же стремление восстановить нормальную жизнь присутствовало и у униатов. В итоге можно говорить об имевшей место неудовлетворённости народа сложившейся конфессиональной ситуацией, что при условии непонимания верующими вероучительных различий между православием и униатским изводом католичества создавало почву для благосклонного отношения людей к возможному общему воссоединению униатского населения с православным по житейским причинам.

Принимая во внимание сказанное, можно сделать вывод о том, что состояние униатской паствы было отягчено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которое состояло в религиозном невежестве и тяжёлом социально-экономическом положении простого народа, и не обеспечивало верность верующих грекокатоликов унии. Также уния, в которой за два века её существования восторжествовал клерикализм, оказалась критически зависима от наиболее образованной и энергичной части своего клира — начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества. Никто не мог гарантировать, что в среде этих людей — подданных российского государства — не возникнет идея перейти в господствующее вероисповедание. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворённость людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения 1794–1795 годов. Разделение разрывало соседские, родственные и даже

экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии независимо от того, будет это уния или православие. Состояние униатской паствы хорошо знал и понимал архиерей-воссоединитель Иосиф (Семашко). Этим объясняется то, что в его проекте общего воссоединения униатов с православными, выдвинутого в 1827 году, ни слова не говорится о необходимости убеждения униатов возвращаться к православному вероисповеданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Адрианов И., свящ. Православная оценка Унии // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры, Минск, 22–24 мая 2001 г. : в 2 ч. — Минск : ООО «Ковчег», 2002. — Ч. 1, кн. 1. — С. 126–144.

Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. — Минск : Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. — 299 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого и Витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-Униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с православною российскою церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. — Казань : Казанская духовная академия, 1885. — 312 с.

Вигель Ф. Ф. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля : в 7 ч. — М. : В Университетской типографии (Катков и К°), 1865. — Ч. 7. — 146 с.

Высочайше утверждённый Устав для приходских Училищ в Губерниях Волынской, Киевской и Подольской // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 29 (1806–1807), № 22605. — С. 1250–1259.

Записка от 1 декабря 1838 г., о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью // Записки Иосифа Митрополита Литовского. — Т. 2. — СПб. : Тип. императорской Академии Наук, 1883. — С. 78–84.

Из бумаг генерала И. С. Жиркевича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1892. — Т. XLVIII. — 920 с.

Из записок Ф. Я. Мирковича. Фёдор Яковлевич Миркович: 1786–1876. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам // Русский архив. — 1890. — Кн. 1, вып. 3. — С. 395–435.

Ипатий (Потей), митр. Грамота Киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 года. 1605 г. // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. — Т. 7, ч. 1. — Киев, 1887. — С. 193–231.

Корзо М. А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI — XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. — М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. — 672 с.

Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён. — Минск : Лучи Софии, 1999. — 400 с.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви : в 9 т. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. — Кн. VI: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). — 797 с.

Малышевский И. Несколько замечаний по поводу крестьянских при церквях школ в Минской епархии // Труды Киевской духовной академии. — 1860. — Кн. 1. — С. 167–241.

Морошкин М., свящ. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени : в 2 ч. — СПб. : Тип. Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867–1870. — Ч. 1: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I, 1867. — 501 с.

Назимов И. В. Владимир Иванович Назимов: очерк из новейшей летописи Северо-Западной России // Русская старина. — 1885. — Т. XLV, январь-февраль-март. — С. 385–410, 555–580; 1885. — Т. XLVI, апрель-май-июнь. — С. 323–338.

Об устранении всяких препятствий к обращению Униат к Православной Греческой Церкви // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Т. 23. — № 17199. — СПб. : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 974 с. — С. 509–511.

Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. 1701–1839. — Т. 2. — СПб. : Синодальная типография, 1807. — 1631 с.

Пирлинг П. Россия и папский престол. — М. : Печатня А. Л. Будо, 1912. — Кн. I: Русские и Флорентийский собор. — 452 с.

Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. — 1869. — Т. 12. — Стлб. 1559–1566.

Русина Е. В. Послание Мисаила 1476 г.: бытование, рецепция, информационные ресурсы // Исследования по истории Восточной Европы. Серия «*Studia Historica Europae Orientalis*». — 2021. — Вып. 14. — С. 57–77.

Чебодько П. Я. Из воспоминаний белоруса Я. А. Чебодько. — Киев : Печатня Ив. Васильченко, 1910. — 36 с.

Шевкун П. В. Формирование национальной идентичности в Беларуси (XIX — начало XX в.) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. — Вып. 3 / под ред. И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. — Минск : РИВШ, 2019. — 246 с. — С. 176–192.

Янковский П., свящ. Записки сельского священника. — Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. — 380 с.

Галадза П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. — Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. — С. 5–6.

Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. — 2-е вид. — Мінск : Беларуская навука, 2019. — 573 с.

Іпатій Потей І, мітрополіт. Оборона Флорентійського собору восьмого проти фальшивого (собору), недавно виданого ворогами з'єдинення — у Вильні — 1604 року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II.* — Romae, 1996. — Vol. XV. — Р. 396–459.

Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). — Гродна : ГрДУ, 2001. — 352 с.

Poplatek J. *Alumnat papieski w Wilnie. Z dziejow szkolnictwa jezuitckiego w Polsce* // *Wybor artykulow.* — Kraków : Wydawnictwo WAM — Księza Jezuitci, 1994. — 259 s.

Сведения об авторе:

Протоиерей Александр Александрович Романчук — кандидат богословия, председатель Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии, 231822, Белоруссия, Гродненская область, Слонимский район, агрогородок Жировичи, ул. Соборная, 55, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

Archpriest A. A. Romanchuk

SYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BELARUSIAN EXARCHATE,
MINSK THEOLOGICAL SEMINARY,
ZHIROVICHY, BELARUS

The Situation of the Uniate Community Within the Russian Empire on the Eve of the Synod of Polotsk of 1839

Abstract. Drawing from sources of both personal and official origin, the article delves into the condition of the Uniate community in the decades leading up to the Unification Synod of Polotsk in 1839. The position of the Uniates and the state of their religious life at that time exhibited several characteristics that significantly contributed to the success of the project for their collective reunification with the Orthodox Church. The Uniates' low social status, dismal economic conditions, moral reliance on Latin Catholic landlords, and a notably inadequate level of religious education are highlighted. The conclusion drawn is that the condition of the Uniate community was exacerbated by the legacy of the confessional policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which aimed at fostering religious ignorance among Uniate believers, alongside the socio-economic oppression inflicted upon the common people by the Catholic gentry. The prevailing situation within the Uniate church association failed to foster a conscious commitment among ordinary believers to the union by the end of the 18th century through the second quarter of the 19th century. Additionally, the union, where clericalism prevailed over the course of two centuries, was critically dependent on the most educated and energetic segment of its clergy—the ruling clergy and educators of spiritual youth. There was no assurance that among these individuals, who were subjects of the Russian state, the notion of converting to

the dominant religion would not emerge. A significant threat to the Uniate church association stemmed from the discontent among the people regarding the confessional division that emerged following the reunification of the Uniates with the Orthodox Church in 1794–1795. The division severed neighborly, kindred, and even economic ties, prompting a desire among the people to restore a shared affiliation within a single religious denomination.

Keywords: Orthodoxy, Catholicism, union, congregation, reunification, Unification Synod of Polotsk of 1839

For citation: Romanchuk, A. A., Archpriest. (2024). The Situation of the Uniate Community Within the Russian Empire on the Eve of the Synod of Polotsk of 1839. *Orthodoxia*, (4), 10–29. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-10-29

REFERENCES:

Adrianov, I., Priest. (2002). *Pravoslavnaia otsenka Unii* [Orthodox Assessment of the Union]. In *VII Mezhdunarodnye Kirillo-Mefodievskie chteniia, posviashchennye Dniam slavianskoi pis'mennosti i kul'tury, Minsk, 22–24 maia 2001 g. : v 2 ch.* (Part 1, book 1). Minsk : OOO “Kovcheg”, 2002. [In Russian].

Afanasy (Martos), Archbishop. (1990). *Belarus' v istoricheskoi gosudarstvennoi i tserkovnoi zhizni* [Belarus in the Historical State and Church Life]. Minsk : Belorussky Ekzarkhat Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (1885). *Zapiski Vasilii Luzhinskogo, arkhiepiskopa Polotskogo i Vitebskogo, chlena sviateishego pravitel'stviuushchego Vserossiiskogo sinoda o nachale i khode okonchatel'no sovershivshegosia dela vossoedineniia greko-Uniatskoi Tserkvi v Belorussii i Volyni s pravoslavnoi rossiiskoiu tserkov'iu, napisannye v kontse tysiacha vosem'sot shest'desiat shestogo goda* [Notes by Vasily Luzhinsky, Archbishop of Polotsk and Vitebsk, a Member of the Most Holy Governing All-Russian Synod on the Beginning and Progress of the Finally Accomplished Reunification of the Greek Uniate Church in Belarus and Volhynia with the Orthodox Russian Church, Written at the End of one Thousand Eight Hundred and Sixty-Sixth Year]. Kazan : Kazanskaia Dukhovnaia akademiia. [In Russian].

Vigel, F. F. (1865). *Vospominaniia F. F. Vigelia : v 7 ch.* [Memories of F. F. Vigel: in 7 Parts]. Moskva : V Universitetskoi tipografii (Katkov i K^o). [In Russian].

Vysochaishe utverzhdennyi Ustav dlia prikhodskikh Uchilishch v Guberniiakh Volynskoi, Kievskoi i Podol'skoi [The Most Highly Approved Charter for Parish Schools in the Provinces of Volyn, Kiev and Podolsk]. (1830). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1* (Vol. 29 (1806–1807), № 22605, pp. 1250–1259). [In Russian].

Zapiska ot 1 dekabria 1838 g., o sposobakh poreshit' okonchatel'no vossoedinenie uniato v s Pravoslavnoi Tserkov'iu [Note Dated December 1, 1838, on Ways to Finally Resolve the Reunification of the Uniates with the Orthodox Church]. (1883). In *Zapiski Iosifa Mitropolita Litovskogo* (Vol. 2, pp. 78–84). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Iz bumag generala I. S. Zhirkevicha [From the Papers of General I. S. Zhirkevich]. (1892). *Istorichesky vestnik. Istoriko-literturnyi zhurnal*, (XLVIII). [In Russian].

Iz zapisok F. Ia. Mirkovicha. Fedor Iakovlevich Mirkovich: 1786–1876. Ego zhizneopisanie, sostavlennoe po sobstvennym ego zapiskam [From the Notes of F. Y. Mirkovich. Fyodor Yakovlevich Mirkovich: 1786–1876. His Biography, Compiled According to his Own Notes]. (1890). *Russky arkhiv*, (3), 395–435. [In Russian].

Ipaty (Potei), Metropolitan. (1887). Gramota Kievskogo mitropolita Misaila k pape Sikstu IV, 1476 goda. 1605 g. [The Letter of the Kiev Metropolitan Misail to Pope Sixtus IV, 1476. 1605]. In *Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi komissieiu dlia razbora drevnikh aktov* (Vol. 7, part 1, pp. 193–231). Kyiv. [In Russian].

Korzo, M. A. (2007). *Ukrainskaia i belorusskaia katekhiticheskaia traditsiia kontsa XVI — XVIII vv.: stanovlenie, evoliutsiia i problema zaimstvovany* [Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late XVI–XVIII Centuries: Formation, Evolution and the Problem of Borrowings]. Moscow : “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia”. [In Russian].

Koialovich, M. O. (1999). *Istoriia vossoedineniia zapadnorusskikh uniato v starykh vremen* [The History of the Reunification of the Western Russian Uniates of Old Times]. Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Makary (Bulgakov), Metropolitan. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi : v 9 t.* [Russian Church History: in 9 volumes] (Book VI: Period samostoiatel'nosti Russkoi Tserkvi (1589–1881). Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja. [In Russian].

Malyshevsky, I. (1860). Neskol'ko zamechany po povodu krest'ianskikh pri tserkviakh shkol v Minskoi eparchy [A Few Remarks about Peasant Schools at Churches in the Minsk Diocese]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, book 1, 167–241. [In Russian].

Moroshkin, M., Priest. (1867). *Iezuity v Rossii, ot tsarstvovaniia Ekateriny II-i i do nashego vremeni : v 2 ch.* [The Jesuits in Russia, From

the Reign of Catherine II to Our Time: in 2 parts] (Part 1: Obnimaiushchaia istoriia iezuitov v tsarstvovanie Ekateriny Velikoi i Pavla I). Saint Petersburg : Tip. Vtorogo otdeleniia sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii, 1867–1870. [In Russian].

Nazimov, I. V. (1885). Vladimir Ivanovich Nazimov: ocherk iz noveishei letopisi Severo-Zapadnoi Rossii [Vladimir Ivanovich Nazimov: an Essay from the Newest Chronicle of Northwestern Russia]. In *Russkaia starina*, (Vol. XLV, ianvar'-fevral'-mart, pp. 385–410, pp. 555–580, Vol. XLVI, aprel'-mai-iiun', pp. 323–338). [In Russian].

Ob ustraneniі vsiakikh prepiatstvii k obrashcheniiu Uniat k Pravoslavnoi Grecheskoi Tserkvi [On the Elimination of All Obstacles to the Conversion of the Uniate to the Orthodox Greek Church]. (1830). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1* (Vol. 23, No 17199, pp. 509–511). Saint Petersburg : Pечатано в Типографіи II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii. [In Russian].

Opisanie dokumentov arkhiva zapadnorusskikh uniatskikh mitropolitov. 1701–1839. T. 2 [Description of the Documents of the Archive of the Western Russian Uniate Metropolitans. 1701–1839. Vol. 2]. (1807). Saint Petersburg : Sinodal'naia tipografiia. [In Russian].

Pirling, P. (1912). *Rossia i papsky prestol* [Russia and the Papal Throne]. Moscow : Pечатnia A. L. Budo. [In Russian].

Raport Minskogo gubernatora Korneeva imp. Pavlu o Pravoslavii v Minskoi gubernii. 6 iiulia 1797 g. [The Report of the Minsk Governor Korneev to Emperor Paul about Orthodoxy in the Minsk Province. July 6, 1797]. (1869). In *Russky arkhiv* (Vol. 12, column 1559–1566). [In Russian].

Rusina, E. V. Poslanie Misaila 1476 g.: bytovanie, retseptsiiia, informatsionnye resursy [Misail's Epistle of 1476: Existence, Reception, Information Resources]. (2021). *Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy. Seriia "Studia Historica Europae Orientalis"*, 14, 57–77. [In Russian].

Chebodko, P. Ia. (1910). *Iz vospominanii belorusa Ia. A. Chebodko* [From the Memoirs of the Belarusian Ya. A. Chebodko]. Kyev : Pечатnia Iv. Vasil'chenko. [In Russian].

Shevkun, P. V. (2019). Formirovanie natsional'noi identichnosti v Belarusi (XIX — nachalo XX v.) [Formation of National Identity in Belarus (XIX — early XX Century)]. In *"Dolgy XIX vek" v istorii Belarusi i Vostochnoi Evropy: issledovaniia po Novoi i Noveishei istorii: sb. nauch. tr.* (Vol. 3, pp. 176–192). Minsk : RIVSh. [In Russian].

Iankovsky, P., Priest. (2004). *Zapiski sel'skogo sviashchennika* [Notes of a Village Priest]. Minsk : Sviato-Petro-Pavlovskii sobor. [In Russian].

Galadza, P., Priest. (1997). Liturgichne pitannia i rozvitok bogoslužhen' naperedodni Beresteiskoi unii azh do kintsia XVII stolittia [Liturgical Nutrition and the Development of Divine Services in Advance of the Beresteysky Union Right up to the End of the XVII Century]. In *Beresteis'ka uniia ta vnutrishne zhittia Tserkvi v KhVII stolitti: materiali Chetvertikh Beresteis'kikh chitan', L'viv, Luts'k, Kiiv, 2–6 zhovtnia 1995 r.* (pp. 5–6). Lviv : Institut Istorii Tserkvi L'vivs'koi Bogoslovs'koi Akademii. [In Ukrainian].

Gramadska-palitychnae zhytstse ŭ Belarusi, 1772–1917 gg. [Socio-Political Life in Belarus]. (2019). Minsk : Belaruskaja navuka. [In Belorussian].

Ipaty Potei I, Metropolitan. (1996). Oborona Florentiiskogo soboru vos'mogo proti fal'shivogo (soboru), nedavno vidanogo vorogami z'edineniia — u Vil'ni — 1604 roku [The Defense of the Florence Cathedral of the Eighth against the False (Cathedral), Recently Seen by the Gates of Unification-in Wilni-1604]. In *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II* (Vol. XV, pp. 396–459). Rome. [In Ukrainian].

Marozava, S. V. (2001). *Uniiatskaia tsarkva ŭ etnakul'turnym razvitsi Belarusi (1596–1839 gady)* [The Uniate Church in the Ethnocultural Development of Belarus (1596–1839)]. Grodno : GrDU. [In Belorussian].

Poplatek, J. (1994). Alumnat papieski w Wilnie. Z dziejow szkolnictwa jezuitskiego w Polsce [A Papal Graduate in Vilnius. From the History of Jesuit Education in Poland]. // In *Wybor artykułów*. Kraków : Wydawnictwo WAM — Księża Jezuiici. [In Polish].

About the author:

Archpriest Alexander Aleksandrovich Romanchuk — Candidate of Theology, Chair of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Associate Professor of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Academy, Head of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Seminary, 55, Sobornaya str., Zhirovichi Agricultural Settlement, Slonim District, Grodno Region, Belarus, 231822, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

А. А. Комзолова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов

Аннотация. Правление императора Николая I началось под лозунгом «продолжения царствования» императора Александра I. Первоначально он не стремился изменить сложившуюся при его предшественнике систему управления в западных губерниях. Однако уже во второй половине 1820-х годов произошёл постепенный отход от предыдущего курса, в частности в сферах образовательной и вероисповедной политики. Молодой император отвергал любые посягательства на целостность территории Российской империи. Он считал исторически обоснованным владение Россией «литовским наследием» императрицы Екатерины Великой. Польское восстание 1830–1831 годов рассматривалось Николаем I и его сановниками как продолжение революционных смут в Европе, начавшихся с Июльской революции в Париже. После подавления восстания началось формирование новой политической модели управления Западным краем. Намеченная Николаем I стратегия интеграции западных губерний включала такие ключевые элементы, как приведение системы местного управления в соответствие с образцами, общими для всей Российской империи; полноценное включение польского дворянства в элиту империи; упрочение общероссийских институтов; введение русского

языка в местное судопроизводство и учебные заведения; постепенная русская колонизация пограничных территорий и др. Ещё до 1830–1831 годов Николай I демонстрировал намерение не только приостановить полонизацию униатской церкви, но и сблизить греко-католиков с православными. После подавления польского восстания в сфере конфессиональной политики важное значение имели ликвидация ряда католических и униатских монастырей и секуляризация церковного имущества. Хотя в целом участие униатского духовенства в восстании было незначительным, в Петербурге большой резонанс имели известия о мятежных действиях базилианских монахов. В статье рассматривается вопрос о том, как император Николай I и его сановники оценивали роль религиозного фактора в польском восстании 1830–1831 годов в западных губерниях, а также какое значение придавали лояльности высших иерархов униатской церкви.

Ключевые слова: западные губернии, униатская церковь, польское восстание 1830–1831 годов, император Александр I, император Николай I, Д. Н. Блудов

Для цитирования: Комзолова А. А. Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51

Польское восстание 1830–1831 годов с полным основанием рассматривается в историографии как ключевое событие царствования императора Николая I, и на его долгосрочные результаты неоднократно указывали исследователи. Так, М. А. Полиевктов отмечал, что польское восстание 1830–1831 годов не только в значительной мере определило «весь дальнейший ход внешней политики императора Николая I», но и его глубокие последствия обусловили то, что в правительственной программе «надолго умерла мысль об исправлении “исторической не-

справедливости” польских разделов XVIII в., и политика суровой безжалостной действительности вступила в свои права» (Полиевктов 1918: 135, 136). Вслед за дореволюционными историками Л. Е. Горизонтов выделяет 1831 год как «основополагающий рубеж», определивший начало новой «польской политики» на западных окраинах Российской империи, важным элементом которой стало жёсткое административно-правовое регулирование разных сфер жизни польского населения (Горизонтов 1999: 1, 2, 12–39). Вместе с тем многие значимые аспекты проблемы, связанной с влиянием как европейских революций 1830 и 1848 годов в целом, так и польского восстания в частности на правительственную политику на западно-русских землях, вошедших в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, остаются вне поля зрения исследователей. В их числе — вопрос о том, как император Николай I и его сановники воспринимали конфессиональное измерение польского восстания 1830–1831 годов в губерниях «от Польши возвращённых» и как в соответствии с этим восприятием строились в этот период отношения властей с униатской церковью.

В основе русско-польского противостояния, приведшего в 1830–1831 годах к кровопролитной войне с участием регулярных армий, лежали претензии поляков на расширение территории конституционной Польши за счёт присоединения земель бывшего Великого княжества Литовского в границах 1772 года. Недовольство поляков, вылившееся в Ноябрьское восстание в Варшаве, было вызвано не только целым рядом нарушений конституции, допущенных ещё Александром I, но главным образом разочарованием и не исполнившимися надеждами на восстановление Речи Посполитой.

Со второй половины XIX века среди публицистов и историков не прекращается спор о том, действительно ли Александр I намеревался восстановить Польшу в её «древних границах». Обещания Александра I объединить новую польскую автономию с землями, вошедшими в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой, которые во время конфиденциальных бесед он давал своим польским подданным, не были только пустыми разговорами. В заключительном Генеральном акте Венского конгресса 28 мая (9 июня) 1815 года заявлялось, что российский император предполагает по своему усмотрению даровать «внутреннее распространение» («l’extension intérieur») Царству Польскому. Неопределённость и двусмысленность данного выражения привели к тому, что многие современники и последующие исследователи

понимали эту фразу не в смысле расширения самостоятельности польского государства, а переводили как «внутреннее растяжение» (Козловский 1906: 203, 204) и видели в ней право российского императора расширять территорию Царства Польского за счёт его собственных владений. После открытия сейма в Варшаве в 1818 году Александр I поручил сенатору Н. Н. Новосильцеву, своему советнику по польским делам, подготовить перевод с латыни актов, скрепивших союз Польши и Великого княжества Литовского (Польша и Россия... 2010: 341). В декабре 1819 года Новосильцев представил императору этот перевод вместе с краткой исторической справкой о «присоединении Литвы к Польскому королевству» (Россия и Польша... 1882: 142–144).

Каковы бы ни были действительные намерения императора, современники, не знавшие всех тонкостей политической мысли Александра I, весьма серьёзно восприняли его планы по восстановлению Речи Посполитой, а также его проекты освобождения малороссийских и белорусских крестьян, что рассматривалось как необходимая предпосылка дальнейшего объединения западных губерний с Царством Польским. Более того, страх перед реализацией самодержавной властью всех этих «польских» проектов мог сыграть важнейшую роль в зарождении и развитии декабристской конспирации (Сафонов 2014: 84–98).

Правление императора Николая I началось под лозунгом «продолжения царствования» старшего брата. В манифесте 12 декабря 1825 года о своём вступлении на престол он заявил, что будет «следовать примеру» Александра I, и обещал, что исполнит «всё, чего для блага России» желал его предшественник (ПСЗ-2: Т. 1. № 1). Первоначально Николай I считал себя обязанным «быть столь же хорошим русским, как и хорошим поляком». Он не планировал ликвидировать политическую автономию Царства Польского и, напротив, стремился соблюдать принятые на себя обязательства польского конституционного короля, в том числе присягнув в 1829 году на польской конституции. Император даже мечтал создать для двух соединённых под его скипетром народов — русского и польского — своего рода «братство по оружию», для чего предлагал в 1828 году Великому Князю Константину Павловичу отправить польские войска на театр военных действий в Турцию (Шильдер 1900: № 2. С. 298, 303; № 3. С. 522, 540; № 8. С. 263).

До восстания 1830 года Николай I также не стремился каким-либо существенным образом изменить сложившуюся систему управления на землях «бывшей Литвы». В частности, были сохранены чрезвычайные

полномочия цесаревича Великого Князя Константина Павловича в отношении западных губерний. Ранее, 29 июня 1822 года, Александр I передал под его управление Белостокскую область и пять западных губерний — Виленскую, Гродненскую, Минскую, Волынскую и Подольскую (ПСЗ-1: Т. 38. № 29087). Хотя цесаревич распоряжался этими губерниями в качестве начальника отдельного Литовского корпуса и главнокомандующего действующей армией, а не наместника Царства Польского, на деле было создано особое управление всеми западными окраинами с властным центром в Варшаве. Фактически Константин Павлович осуществлял гражданскую власть на этих территориях (Киселев 2007: 54, 55).

Возглавлявшийся цесаревичем Константином Павловичем отдельный Литовский корпус был создан в 1817 году «для поддержки армии Царства Польского» и по своему составу отличался от других частей русской армии. Рекруты для него набирались среди уроженцев западных губерний, а местная шляхта составила около половины его офицерского состава. Благодаря его особому составу, обмундированию и строевым приёмам, корпусу придавался определённый «национальный облик». В итоге это соединение призвано было олицетворять возрождение воинского духа на землях исторической «Литвы». Название его частей также имело подчёркнуто «региональное» звучание (Брестский, Белостокский, Виленский, Житомирский и т. п. пехотные полки, Самогитский, Луцкий, Несвижский гренадерские полки и др.) (Лапин 2001: 113–115). В 1820-х годах Литовский корпус, дислоцировавшийся на границе с Царством Польским, оказался одним из центров формирования польских тайных обществ (Некрашевич 2016: 11–30).

Несмотря на то что со вступлением на престол Николай I выразил приверженность политическому курсу своего предшественника, молодой император не скрывал, что в его правление полякам придётся забыть о каких-либо планах по расширению территории Царства Польского за счёт земель бывшего Великого княжества Литовского. В ноябре 1827 года, отвечая на возражения Великого Князя Константина Павловича о якобы «постыдности» «литовского наследия» императрицы Екатерины II, Николай Павлович был непреклонен: «Литва и пр. — русская провинция; она не может возвратиться к Польше, потому что это значило бы посягать на целостность территории империи» (Шильдер 1900: № 2. С. 301). Уверенность Николая I в том, что пространство «Литвы» является русскими историческими землями, основывалась на его глубоко укоренившихся представлениях об истории России.

Начав с символических жестов, Николай I изменил цвета обмундирования Литовского корпуса, вместо «польских» даровав «русские». Императора беспокоил и состав Литовского корпуса: он опасался, что через десятилетие его полки «будут русскими лишь по названию, а в сущности будут польскими». В 1828–1829 годах, накануне восстания, корпус начал пополняться уроженцами русских губерний. Во время Русско-польской войны 1830–1831 годов это соединение, переименованное в 6-й корпус, сохранило верность присяге, но его участие в боевых действиях оказалось крайне неудачным (Шильдер 1900: № 2. С. 295, 299; Лапин 2001: 114–115).

Характерно, что после подавления восстания, в марте 1832 года, киевский генерал-губернатор генерал-адъютант В. В. Левашев настоятельно просил Николая I удалить 6-й пехотный корпус из западных губерний «во внутрь России», а на его место назначить «другой, из россиян составленный». Обосновывая необходимость такой замены, Левашев писал: «Входя в исследование направления умов жителей высочайше мне вверенных губерний и взвешивая те способы, кои могли бы они иметь противу нашего правительства, открываю, что неудовольствие, ими питаемое, остаётся доселе принадлежностию большей части поляков и что они до сих пор неохотно расстаются с мыслию восстановить своё отечество. Из числа способов, питающих их надежды, есть квартирование в здешних местах 6 пехотного корпуса, который будучи составлен исключительно из уроженцев польских губерний и состоя долгое время в близком сношении с войсками Польского Царства, ...заключает в себе многих готовых к участию в судьбе Польши»¹.

Размышляя в 1831 году, в период Русско-польской войны, о будущем решении польского вопроса, Николай I приходил к неутешительному выводу, что обладание коренными польскими землями противоречило интересам Российской империи. «Польша всегда была соперница и непримиримый враг России, — отмечал император. — Во время нашествия 1812 г. ни один из народов, ставших под знамёна Наполеона, не обнаруживал столько ненависти и мести, как поляки. Эти чувства, воодушевлявшие их во время всех войн против России, были ими обнаружены и в продолжение этой войны страшными зверствами. Но Господь благословил наше святое дело, и наши

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 7 (1832 г.). Д. 175. Л. 1–1 об.

войска завоевали Польшу. Они заняли её без всякой помощи какой-либо другой державы, и с 1813 г. Россия осуществляла в этой стране все права, вытекающие из завоевания». Император Александр I, стремясь «обеспечить интересы России», восстановил Польшу, даровал ей конституцию и позаботился о её процветании. Однако, по мнению Николая I, Российская империя не извлекла из своего нового приобретения, полученного ею по праву завоевания, никаких преимуществ, «кроме нравственного удовлетворения от прибавления лишнего титула к титулам своего государя». Напротив, пример «слишком большой независимости» Царства Польского негативным образом сказался на положении западных губерний, где также задумались «об освобождении из-под власти Империи», а после Ноябрьского восстания устроили «огромный пожар». Как полагал Николай I, после подавления мятежа России было необходимо отказаться от Царства Польского, поскольку оно представляло собой очаг сепаратизма и революционных идей, подрывавших основы самодержавия. При этом следовало установить границу по Висле и Нареву, предоставив Австрии и Пруссии решать дальнейшую судьбу остальных польских территорий, но с условием, что не было бы создано «новое государство, враждебное в отношении России» (Щербатов 1894: 168–175). Однако эти предложения, предполагавшие новый раздел Польши, остались только проектами, так как их осуществление зависело от согласия других заинтересованных сторон — Пруссии и Австрии, а также от изменения баланса сил на международной арене, в то время как Николай I более всего стремился к сохранению внешнеполитической стабильности.

После подавления польского восстания в качестве приоритетов внутренней политики в западных губерниях были обозначены задачи более тесной интеграции этого региона в состав Российской империи, приведение системы местного управления в соответствие с общеимперскими образцами, а также полноценное включение местного польского дворянства в общеимперскую элиту и борьба с польским сепаратизмом. Намеченная в 1830-х годах правительством Николая I стратегия интеграции этих земель основывалась на таких ключевых элементах, как упрочение общероссийских институтов, систематичное замещение местной правовой системы правом империи, постепенное введение русского языка в судопроизводство, реорганизация земской полиции, преобразование учебных заведений, мероприятия по так называемому разбору шляхты, побуждение польского дворянства к государственной службе,

постепенная русская колонизация пограничных территорий, подготовка инвентарной реформы и т. д.

В первой четверти XIX века польское культурное доминирование на «возвращённых от Польши» западно-русских землях выражалось в том, что это пространство было объединено и в отношении образовательной сферы, находясь под общим управлением попечителя Виленского учебного округа. В этот округ первоначально вошли как северо-, так и юго-западные губернии — Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилёвская, Киевская, Волынская и Подольская, а также Белостокская область. Такое объединение, как отмечал историк П. Н. Жукович, «невольно поддерживало в населении старое представление о Западной России как об особом национально-политическом теле, отличном от остальной России» (Жукович 1892: 367–368). Лишь в 1818 году учебные заведения Киевской губернии были подчинены Харьковскому учебному округу. В 1824 году учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний были переданы в ведение С.-Петербургского учебного округа. В 1829 году отдельно был выделен Белорусский учебный округ, включивший Витебскую и Могилёвскую губернии. Реформа образовательной сферы на землях «бывшей Литвы» была начата с закрытия в мае 1832 года Виленского университета. В связи с упразднением Виленского учебного округа к Белорусскому учебному округу были присоединены Виленская и Гродненская губернии, а также Белостокская область (Минская губерния была присоединена ещё ранее, в январе 1831 года). Учебные заведения Волынской и Подольской губерний были переданы созданному в 1832 году Киевскому учебному округу (Каштанова 2020: 184, 185, 187). По повелению Николая I преподавание польского языка в казённых училищах было прекращено в Могилёвской и Витебской губерниях с 1836 года, а в остальных западных губерниях — с 1839 года².

Заметным отходом от общего направления политики императора Александра I в первые годы николаевского правления оказались мероприятия в отношении униатской церкви. По желанию Александра I с 1803 года униатскими делами фактически заведовал обер-прокурор Св. Синода князь А. Н. Голицын, представлявший по ним высочайшие доклады. Затем с 1805 года эти дела были переданы министру юстиции «в особое внимание», также с правом докладывать о всех готовившихся

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 27. Д. 131. Л. 5–6; Оп. 66. Д. 231. Л. 53–59 об., 99.

решениях императору (Чистович 1879: 217, 219). Сам царь мало интересовался униатскими делами. Его увлекала идея нового построения империи как общехристианского государства на основе своеобразного экуменизма. Вместе с тем при Александре I под влиянием греко-католического митрополита Ираклия Лисовского был принят ряд мер, которые препятствовали латинскому прозелитизму и укрепляли самобытность униатской церкви. Наряду с продолжением данного курса, в конце 1820-х годов по решению Николая I были сделаны первые шаги, которые свидетельствовали о намерении российского правительства не только приостановить процесс латинизации и полонизации униатской церкви, но и сблизить греко-католиков с православными, при этом официально не декларируя цель прекратить действие Брестской унии (Романчук 2012: 243–253).

Таков был внутривосточный контекст, в котором формировался правительственный курс в отношении униатской церкви в период польского восстания 1830–1831 годов.

Восстание 1830–1831 годов в западных губерниях имело целый ряд общих черт с польским мятежом 1863–1864 годов. Помимо выдвижения политических задач по реставрации Речи Посполитой в границах 1772 года и польского дворянства и шляхетства как основной социальной силы, эти восстания сближало также то, что их дальнейшая судьба решалась за пределами Западного края — в Царстве Польском. В 1831 году взятие Варшавы русскими войсками предопределило и поражение мятежников в Литве. Хотя с точки зрения военного противостояния большое значение имели вторжения в границы западных губерний крупных польских вооружённых отрядов, основной тактикой местных повстанцев была так называемая малая, или партизанская, война. Однако были и существенные различия между этими конфликтами, разделёнными почти 30-летним периодом. Восстание 1830–1831 годов не имело ярко выраженного религиозного характера. В отличие от польского восстания 1863–1864 годов, события 1830–1831 годов не сопровождались ни существенной радикализацией католического духовенства, ни массовым террором против православного духовенства и местных православных сообществ.

Вывод о том, что восстание 1830–1831 годов в целом не имело религиозного характера, делался самими представителями власти. Мятеж в Варшаве и последующее распространение его на западные губернии рассматривались николаевскими сановниками в первую очередь как

продолжение революционных смут в Европе, начавшихся с Июльской революции в Париже и восстания в Бельгии, и решающая роль в них отводилась тайным революционерам-заговорщикам, а отнюдь не представителям духовенства. В частности, на отсутствие религиозной составляющей в этом восстании в январе 1831 года указывал главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудов, который в этот период курировал все вопросы, связанные с униатской церковью. «В характере же нынешней революции как во Франции, так и в Царстве Польском, сколько мне известно, — отмечал Блудов во всеподданнейшем докладе, — нет никакого примеса религиозного фанатизма: в Париже зачинщики и предводители бунта суть люди, не имеющие почти или вовсе никаких чувств веры, а о польской революции можно сказать, что она есть подражание французской, следствие долгих и постоянных сношений поляков с французами; нынешнее поколение в Царстве Польском возросло и образовалось или посреди беспорядков отечественной анархии, или под знамёнами Французской республики и империи, где издавна уже царствовало и, несмотря на усилия Бурбонов, несмотря на желание самого Наполеона, доселе царствует равнодушие, даже презрение к религии и, может быть, ещё более к Римско-католической Церкви»³.

В период восстания в 1830–1831 годы униатское духовенство находилось в двойственном положении. С одной стороны, оно оказалось своего рода жертвой повстанцев, поскольку имения, принадлежавшие униатской церкви, неоднократно подвергались грабежам. Например, оказалось разорено расположенное близ Вильны фундушное имение Вакка, которое было предназначено на содержание униатских учебных заведений. Как отмечалось в донесении духовной коллегии в Петербург, это имение «от непрерывного прохода войск и особенно по случаю бывшего в оном ... сражения» было «совершенно опустошено, посеы истреблены и крестьяне, оставя свои дома, с остатками их имущества и скотом скрываются в лесах»⁴. Также было прервано обучение в Литовской униатской семинарии, когда в марте 1831 года в её помещениях был открыт военный госпиталь, размещавшийся там до августа. Одновременно, в начале июня, вследствие распространения холеры в Полоцке и окрестностях Белорусская семинария была также закрыта, а ученики распущены по домам⁵.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 5. Л. 189–189 об.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 26–26 об.

⁵ Там же. Л. 35–35 об.

С другой стороны, отсутствие религиозной составляющей в характере восстания полностью не исключало участия в нём католического и униатского духовенства. Собственно в период конфликта, в том числе и в силу определённых сложностей в коммуникации центра и окраин, Николай Павлович и его сановники не имели полного представления об участии духовенства в мятежных выступлениях. Если современные исследователи на основе широкого круга источников пытаются определить точные числовые данные и процентное соотношение участников восстания, современники довольствовались лишь приблизительными данными и более обтекаемыми формулировками. Вместе с тем даже фрагментарная и отрывочная информация признавалась представителями власти вполне достаточной для «дорисовки» общей картины.

В частности, в августе–сентябре 1831 года в Петербурге большой резонанс имели донесения с мест военных и гражданских властей об участии в восстании монахов Овручского и Почаевского базилианских монастырей. Согласно сведениям подольского и волынского военного губернатора генерал-адъютанта В. В. Левашева, которые были доложены императору, монахи Овручского базилианского монастыря «выходили встречать мятежников при вступлении их в Овруч, сами присягали им и приводили к присяге других, служили молебствие о[б] успехах бунтовщиков, отбивших рекрутскую партию». Отмечалось также, что «каноник Сероцинский предписывал эконому имений монастырских доставить в помощь мятежникам 150 вооружённых крестьян и 10 лучших лошадей». Особенно выделялись действия некоторых монахов. Так, «монах Дверницкий разъезжал с мятежниками с крестом и пистолетом в руках; он взят в сражении, и в повозке его найдено семь ружей. Монах Дидковский также находился вооружённый среди мятежников, ночевал при устроенных им орудиях и двух русских офицеров, взятых в плен, склонял к присяге мятежникам, приставя к груди пистолет». В Овруче примеру базилианских монахов последовали и монахи местного доминиканского монастыря, «присягнувшие мятежникам и приводившие к присяге жителей», а приор этого доминиканского монастыря Жучковский также освятил в церкви знамя мятежников⁶. Николай I распорядился конфисковать имение Овручского монастыря, его здания, кроме церкви, передать в военное ведомство, а церковь обратить в православную⁷.

⁶ Там же. Л. 41–42.

⁷ Там же. Л. 56–57.

В итоге осенью 1831 года среди николаевских сановников развернулась дискуссия об условиях и правилах конфискации, а затем и передачи в ведение Православной Церкви всех католических и униатских монастырей Западного края, монахи которых деятельно участвовали в восстании. Так, Левашев предложил монахов Почаевского базилианского монастыря, также участвовавших в восстании, перевести в другие базилианские обители, а сам монастырь конфисковать и возвратить Православной Церкви. Он также считал возможным распространить такую меру на все католические и униатские монастыри Юго-Западного края, монахи которых участвовали в восстании. Необходимость этой меры губернатор обосновывал в том числе и тем, что в будущем это уменьшит «способы нарушать в сем крае народное спокойствие»⁸. Размышляя о причинах участия в мятеже католического и униатского монашества, Левашев отмечал: «При общем взгляде на все поступки римско-католических и унитских монахов, обнаруженные доселе в делах о мятежниках, нельзя не убедиться, что отступление их от принятых ими обетов и нарушение верноподданнической присяги происходит от глубокого неприязненного их чувства к правительству русскому и от гнусной неблагодарности к благодетельным его об них попечениям; что сии под личиною смирения, исполненные духа вражды иступлённые фанатики, ищущие господства своего вероисповедания над всеми другими...»⁹ Блудов, в целом разделяя такой взгляд, тем не менее предлагал не торопиться с решениями, поскольку «исполнение сей важной политической мысли представляет многие трудности и требует не только тщательного, постоянного попечения наших духовных начальств, но и необыкновенного искусства»¹⁰.

В 1830–1831 годах в отношении российского правительства к униатскому духовенству на первый план вышел вопрос доверия и лояльности. Вскоре после начала восстания в Царстве Польском уже 16 декабря 1830 года по этому случаю было опубликовано окружное пастырское послание митрополита Иосафата Булгака к белому и монашествующему духовенству, а также всей пастве. Это послание было напечатано параллельно на двух языках — русском и польском, и его тираж составил 2 тыс. экземпляров¹¹. Предварительно 14 декабря Блудов представил

⁸ Там же. Л. 42 об. — 43, 44 об.

⁹ Там же. Л. 43 об. — 44 об.

¹⁰ Там же. Л. 45 — 46 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5481. Л. 1–1 об.

Николаю Павловичу на выбор два проекта этого послания. Одобренный императором вариант призван был произвести более сильное впечатление, поскольку он был обращён «к пастве от лица самого иерарха». Следовало напечатать это послание «в достаточном числе экземпляров», «дабы каждый греко-унитский священник и мирянин могли читать и понимать оное»¹². В этом послании пастве предлагалось молиться, чтобы униатская церковь не была «осквернена хотя одним изменником и клятвопреступником». Второй вариант послания, текст которого был другим, представлял собой предписание управляющему Литовской епархией, председателю Консистории Тупальскому и управляющему Белорусской епархией Мартусевичу. Автором обоих проектов послания был епископ Иосиф (Семашко) (Записки Иосифа, митрополита Литовского. 1883: 583–585, 591–592, 595).

Лояльность униатского духовенства в глазах представителей российского правительства во многом связывалась с щекотливым вопросом о степени влияния на него духовенства католического. Вызов в апреле 1831 года в Петербург провинциала Базилианского ордена в Литве архимандрита Иосафата Жарского был обусловлен прежде всего стремлением властей изолировать его от такого вредного внешнего влияния. В столицу он был вызван «под благовидным предлогом» — как говорилось в распоряжении Литовской духовной консистории, «для объяснений по делам, касающимся ордена Базилианов». Реальной же причиной вызова Жарского были дошедшие до Петербурга сведения «о разных ложных и нелепых разглашениях в Литве, по случаю возмущения в Царстве Польском». Жарский обвинялся «в повторении нелепых слухов», распространявшихся в крае «людьми неблагонамеренными или легкомысленными». Однако Жарский смог приехать в Петербург только в ноябре¹³.

Главным инструментом укрепления лояльности униатского духовенства признавались поощрения. После окончательного подавления восстания, в декабре 1831 года, Блудов предложил императору Николаю Павловичу наградить наиболее достойных представителей высшего униатского и католического духовенства. Обосновывая важность этой меры, Блудов отмечал, что они «в минувшее время смятений и беспорядков в западных губерниях явили себя... достойными и верными подданными»,

¹² РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 4. Л. 297–297 об.

¹³ Там же. Д. 4. Л. 9–9 об., 24–25.

«содействуя, с большим или меньшим успехом» гражданским и военным властям в умиротворении края. В числе униатов назывались имена митрополита Иосафата Булгака, епископа Иосифа (Семашко), епископа Якова Мартусевича и викарного епископа Льва Яворовского. В качестве особой заслуги Иосифа (Семашко) Блудов выделял то, что он от имени митрополита Булгака составил пастырское послание к униатам, а также от имени католического епископа князя Симона Гедройца — «образцовый» проект послания к жителям Самогитии. Эти послания доказывали «дарования» Семашко, а также его преданность монарху и России. В приложении к этому всеподданнейшему докладу Блудов представил императору таблицу, в которой были указаны сан и уже имевшиеся ордена указанных представителей высшего униатского духовенства. В последней, не заполненной графе этой таблицы Николай Павлович лично отметил карандашом те награды, которые он считал нужным присвоить каждому¹⁴.

Во всеподданнейшей записке, поданной императору 3 января 1831 года, Блудов попытался обобщить свои выводы о дальнейших перспективах вероисповедной политики в этом регионе. В частности, он отмечал, что «привязанность римско-католического духовенства к России более чем сомнительна». «Надобно прибавить, — писал он, — что сие весьма естественно. Ему памятно ещё время, когда вера греко-российская была едва лишь терпима там, где ныне она почитается господствующей. Смотреть на сие равнодушно служителю той религии, которая отвергает терпимость, есть дело почти невозможное». По его мнению, католическое духовенство в западных губерниях, особенно в Белоруссии, имело больше влияния, чем в Царстве Польском. «Римско-католическая вера, — писал он, — давно уже угасшая или, по крайней мере, ослабевшая между многими поляками, в Белоруссии, хотя чуждая правительству и многочисленнейшему классу народа, но от действия слишком долго бывших там иезуитов сохранила ревностных до чрезмерности приверженцев»¹⁵.

Одновременно Блудов считал необходимым «предостеречь» военные и гражданские власти западных губерний и в отношении униатского клира. По его мнению, и в этом духовенстве, хотя и осыпанном царскими милостями, «можно с совершенной надёжностью поручиться за правила

¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 87 об., 89–90.

¹⁵ Там же. Л. 196 об. — 197 об.

разве только митрополита Булгака, епископа Семашки и, может быть, ещё двух или трёх протоиереев»¹⁶. Вместе с тем сановник был убеждён в том, что со временем, вследствие умиротворения края, влияние католического духовенства в белорусских губерниях должно было постепенно ослабнуть. Он полагал, что основным средством для достижения этой цели окажутся «время и успехи правительства». В частности, он так объяснял этот процесс: «Когда, с восстановлением порядка в Царстве Польском и тишины в Европе, навсегда исчезнет ныне, может быть, еще существующая в духовенстве и дворянстве западных губерний надежда быть отторгнутыми от России, тогда и многие нынешние католики и тем более греко-униты вспомнят, что они русского происхождения и живут на земле, издревле принадлежавшей России; и кто искренно делается русским, тому естественно обратиться и к праотеческой вере»¹⁷. Для успешной реализации этих задач, по мысли Блудова, было необходимо «единство в мерах по всем отраслям государственного управления». Следовало хотя и постепенно, но непрестанно стремиться «вводить в западные губернии всё русское, администрацию, формы судопроизводства, систему учения, язык, законы, наконец, и обычаи»¹⁸.

Таким образом, в 1830-х годах ключевыми мероприятиями в сфере вероисповедной политики в губерниях, «от Польши возвращённых», стали ликвидация ряда католических и униатских монастырей и секуляризация церковного имущества. После подавления восстания базилианское монашество утратило свою особую роль во внутренней жизни униатской церкви. Вместе с тем представители высшей иерархии греко-католиков в целом продемонстрировали свою лояльность российскому престолу. Процесс формирования новой политической модели управления Западным краем, фактически начавшийся ещё в период русско-польского вооружённого конфликта 1830–1831 годов, растянулся почти на десятилетие. Его важнейшими, во многих смыслах завершающими вехами стали отмена Литовского статута, закреплённая в 1840 году, и воссоединение белорусских униатов с Православной Церковью на Полоцком Соборе, состоявшееся немного ранее, в 1839 году. Определённая медленность и даже непоследовательность этого процесса были обусловлены стремлением Николая I

¹⁶ Там же. Л. 196–196 об.

¹⁷ Там же. Л. 197 об. — 198.

¹⁸ Там же. Л. 198 об.

и его сановников не вступать в открытый конфликт, а скорее опираться на традиционные для сословно-легитимистского государства институты, к числу которых в западных губерниях причислялась и Католическая Церковь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). — М. : Индрик, 1999. — 270 с.

Жукович П. Н. Первый русский попечитель Виленского учебного округа // Христианское чтение. — 1892. — № 5–6. — С. 362–398.

Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — VIII, 745 с.

Каштанова О. С. Языковая политика в сфере образования в западных губерниях и Царстве Польском в XIX в. // Центральноевропейские исследования. — 2020. — № 2 (11). — С. 180–208.

Киселёв А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX в. — Минск : Военная академия Республики Беларусь, 2007. — 171 с.

Козловский В. Россия и Царство Польское в период его автономного быта // Русская мысль. — 1906. — № 4. — С. 183–205.

Лапин В. В. Армия империи — империя в армии: организация и комплектование вооружённых сил России в XVI — начале XX в. // Ab Imperio. — 2001. — № 4. — С. 109–140.

Некрашевич Ф. Тайные общества Отдельного Литовского корпуса // Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Ba tyckich. — 2016. — № 7. — С. 11–30.

Полиевктов М. [А.] Николай I: Биография и обзор царствования. — М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. — XI, [1], 95 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. — М. : Индрик, 2010. — 583 с.

ПСЗ-1. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. — СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

ПСЗ-2. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. — СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1884.

Романчук А. А., прот. Проект общего воссоединения униатов с православными в Российской империи: первоначальный план // Труды Минской духовной академии. — 2012. — № 10. — С. 243–253.

Россия и Польша при Александре I // Русская старина. — 1882. — № 7. — С. 142–144.

Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования : сб. ст. и мат-лов. — СПб. : Нестор-История, 2014. — С. 84–98.

Чистович И. А. Состояние Униатской Церкви в России в царствование императора Александра I // Православное обозрение. — 1879. — № 5–6. — С. 205–231.

Шильдер Н. К. Император Николай и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. — 1900. — № 2. — С. 277–306; — № 3. — С. 518–544; — № 8. — С. 257–264.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность : в 7 т. — СПб. : Тип. лит. Р. Голике, 1894. — Т. 4: 1831 год. — [12], 240, 235 с.

Сведения об авторе:

Анна Альфредисовна Комзолова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21, e-mail: amok.1863@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 09.04.2024.

A. A. Komzolova

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES (INION)
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Policy of the Emperor Nicholas I towards the Uniate Church and the Polish uprising 1830–1831

Abstract. The reign of Emperor Nicholas I began under the slogan of “continuing the reign” of Emperor Alexander I. Initially, he did not aim to alter the governmental system in the western provinces, which had been established under his predecessor. However, by the second half of the 1820s, there was a gradual departure from the previous course, particularly in the realms of educational and religious policy. The young emperor rejected any encroachments on the territorial integrity of the Russian Empire. He regarded Russia’s possession of the “Lithuanian heritage” of Empress Catherine the Great as historically justified. Nicholas I and his officials considered the Polish rebellion of 1830–1831 as a continuation of the revolutionary unrest in Europe that commenced with the July Revolution in Paris. After the suppression of the rebellion, the process of forming a new political governance model for the Western Region commenced. Nicholas I’s strategy for integrating the western provinces included key elements such as aligning the local government system with models common throughout the Russian Empire, fully incorporating the Polish nobility into the

empire's elite, strengthening all-Russian institutions, introducing the Russian language into local judicial proceedings and educational institutions, gradual Russian colonization of border territories, and more. Even before 1830-1831, Nicholas I demonstrated his intention not only to halt the polonization of the Uniate Church but also to foster closer ties between Greek Catholics and the Orthodox Church. After the suppression of the Polish rebellion, the liquidation of several Catholic and Uniate monasteries and the secularization of church property became significant developments in the realm of confessional politics. While the overall participation of the Uniate clergy in the rebellion was insignificant, reports of mutinous activities among the Basilian monks resonated greatly in Saint Petersburg. The article explores Emperor Nicholas I and his officials' assessment of the religious factor in the Polish rebellion of 1830-1831 in the western provinces, as well as the significance they attributed to the loyalty of the highest hierarchs of the Uniate Church.

Keywords: western provinces, the Uniate Church, the Polish uprising of 1830-1831, Emperor Alexander I, Emperor Nicholas I, Dmitry Bludov

For citation: Komzolova, A. A. (2024). Policy of the Emperor Nicholas I towards the Uniate Church and the Polish uprising 1830-1831. *Orthodoxia*, (4), 30-51. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51

REFERENCES:

Gorizontov, L. E. (1999). *Paradoksy imperskoj politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX — Early XX century)]. Moscow : Indrik. [In Russian].

Zhukovich, P. N. (1892). Pervyi russky popechitel' Vilenskogo uchebnogo okruga [The First Russian Trustee of the Vilna Educational District]. *Khristianskoe chtenie*, (5-6), 362-398. [In Russian].

Zapiski Iosifa, mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora : v 3 t. [Notes of Joseph, Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences

According to the Will of the Author : In 3 Vols] (Vol. 1). (1883). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Kashtanova, O. S. (2020). Iazykovaia politika v sfere obrazovaniia v zapadnykh guberniakh i Tsarstve Pol'skom v XIX v. [Language Policy in the Field of Education in the Western Provinces and the Kingdom of Poland in the XIX Century]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, (2), 180–208. [In Russian].

Kiselev, A. A. (2007). *Sistema upravleniia i chinovnichestvo belorusskikh gubernii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The Management System and Bureaucracy of the Belarusian Provinces at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century]. Minsk : Voennaia akademiia Respubliki Belarus'. [In Russian].

Kozlovsky, V. (1906). Rossiia i Tsarstvo Pol'skoe v period ego avtonomnogo byta [Russia and the Kingdom of Poland during its Autonomous Life]. *Russkaia mysl'*, (4), 183–205. [In Russian].

Lapin, V. V. (2001). *Armiia imperii — imperiia v armii: organizatsiia i komplektovanie vooruzhennykh sil Rossii v XVI — nachale XX v.* [The Army of the Empire — the Empire in the Army: the Organization and Recruitment of the Armed Forces of Russia in the XVI — Early XX Century]. *Ab Imperio*, (4), 109–140. [In Russian].

Nekrashevich, F. (2016). *Tainye obshchestva Otdel'nogo Litovskogo korpusa* [Secret Societies of a Separate Lithuanian Corps]. *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*, (7), 11–30. [In Russian].

Polievktov, M. A. (1918). *Nikolai I: Biografiia i obzor tsarstvovaniia* [Nicholas I: Biography and Review of the Reign]. Moscow : Izd. M. i S. Sabashnikovykh. [In Russian].

Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the First Third of the XIX Century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. (2010). Moscow : Indrik. [In Russian].

PSZ-1. — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe : v 45 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Meeting : in 45 Vols]. (1830). Saint Petersburg : Tip. II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. [In Russian].

PSZ-2. — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe : v 55 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection : in 55 Volumes]. (1830–1884). Saint Petersburg : Tip. II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. [In Russian].

Romanchuk, A. A., Archpriest. (2012). Proekt obshchego vossoedineniia uniatov s pravoslavnymi v Rossiiskoi imperii: pervonachal'nyi plan [The Project of the General Reunification of the Uniates with the Orthodox in the Russian Empire: the Initial Plan]. *Trudy Minskoï dukhovnoï akademii*, (10), 243–253. [In Russian].

Rossiiia i Pol'sha pri Aleksandre I [Russia and Poland under Alexander I]. (1882). *Russkaia starina*, (7), 142–144. [In Russian].

Safonov, M. M. (2014). Dekabrizm i Rech' Pospolitaia [Decembrism and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. In *Dekabristy: aktual'nye napravleniia issledovaniia : sb. st. i mat-lov* (pp. 84–98). Saint Petersburg : Nestor-Istoriia. [In Russian].

Chistovich, I. A. (1879). Sostoianie Uniatskoi Tserkvi v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I [The State of the Uniate Church in Russia during the Reign of Emperor Alexander I]. *Pravoslavnoe obozrenie*, (5–6), 205–231. [In Russian].

Shilder, N. K. (1900). Imperator Nikolai i Pol'sha. 1825–1831 gg. [Emperor Nicholas and Poland. 1825–1831]. *Russkaia starina*, (2), 277–306; (3), 518–544; (8), 257–264. [In Russian].

Shcherbatov, A. P. (1894). *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich, ego zhizn' i deiatel'nost' : v 7 t.* [Field Marshal General Prince Paskevich, His Life and Work : in 7 Volumes] (Vol. 4: 1831). Saint Petersburg : Tip. lit. R. Golike. [In Russian].

About the author:

Anna Alfredisovna Komzolova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117418, e-mail: amok.1863@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 09.04.2024.

Иерей А. С. Хотеев

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Роль императора Николая Павловича в воссоединении униатов в 1839 году

Аннотация. Статья посвящена выяснению роли императора Николая I в деле воссоединения белорусских униатов. Данная постановка проблемы является одной из сторон изучения государственного влияния в этом процессе. Акцентируется, что определение значения императорского фактора необходимо производить в связи с оценкой роли епископа Иосифа (Семашко), который был лидером в начатом деле. Производится анализ данных о церковности будущего императора, степени знакомства его со спецификой белорусско-литовских губерний. Поясняется, что вступивший на трон Николай Павлович был расположен следовать политике своего предшественника в отношении униатов, но при этом действовать более решительно, защищая последних от перевода в латинский обряд. Кроме того, новый царь не был расположен к полякам и их претензиям на особый государственный статус Польши в составе Российской империи. Начиная с докладной записки 1827 года от председателя униатского департамента римско-католической духовной коллегии Иосифа (Семашко) о мерах преобразования униатской церкви с целью возвращения её в Русскую

Православную Церковь, император Николай I проникся важностью начертанного в ней плана и одобрил его реализацию. Однако последняя производилась с колебаниями и задержками, обусловленными участием других лиц — государственных сановников и православного епископата. Не все они с пониманием и доверием относились к планам Семашко. По этой причине Преосвященному Иосифу приходилось не раз проявлять настойчивость и искать императорской поддержки. В итоге подготовки воссоединения было подготовлено прошение и Соборный акт на имя царя. Русский монарх принял и то, и другое, но передал их на рассмотрение Святейшего Синода, который имел все канонические полномочия принимать униатов в евхаристическое общение. Соответственно, император Николай Павлович выполнил функцию покровителя и посредника при решении униатского вопроса.

Ключевые слова: Полоцкий Собор 1839 года, император Николай I, митрополит Иосиф (Семашко), воссоединение униатов

Для цитирования: Хотеев А. С., иерей. Роль императора Николая Павловича в воссоединении униатов в 1839 году // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 52–71. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-52-71

Необходимость самой постановки вопроса о значении императора Николая I в деле воссоединения белорусских униатов не подлежит сомнению. На его роль неоднократно указывали сами униатские иерархи, на его имя подано прошение о признании униатов частью Русской Православной Церкви от лица духовенства Литовской и Белорусской епархий в 1839 году. Полоцкий Соборный акт тоже был обращён к императору, а не к Св. Синоду. Как научная проблема участие российского царя в упразднении унии является одним из аспектов исследования государственного влияния в этом деле.

Актуальность данного вопроса обусловлена распространённым убеждением об определяющей роли монарха, который только выбрал подходящих людей для реализации своего намерения в отношении униатов

Белоруссии и Литвы. Так, белорусская исследовательница С. В. Морозова причисляет министра внутренних дел Д. Н. Блудова, обер-прокурора Св. Синода Н. А. Протасова и Преосвященного Иосифа (Семашко) к орудиям «императорской воли» (Канфесііны 2015: 127). Безусловно, было бы странным ожидать обратное — чтобы государственные чиновники, назначаемые царём, действовали ему вопреки. Но Семашко оказался в униатском департаменте Римско-Католической коллегии в Петербурге по избранию от своего духовного начальника — еп. Луцкого Якова Мартусевича, известного своей ревностью к католицизму, и как представитель униатского духовенства действовал на пользу самой униатской церкви в соответствии со своими убеждениями. Это открывается, в частности, из обстоятельств пристрастного суда над еп. Полоцким Иоанном Красовским, в ходе которого прот. Иосиф (Семашко) отстаивал своё особое мнение против начальствующего униатского митр. Иосафата (Булгака) и предубеждённого против Красовского министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 27). Уже из одного этого примера видно, что Семашко изначально не выступал лишь исполнителем чужой воли. Вот его позднейшее признание по этому поводу: «Стойкость эта в собственном мнении и чувство справедливости, обнаруженные мною на двадцать пятом году, не оставляли меня во всех делах правительственных и судебных, в коллегии производившихся. Никакие побуждения, никакие виды не могли меня заставить отступить от мнения, которое я считал законным и справедливым» (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 28). Поэтому, рассматривая судьбу унии в Белоруссии и Литве, следует определить позицию государственной власти в лице императора с учётом инициативы униатской духовно-иерархической власти, выразителем которой был Преосвященный Иосиф (Семашко).

В первую очередь необходимо изучить, как вообще происходило формирование взглядов царя Николая I на унию, приходило понимание существующей проблемы и пути её разрешения.

В своё время императрица Екатерина II, объявляя присоединение белорусских земель к Российской империи в 1772 году, обнадёживала новых подданных в «ничем не ограниченной свободе в публичном отправлении их веры» (Полное собрание 1. Т. 19: 555). Она разъясняла, «что в столь великом государстве [...] весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер», но исполнение этого принципа веротерпимости нужно было основывать на правиле «православия, политики и здравого рассудка» (Полное собрание

1. Т. 19: 508–509). В итоге после разделов Речи Посполитой Православная Церковь приобрела на присоединённых территориях статус господствующего вероисповедания, а католичество обоих обрядов — положение терпимого. Изменившиеся политические обстоятельства благоприятствовали возвращению униатов в православие в 1781–1784 годах и в 1794–1796 годах (преимущественно на украинских землях). Существенной переменой в их положении стало включение высшего униатского управления в структуру управления Римско-Католической Церкви в Российской империи: после нескольких реорганизаций католическая духовная коллегия была разделена на два департамента: римско-католический и греко-униатский. Униатская церковь также получила каноническое устройство из четырёх епархий во главе с митрополитом, что позволяло поддерживать её иерархический строй (на вакантную епископскую кафедру могли посвящать два или три других епископа). Были открыты епархиальная духовная семинария в Полоцке и главная семинария (богословский факультет) при Виленском университете. В 1800, 1803, 1804, 1806 и 1810 годах последовали императорские указы, запрещавшие переводить униатов в латинский обряд. Все эти факты убеждают в том, что самодержавие не стремилось к уничтожению унии, но к поддержанию её церковного статуса ради сохранения в западном крае конфессионального статус-кво.

Можно полагать, что данный правительственный курс изначально определял взгляды будущего царя Николая Павловича на судьбу унии в смысле её сохранения. К сожалению, в записях великого князя за 1822–1825 годы между краткими фразами типа «встал», «пил чай», «читал», «работал», «был у жены», «рисовал», «разделся», «лёг» и проч. не встречаются пояснения, что именно читал, над чем работал, о чём думал (Записные книжки). Поэтому трудно предметно говорить о его внимательности к церковным делам. Конечно, будущий император был религиозен в традиционном церковном понимании: посещал службы, молился дома, соблюдал посты и праздники. Став главой государства, Николай I в общем следовал уже утвердившемуся порядку. По свидетельству фрейлины М. П. Фредерикс, он всегда молился на коленях утром и вечером, в церковь ходил по воскресеньям, великим праздникам и царским дням (правда, вся церемония в таких случаях в дворцовой церкви должна была длиться не более часа, ибо царь не любил длинных служб), всегда просил прощения у приближенных перед Исповедью, сам определял, какие именно мелодии должны исполняться во время богослужения, потому что любил церковное пение и сам в молодости пел на клиросе (Николай I без ретуши 2013: 264–265).

Однако речь идёт не о внешне-формальной религиозности. Примером духовной решительности царя можно считать известный эпизод из истории волнений в Петербурге во время эпидемии холеры в 1831 году. Тогда он выехал навстречу бунтующей толпе простых горожан практически без охраны и громко воскликнул: «На колени!» — а затем, обратившись лицом к церкви Спаса, сказал: «Я пришёл просить милосердия Божия за ваши грехи; молитесь же Ему о прощении; вы Его жестоко оскорбили. Русские ли вы? Вы подражаете французам и полякам; вы забыли ваш долг покорности мне; я сумею привести вас к порядку и наказать виновных. За ваше поведение в ответе перед Богом — я. Отворить церковь: молитесь в ней за упокой душ невинно убитых вами». В ответ толпа опустилась на колени и стала истово креститься (Николай I. 2014: 351–352).

Известно также, что император Николай I не по формальным причинам уклонялся от участия в католических службах, не спешил короноваться в Польше и покорился необходимости принять эту церемонию в костёле в 1829 году, только уступая традиции (Шильдер 2013: 469–470). Хотя коронация не прошла гладко, монарх не выказывал никакого недоверия полякам, прогуливался по Варшаве вместе с императрицей без свиты и сопровождения.

О ситуации на белорусских землях будущий царь приобрёл впечатления в ходе своих неоднократных посещений строящейся бобруйской крепости (проезжая через Витебск, Смоленск или Минск). В этом отношении представляют интерес следующие его наблюдения из путевого журнала за 1816 год: «В Белоруссии дворянство, состоящее почти всё из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России и кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян все прочие присягнули Наполеону. [...] Крестьяне их почти все на тяжёлом оброке и весьма бедны, — при этом общая гибель крестьян сих провинций — жиды здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. [...] Также не совсем бесполезно будет упомянуть, что здесь в губернии 37 католических монастырей, из коих половина почти иезуитских, воспитывающих юношество всех исповеданий; главнейшие в Орше и Могилёве. Всякий день обращают они в свою веру молодых людей, и как они совершенно отделены от гражданского ведомства, даже их имения, то ежедневно происходят беспорядки и замешательство» (Николай Первый и его время 2000: 239–240). В 1820 году последовал императорский указ о высылке иезуитов

из России, объясняющий эту меру их корыстолюбием и прозелитизмом (сворачивание в католичество православных и в латинство грекоуниатов).

С учётом этих данных можно говорить о преданности императора Николая I православию, о холодности к католичеству, о подозрительности к полякам, которые показали свою нелояльность самодержавию на белорусских землях во время войны с Наполеоном. Указы императора Александра I, направленные против перевода униатов в латинский обряд, и, в частности, изгнание из России иезуитов, а также впечатления от личных поездок в белорусские губернии сформировали у его преемника царя Николая Павловича убеждение в необходимости продолжать начатый правительством курс на ослабление католического влияния в провинциях «от Польши возвращённых».

В этом контексте следует рассматривать первые распоряжения императора Николая I, касающиеся униатов. Так, сенатский указ от 27 июля 1826 года имеет в виду запрещение распространять книги униатской печати за пределами униатских храмов и предписывает печатать на титульной странице указание на униатскую принадлежность изданий, чтобы православные не приобретали их по оплошности из-за церковнославянского языка. Поводом для этого узаконения стало сообщение митр. Киевского Евгения (Болховитинова) о продаже униатских молитвословов в Киеве, где никаких униатов уже не имелось (Полное собрание 2. Т. 1. 1830: 816–817). Затем 9 октября 1827 года последовал указ о недопущении в униатское монашество лиц латинского обряда, а также вообще мало сведущих в церковнославянском языке и богослужении, и чтобы поднять уровень знаний того и другого среди униатского юношества, предлагалось учредить соответствующие училища (Полное собрание 2. Т. 2. 1830: 877–878). Данные законы посвящены частным вопросам, и если первый клонится к защите интересов господствующего вероисповедания (православия), то второй — к пользе самих униатов, среди которых отмечается рознь между белым духовенством и монашеством по вопросу о духовном образовании.

Никакой программы действий для окончательного решения судьбы униатской церкви в первых узаконениях императора Николая I не просматривается, однако указ 1827 года обращает внимание на её внутреннее состояние и в этом отношении стимулирует процесс обновления, который был инициирован униатским митр. Ираклием (Лисовским) и представителями Брестского капитула. Имел он и ещё одно

последствие, напрямую касающееся судьбы самой унии. Речь идёт о записке прот. Иосифа (Семашко), написанной по поводу указа 1827 года после откровенной беседы с директором департамента духовных дел иностранных исповеданий Г. И. Карташевским (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 32–44, 387–398). В этом документе автор указывает на опасность поглощения унии латинством, аргументирует необходимость отделения церковного управления униатов от латинян через образование Греко-униатской духовной коллегии, реорганизацию епархиального деления, упразднение орденового самоуправления монахов-базилиан и создание отдельной от римско-католической системы духовного образования. Впоследствии данный текст был интерпретирован Семашко как «Записка о положении в России униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», однако в ней нет прямого призыва к возвращению униатов в православие. Лишь осторожно говорится: «Стоит только их (униатов. — А. Х.) удалить несколько от римлян... стоит дать посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства, 1500 униатских приходов занимающего... и народ легко пойдёт путём, пастырями своими указываемым» (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 394). Таким образом, молодой асессор униатского департамента решился подсказать, куда в конечном счёте можно направить внутренние преобразования униатской церкви, но сделал это намёком, не слишком доверяя бумаге.

В записке прот. Иосифа (Семашко) присутствовали слова, которые должны были найти живой отклик у императора Николая I: «Римский обряд в западных губерниях возник и распространился на развалинах греко-русского и униатского — да и откуда столько римских епархий в коренных русских областях? Это русская кровь течёт в сердцах, ныне России — матери своей — враждебных! [...] Изложив по возможности свои мысли, долгом поставлю просить извинения у благосклонного начальства [...] — Да простится сие тому усердию и ревности, с каковыми я желал бы видеть полтора миллиона русского народа, ежели не соединённым, то по крайней мере приближенным; ежели не совершенно дружным, то и не враждебным к старшим своим братьям; видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца-государя!» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 393, 398). Здесь вопрос об унии открывается не с точки зрения отвлечённо-правовой (как в упомянутом выше наказе императрицы Екатерины II), а с позиции национально-государственного интереса: униаты — это часть русского народа,

напитанная враждой польского духа и католического духовенства, следовательно, совершенно присоединить их — значит вывести из церковного подчинения Риму и польского культурного влияния.

По этой причине понятно, почему царь написал следующую резолюцию на записке Семашко: «Я радуюсь, что случайно нашёл в униатской церкви человека, который может быть способен помочь нам в деле, которым непрестанно занимаюсь и с помощью Божией приведу в исполнение» (Романчук 2018: 111). Что подразумевается здесь под «делом» — воссоединение ли униатов или же уничтожение в унии полонизма и прекращение католического прозелитизма, — не вполне ясно. Во всяком случае, на униатов правительство стало обращать регулярное внимание. Уже 30 июля 1828 года царь утвердил мнение Государственного совета о переносе сбора десятины с униатов латинскому духовенству на священников униатских (Полное собрание 2. Т. 3. 1830: 717), которые по примеру православных освобождаются в западных губерниях от сборов на нужды латинских патеров (практика взимания десятины удерживалась до сих пор на белорусско-литовских землях уже двести лет при Речи Посполитой и пятьдесят лет при Российской империи!).

Сам Преосвящ. Иосиф впоследствии писал, что слова царской резолюции «нечаянно обратили меня к поприщу, столь соответствовавшему тогдашнему моему намерению и душевному расположению. Спустя два года после посвящения во епископа (1829 год. — А. Х.) удостоился я с митрополитом и епископом Мартусевичем представления в царском кабинете и был удивлён самым приятным образом, когда государь император, излагая нам положение униатской церкви и намерение своё улучшить оное, повторял, почти слово в слово, целые места из моей записки. Мои товарищи удивлялись также: откуда мог государь иметь все подобные сведения, им самим не вполне известные. Это одно обстоятельство указывает, насколько государь император принимал близко к сердцу униатское дело и оным занимался. Никто более меня не убеждён, что он был истинным виновником сего дела. Сколько ни случилось в течение одного помешательства и остановок, всегда они были отстраняемы твёрдой волей государя, и дело получало новое движение» (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 45). Отдавая должное скромности митр. Иосифа (Семашко), следует всё-таки признать, что именно он был человеком, подсказавшим царю Николаю I тот образ действий в отношении унии, который соответствовал мыслям самого императора об укреплении русской государственности в западных губерниях. Однако далеко не

сразу наилучший способ решения униатского вопроса в таком контексте приобрёл реальные очертания.

Польское восстание 1830–1831 годов стало дополнительным стимулом для правительства, чтобы ослабить в белорусско-литовских губерниях польско-католическое влияние. С этой целью был учреждён Комитет Западных губерний из опытных сановников, приближенных к монарху. Этот орган управления должен был согласовывать предложения о важнейших преобразованиях, планируемых в губерниях «от Польши возвращённых». Так, в Комитете рассматривались проекты гродненского губернатора М. Н. Муравьёва, где были пункты об изменениях конфессиональной ситуации, в частности касающиеся униатов. Свои предложения губернатор подавал царю в виде докладных записок, а последний поручил их изучить в Комитете и подать мнение об их целесообразности. Суждения М. Н. Муравьёва обсуждались в Комитете несколько раз в 1831–1832 годах. Так, он предлагал строже следить за запрещением перехода униатов в латинский обряд, воспретить служение униатских священников в латинских костёлах и наоборот, предписать униатским епископам следить за сохранением восточных обрядов, специально объезжать для этого епархии и ввести строгую ответственность для нарушителей, секуляризовать недвижимые монастырские владения, уравнивать наказание за переход из унии в латинство с совращением из православия (Муравьёв 1885: 163–168).

Примечательно, что губернатор был некоторым образом осведомлён о намерении окончательно решить судьбу унии. «Рано или поздно, — писал он императору, — при постоянных действиях правительства, униаты должны быть обращены в Православие [...] Впрочем, обращение униатов к Православию можно было бы привести в исполнение и ныне без большого затруднения, особенно в селениях; ибо белорусские крестьяне по большей части ещё столь невежественны, что мало постигают различие вер; но для сего необходимо постоянное действие и пребывание благонамеренного и деятельного униатского епископа и такового греческого с особенными нравственными качествами, способного к снисходительному убеждению заблуждающихся» (Муравьёв 1885: 167).

Однако, несмотря на всю актуальность поднятых вопросов, в Комитете Западных губерний к предложениям М. Н. Муравьёва отнеслись без сочувствия из рассуждения, что не следует обострять сложную ситуацию в только что усмирённом от мятежа крае. Например, секуляризация монастырских имений была решительно отвергнута: «Мера столь насильственная, могущая только возбудить ропот и нарекания

духовенства, без сего нам неприятного и в краю сем по влиянию своему столько сильного [...] была бы во всех отношениях более вредною, нежели полезною» (Журналы: 220). Мнение членов Комитета по этому вопросу было поддержано императором. Также были одобрены им умеренные предложения министра внутренних дел Д. Н. Блудова по другим пунктам программы М. Н. Муравьёва: о прекращении бродяжничества детей униатского духовенства, о смене якобы нелояльного правительству председателя Литовской духовной консистории прот. Антония Тупальского, о решительных мерах к восстановлению греческого вида униатских церквей и о запрещении делопроизводства на польском языке — во всех случаях министр предлагал избегать крутых действий, наблюдая за эффективностью уже изданных распоряжений (Журналы 2017: 289–294).

В целом можно сказать, что в первые годы после восстания план общего воссоединения униатов, предложенный Семашко, не то чтобы был совершенно оставлен императором Николаем I, но явно отодвинут в своём исполнении. Правительство опасалось произвести новое раздражение решительными мерами в конфессиональной сфере.

Эта медлительность понудила Преосвященного Иосифа 26 июля 1832 года обратиться к министру Д. Н. Блудову и через него к царю со специальным докладом, в котором давалась положительная оценка начатым изменениям по части образования униатского духовенства и ставилась на вид опасность случившейся остановки. В частности, автор указывал на то, что не были приняты меры к ослаблению базилианского ордена — его малолюдные монастыри с принадлежащими имениями оставались в преизбытке, составляя большую духовную и материальную силу против готовящегося воссоединения. Если продолжать начатые действия, придерживаясь задуманного плана, — писал Семашко, — «через десять лет полтора миллиона униатов вошли бы в состав Греко-Российской Церкви без всякого принуждения и даже затруднения» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 598).

Но поскольку после восстания стали высказываться мысли об обращении униатов по образцу 1780-х и 1790-х годов (времен императрицы Екатерины II), то есть частными присоединениями отдельных приходов, еп. Иосиф предупреждает против этого: униаты Литовской и Белорусской епархий более предубеждены против православного духовенства, они имеют своими покровителями помещиков-католиков, которые готовы всячески противодействовать обращениям приходов в своих имениях

в православие. Поэтому Семашко предлагает другую меру — подчинить униатскую духовную коллегия напрямую Св. Синоду и ввести в него униатского митр. Иосифа (Булгака). Далее посредством предписаний духовным консисториям должны были следовать отмены поминания римского папы, употребления Филиокве, праздника в честь Иосафата Кунцевича и др. Постепенные меры привели бы к положительному результату уже через три-четыре года. В заключение автор просил не оставлять начатого дела воссоединения, так как «главное состоит в том, чтобы дать униатскому делу твёрдое и непоколебимое направление — иначе на всяком шагу последует сбивчивость, которая будет оное удалять от прямой цели, а не подвигать к оной» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 606).

В таком же духе обращался Преосвященный Иосиф и в последующих докладных записках, что побудило императора задуматься о продолжении начатого: в словах Семашко заключалось искреннее беспокойство. «Это обвинительный акт против меня и тебя», — сказал царь Николай I министру Д. Н. Блудову (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 73–74).

Действительно, император колебался. Предложение еп. Иосифа (Семашко) подчинить униатскую церковь Св. Синоду означало прямое посягательство светской власти на власть духовную. Такое «иерархическое» разрешение униатской проблемы казалось слишком авторитарным. Тем более что со стороны самого Св. Синода исходило иное видение ситуации. В 1833 году была восстановлена древняя Полоцкая православная епархия и во главе её поставлен еп. Смарагд (Кржижановский). Он активно начал осуществлять миссию по обращению униатов в православие, используя не столько убеждение, сколько административный ресурс (губернских и уездных чиновников, местных православных помещиков) (Романчук 2018: 127). Такие меры имели весьма ограниченный успех, но ещё большее произвели озлобление среди униатского духовенства Белорусской епархии.

Царю приходилось делать выбор между «иерархическим» планом Семашко и «миссионерским» подходом Св. Синода. Естественным выходом из этой ситуации была попытка согласовать обе стратегии, учредив специальный Секретный комитет по униатским делам. Однако его состав оказался слишком широким для эффективной работы. Сюда вошли четыре православных иерарха, обер-прокурор Св. Синода С. Д. Нечаев, два униатских архиерея (митр. Иосафат (Булгак) и еп. Иосиф (Семашко)), а также четыре высоких чиновника (министр внутренних дел и др.). Комитет провёл всего три заседания в 1835–1836 годах и прекратил

свою фактическую деятельность. Вопросы, обсуждавшиеся на трёх его собраниях, не имели прямого отношения к делу воссоединения униатов, а касались частных мер по улучшению образования униатского духовенства. Попытка согласовать действия в более узком кругу членов Комитета также не привела к благоприятным результатам: слишком разные оказались позиции сторонника общего воссоединения (еп. Иосифа (Семашко) и сторонника миссионерских обращений (обер-прокурора С. Д. Нечаева) (Романчук 2018: 280). Впоследствии Преосвященный Иосиф утверждал, что его план перехода униатов через подчинение униатской духовной коллегии Св. Синоду первоначально получил одобрение императора, но при этом не исполнялся (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 83). Однако, если царь Николай I и высказывал на словах свою поддержку предложению Семашко, он явно не торопился с его реализацией, опасаясь поступать в приказном порядке. Препятствие встретилось и в высшем православном духовенстве, которое боялось произвести соблазн такой мерой, особенно среди старообрядцев (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 721).

Дело простаивало, и еп. Иосиф решился в 1836 году подать просьбу о своём личном присоединении к Православной Церкви, уже теряя всякую надежду на общее воссоединение униатов. Этот шаг вызвал следующие объяснения, и план Семашко снова получил поддержку императора: тогда же еп. Иосиф подготовил царский указ о переводе униатских дел в ведомство обер-прокурора Св. Синода. Соответствующее распоряжение (№ 9825) было подписано 1 января 1837 года (Полное собрание 2. Т. 12. 1838: 1). Постепенность осуществляемых мер по сближению унии с православием была принципом действия Преосвященного Иосифа (Семашко). Убеждая императора в благоприятном исходе своего плана, он проводил в жизнь предварительные шаги, демонстрирующие его уверенность в подготовленности нужной почвы. Так, в 1837 году с монаршего разрешения Семашко допустил служение православных священников в униатской церкви в Молодечно (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 111). Таким образом, приближение общего воссоединения совершалось не без колебаний со стороны правительства и православной иерархии. Император также, сочувствуя плану еп. Иосифа, действовал осторожно, не спеша с окончательным указом о подчинении униатского управления Св. Синоду.

Наконец в 1838 году сложились благоприятные условия для окончательного разрешения униатского вопроса: умерли митр. Иосафат (Булгак) и викарный еп. Иосафат (Жарский), которые были

сторонниками сохранения унии с Римом, положительно продвигалась литургическая реформа по восстановлению восточной обрядности в унии, значительная часть униатского духовенства дала письменное согласие на воссоединение с православием. Несмотря на скрытое и явное недовольство со стороны помещиков латинского обряда, нерешительность части униатских священников, еп. Иосиф (Семашко) настаивал в своей докладной записке от 1 декабря 1838 года на скорейшем воссоединении (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 78–83). Он не только подготовил проект прошения императору и текст Соборного акта, подписанные затем в Полоцке 12 февраля 1839 года, но и предложил свой проект ответного императорского указа о присоединении греко-униатской церкви к Церкви Греко-Российской посредством подчинения униатской духовной коллегии Св. Синоду (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 84–85). В этом отношении Преосвященный Иосиф выдержал свою линию до конца.

Однако царём Николаем I была учтена позиция и православной иерархии, которая ожидала от униатов надлежащего соборного обращения. Император, получив Полоцкий Соборный акт и прошение на своё имя, адресовал их Св. Синоду для издания соответствующего постановления и синодальной грамоты (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 89–92). Таким образом, русский монарх предстал в роли посредника, а не совершителя воссоединения, что, конечно, более соответствовало его статусу при решении канонических вопросов. Обращение к императору, содержащееся в Полоцком акте, было направлено в русло церковных правил, ибо не царю принадлежит решение о принятии в евхаристическое общение тех или иных сообществ.

Хотелось бы также обратиться к оценкам роли царя Николая I в деле воссоединения со стороны самих униатских архиереев. Точка зрения Преосвященного Иосифа (Семашко) уже приводилась выше. Еп. Полоцкий Василий (Лужинский) высоко ценит волю императора, который пожелал, чтобы воссоединение совершилось без насилия, только силой убеждения: «Эта державная воля следила за всеми моими действиями через посредство моих руководителей, которыми были — сначала митрополит всех греко-униатских церквей в России Иосафат Булгак [...], а потом граф Протасов, обер-прокурор Святейшего Синода» (Лужинский 2019: 22). Еп. Антоний (Зубко) в своих воспоминаниях не подчёркивает особых заслуг монарха, говоря в общем: «Император Николай I тотчас по восшествии на престол обнаружил энергическое желание действовать в духе русском, и мы ободрились» (Зубко 2019: 44). Поскольку Преосвященный Иосиф (Семашко)

более других своих сотрудников имел возможность передавать царю свои докладные записки и получать монаршие резолюции, его мнение и оценка представляются наиболее адекватными: без поддержки императора дело воссоединения не завершилось бы благополучно. Однако по части инициативы, проработки всех этапов и деталей этого процесса, безусловно, на первом месте должна быть поставлена заслуга самого Семашко. В связи с этим можно согласиться с выводом современного исследователя прот. Александра Романчука: «Воссоединение униатов было инициировано, подготовлено и совершено исключительно благодаря митрополиту Иосифу. Несомненно, без заинтересованности Николая I оно не могло бы ни начаться, ни достичь цели [...] император только проявил намерение реформировать униатскую церковь, одобрил концепцию воссоединения» (Романчук 2018: 309). И, конечно, не император предложил конкретный план упразднения самой унии.

Подводя итог настоящему рассмотрению, необходимо заметить, что царь Николай I не имел заранее мысли об уничтожении унии, однако он ещё до восшествия на престол убедился в пагубности католического влияния в белорусско-литовских губерниях. Поначалу он продолжал курс своего предшественника, гарантировавший униатам защиту и покровительство законов. Однако намёк Преосвященного Иосифа (Семашко) в записке 1827 года о необходимости защитить униатов от латинства с целью их возможного возвращения в православие был тотчас же усвоен императором как собственная мысль. В дальнейшем русский монарх действовал осторожно, не вполне разделяя план Семашко после реформирования унии передать управление униатской церковью в ведение Св. Синода простым императорским указом. Царь Николай I понимал, что у него нет таких полномочий, и, кроме того, видел неготовность к такому решению со стороны православной иерархии. Преосвященный Иосиф (Семашко) сумел осуществить задуманный план, когда ведомое им униатское духовенство обратилось с прошением о воссоединении к императору. И последний сумел переадресовать Полоцкий Соборный акт Св. Синоду, который единственный мог принять каноническое решение о включении двух униатских епархий в свою юрисдикцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. — Минск : МедиаЛ, 2019. — 240 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки. — Минск : МедиаЛ, 2019. — 240 с.

Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. — Т. 1: 1831–1835 гг. — СПб., 2017. — 848 с.

Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. — М. : Политическая энциклопедия, 2013. — 904 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — 745 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 2. — 786 с.

Муравьев М. Н. Четыре политические записки // Русский архив. — 1885. — Кн. 2. — № 6. — С. 161–199.

Николай I без ретуши / авт.-сост. Я. Гордин. — СПб. : Амфора, 2013. — 543 с.

Николай Первый и его время : документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — Т. 1. — 448 с.

Николай I. Моё самодержавное служение. — М. : Эксмо, 2014. — 528 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 1. — 1379 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 2. — 1561 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 3. — 1642 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1838. — Т. 12. — Ч. 1. — 822 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — СПб., 1830. — Т. 19. — 1081 с.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский : очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. — М. ; Минск : Издание общества любителей церковной истории, 2018. — 443 с.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. — М. : Слово, 2013. — 712 с.

Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і тнш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларуская навука, 2015. — 496 с.

Сведения об авторе:

Иерей Алексей Сергеевич Хотеев — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, 220072, Белоруссия, Минск, ул. Академическая, 1, e-mail: hoteev@tut.by

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

Priest A. S. Khoteev

INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS,
MINSK, BYELORUSSIA

The Role of Emperor Nicholas I in the Reunification of the Uniates in 1839

Abstract. The article focuses on clarifying the role of Emperor Nicholas I in the reunification of the Belarusian Uniates. This framing of the issue represents one aspect of examining the influence of the state in this process. It is emphasized that evaluating the significance of the imperial factor must be done in conjunction with assessing the role of Bishop Joseph (Semashko), who was the leader in the initiated case. The article analyses data concerning the religious attitudes of the future emperor and the extent of his familiarity with the particulars of the Belarusian-Lithuanian provinces. It is elucidated that upon ascending the throne, Nicholas I was inclined to continue the policies of his predecessor regarding the Uniates. However, he also demonstrated a tendency to act more decisively, safeguarding them from being transferred to the Latin rite. Additionally, the new Tsar was distrustful of the Poles and their aspirations for a special state status of Poland within the Russian Empire. Beginning with the memorandum of 1827 received from Joseph Semashko, the representative of the Uniate department of the Roman Catholic Ecclesiastical Collegium, outlining measures to transform the Uniate church for its return to the Russian Orthodox Church, Emperor Nicholas I recognized the significance of the plan and approved its implementation. However,

the latter was executed with hesitations and delays, partly due to the involvement of other individuals such as state dignitaries and the Orthodox episcopate. Not all of them comprehended and placed trust in Semashko's plans. For this reason, the Right Reverend Joseph had to persevere on multiple occasions and seek the support of the Emperor. As a result of the preparation for reunification, a request and a conciliar petition addressed to the Tsar were prepared. The Russian monarch accepted both proposals but deferred them to the Holy Synod, which held all the canonical powers necessary to admit Uniates into Eucharistic communion. Accordingly, Emperor Nicholas I fulfilled the role of patron and mediator in resolving the Uniate issue.

Keywords: the Church Council of Polotsk in 1839, Emperor Nicholas I, Metropolitan Joseph (Semashko), reunification of the Uniates

For citation: Khoteev, A. S., Priest. (2024). The Role of Emperor Nicholas I in the Reunification of the Uniates in 1839. *Orthodoxia*, (4), 52–71. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-52-71

REFERENCES:

Antony (Zubko), Archbishop. (2019). *O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii* [About the Greek Uniate Church in the Western Region of Russia]. Minsk : Medial. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (2019). *Zapiski* [The Notes]. Minsk : Medial. [In Russian].

Zhurnaly Komiteta zapadnykh gubernii [Journals of the Committee of Western Provinces] (Vol. 1: 1831–1835). (2017). Saint Petersburg. [In Russian].

Zapisnye knizhki velikogo kniazia Nikolaia Pavlovicha. 1822–1825 [Notebooks of Grand Duke Nikolai Pavlovich. 1822–1825]. (2013). Moscow : Politicheskaya entsiklopediya. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora : v 3 t.* [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published

by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 1). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora* : v 3 t. [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 2). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Muravev, M. N. (1885). Chetyre politicheskie zapiski [Four Political Notes]. *Russkii arkhiv*, book 2, (6), 161–199. [In Russian].

Nikolai I bez retushi [Nicholas I without retouching]. (2013). Saint Petersburg : Amfora. [In Russian].

Nikolai Pervyi i ego vremia: dokumenty, pis'ma, dnevniki, memuary, svidetel'stva sovremennikov i trudy istorikov [Nicholas the First and His Time: Documents, Letters, Diaries, Memoirs, Testimonies of Contemporaries and Works of Historians] (Vol. 1). (2000). Moscow : OLMA-PRESS. [In Russian].

Nikolai I. (2014). *Moe samoderzhavnoe sluzhenie* [My Autocratic Ministry]. Moscow : Eksmo. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 1). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 2). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 3). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 12, Part 1). (1838). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 19). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2018). *Vysokopreosviashchennyi Iosif (Semashko), mitropolit Litovskiy i Vilenskiy: ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoi deiatel'nosti* [His Eminence Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: an Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow, Minsk : Izdanie obshchestva liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Shilder, N. K. (2013). *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas the First. His Life and Reign]. Moscow : Slovo. [In Russian].

Kanfesiiny faktor u satsyial'nym razvitstsi Belarusi (kanets XVIII — pachatak XX st.) [Confessional Factor in the Social Development of Belarus (Late XVIII — Early XX Centuries)]. (2015). Minsk : Belarускаia navuka. [In Belarusian].

About the Author:

Priest Alexei Sergeevich Khoteev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1, Akademicheskaya str., Minsk, Belarus, 220072, e-mail: hoteev@tut.by

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 25.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Иерей В. В. Шеститко

СВЯТО-РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЧНЫЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ,
ГРОДНО, БЕЛОРУССИЯ

Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению деятельности Секретных комитетов эпохи царствования Николая I, специально сформированных для решения проблем, связанных с воссоединением униатов западных губерний Российской империи в первой половине XIX века. В большинстве исследований по истории воссоединения деятельность Секретных комитетов освещается лишь в самых общих чертах. Чаще всего вопрос об их роли в процессе воссоединения остаётся открытым. Это позволяет историкам и публицистам интерпретировать деятельность комитетов в зависимости от своих религиозных, национальных или идеологических взглядов. Так, католические историки стараются подчеркнуть уже сам факт существования подобных комитетов как доказательство насильственного присоединения униатов, а комитеты представить в виде зловещих и таинственных органов российского правительства. Такой взгляд легко объясним горечью поражения для католицизма в событиях 1839 года, но совершенно несправедлив с исторической стороны. В статье рассматривается феномен появления Секретных комитетов в эпоху царствования Николая I и Секретных комитетов по униатским делам в частности. В историографии воссоединения существует мнение о том, что существовал единый

¹ В публикации автор использовал в том числе материалы своих исследований, выходявших ранее (см. список литературы).

Секретный комитет по униатским делам, деятельность которого с перерывами продолжалась с 1834 по 1839 год. В действительности же существовал целый ряд Секретных комитетов, отличных друг от друга как по названию и персональному составу, так и по характеру рассматриваемых вопросов. Рассмотрение их деятельности и анализ сохранившихся архивных источников и историографического материала свидетельствуют об отсутствии почти всякой преемственности и последовательности в их функционировании. Секретные комитеты, являвшиеся единственными официальными органами, учреждёнными правительством Российской империи для курирования воссоединения униатов с православием, создавались по мере необходимости — для обсуждения и выработки путей разрешения возникших в определённый исторический момент проблем в процессе воссоединения. Рассмотрение итогов работы Секретных комитетов приводит к заключению, что эти комитеты не являлись разработчиками и проводниками долговременной политики в отношении униатской церкви в Российской империи, лишь эпизодически участвуя в деле воссоединения. Следовательно, тезис о том, что воссоединение униатов было насилием над их религиозной совестью, подготовленным и совершённым единственно силами правительства Российской империи, является несостоятельным.

Ключевые слова: православие, католичество, уния, Секретные комитеты по униатским делам, воссоединение униатов с Православной Церковью, император Николай I, митрополит Филарет (Дроздов), митрополит Иосиф (Семашко), Д. Н. Блудов, С. Д. Нечаев, Н. А. Протасов, А. Х. Бенкендорф, П. Д. Киселёв

Для цитирования: Шеститко В. В. Секретные комитеты по униатским делам и их роль в упразднении унии // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 72–95. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-72-95

Воссоединение униатов западных губерний Российской империи с Православной Церковью многократно становилось объектом исторических исследований, однако деятельность Секретных комитетов, напрямую связанных с этими событиями, в большинстве из них рассматривается весьма поверхностно и лишь в самых общих чертах. Между тем установление объективных исторических знаний о роли Секретных комитетов в воссоединении с униатами поможет найти ответ на вопрос, было ли воссоединение 1839 года добровольным возвращением униатов на православный путь спасения или это было насилием над их религиоз-

ной волей и совестью, подготовленным и совершённым единственно силами правительства Российской империи и православного духовенства. Для католических и униатских историков уже сам факт существования Секретных комитетов представляется ярким доказательством насильственного присоединения униатов, а сами комитеты представлены в виде неких зловещих органов, в которых под покровом тайны разрабатывались планы уничтожения униатской церкви в Российской империи. Отношение к Секретным комитетам как к силовым инструментам российского правительства для насилия над униатской церковью легко позволяет католической стороне объяснить воссоединение униатов с православием, но совершенно не справедливо с исторической точки зрения.

ФЕНОМЕН СЕКРЕТНЫХ КОМИТЕТОВ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Создание и деятельность целой чреды таких новых для России совещательных органов, как Секретные комитеты, являлось яркой чертой эпохи правления императора Николая I (1825–1855). Характерной особенностью того времени был тот факт, что государственная система России в основном состояла из исполнительских органов. В ней не было учреждений, призванных заниматься разработкой преобразований. Вместе с тем усложнение политической жизни и возникавшие в процессе управления громадной империей трудности приводили к тому, что монарх при всём своём желании не мог предложить решения для множества государственных задач. Поэтому для обсуждения остро стоявших вопросов и создавались особые совещательные органы — Секретные комитеты, призванные всесторонне рассмотреть возникшие проблемы и разработать возможные пути их разрешения.

Уже в конце первого года своего правления, 6 декабря 1826 года, императором был учреждён первый Секретный комитет под председательством графа В. П. Кочубея. Задачей этого комитета, по мысли Николая I, было «обстоятельное обозрение разных предположений, найденных в бумагах покойного Государя Императора <...> дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению» (Сборник Императорского Русского Исторического Общества 1891: 15). К деятельности этого комитета император имел пристальное внимание, собственноручно начертав записку с пояснением его задач и повелением еженедельно уведомлять его о ходе заседаний.

Практика создания Секретных комитетов получила широкое распространение — например, в период с 1840 по 1843 год действовало шесть

финансовых Секретных комитетов. Постоянно создавалось множество и других комитетов — например, т. н. еврейские комитеты (их насчитывают шесть), комитет охранения общей безопасности, комитет о раскольниках и отступниках, комитет высшей церковной цензуры и др. Наиболее изученной является история Секретных комитетов по крестьянскому вопросу. Так, историки насчитывают до 11 подобных комитетов, отмечая, что «секретные комитеты по крестьянскому делу возникали и исчезали один за другим» (Мироненко 1990: 102).

Деятельность большинства Секретных комитетов не была долговременной, и чаще всего они состояли исключительно из представителей высшего чиновничества, избравшихся не по компетентности в рассматриваемой проблеме, а по занимаемому ими положению в органах государственной власти. Дело в том, что обстоятельства, сопровождавшие вступление Николая I на трон, развили в нём склонность доверять лишь небольшому кругу преданных ему лиц. Император имел обычай долго присматриваться к человеку, и если находил его заслуживающим доверия, то полагался на него безгранично. Личную же неопытность в управлении государством император и попытался восполнить путём создания особых Секретных комитетов, призванных сначала всесторонне рассмотреть и обсудить, а затем выработать программы разрешения важнейших вопросов внутренней, внешней и военной политики.

Часть законопроектов, подготовленных и обсуждённых в таких комитетах, поступала в Государственный совет или в Комитет Министров; другие утверждались императором единолично; третьи вообще не получали никакого движения, так как не были одобрены монархом. Впоследствии внимание императора к деятельности Секретных комитетов несколько ослабело, да и сами результаты работы комитетов оказались достаточно скромными. Последний Секретный комитет был создан в 1857 году уже императором Александром II, и занимался он разработкой мер по отмене крепостного права. Общая оценка деятельности этих комитетов оказалась невысокой. Так, результатом деятельности девяти Секретных комитетов по крестьянскому вопросу в царствование Николая I стало всего три указа, бывших практически бездейственными (Алексеев 1911: 208).

«СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ГРЕКО-УНИАТСКИМ»

В ноябре 1827 года молодой греко-католический прелат и заседатель 2-го (униатского) департамента Римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге Иосиф (Семашко) после беседы

с директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г. И. Карташевским получил от него предложение письменно изложить свои соображения относительно существующего положения униатской церкви. Это предложение было незамедлительно исполнено. Составленная Иосифом (Семашко) записка содержала ряд инициатив по ограждению униатской церкви в пределах Российской империи от латинизации и ополячивания. Эта записка была рассмотрена и одобрена императором Николаем I и стала причиной перемены конфессиональной политики российских властей в отношении униатской церкви.

Уже в конце 1827 года начался поддерживаемый властями процесс реформы униатской церкви с целью сближения её с православием. Со стороны правительства во главе этого процесса стал сам император Николай Павлович, а непосредственным исполнителем был назначен Дмитрий Николаевич Блудов. В рамках этого воссоединительного процесса и появилось предложение о создании особого Секретного комитета по униатским делам. Мысль о необходимости подобного комитета на государственном уровне впервые была высказана в июне 1834 года в секретном докладе Д. Н. Блудова императору. К этому моменту Блудов занимал пост министра внутренних дел, и именно его ведомству в 1832 году были переданы все дела иностранных исповеданий.

В своём докладе Дмитрий Николаевич излагает императору общий ход проведённых с 1827 года мер по униатскому вопросу и замечает: «Таким образом, кажется, всё уже приготовлено со стороны Униатской к важной мере подчинения Греко-Униатской Церкви Святейшему Синоду. Но к оной ещё не приготовлены сами Православные, а дабы сия мера не произвела с сей стороны вредных последствий, нельзя не принять мнения, изъявленного Московским Митрополитом Филаретом, что нужно предварительно составить для Униатских дел особый Комитет, коего целью будет: согласиться мало-помалу и почти нечувствительно, без особых объяснений в правилах касательно взаимных отношений Греко-Российской и Греко-Униатской Церкви, обдумать и приготовить меры, которые нужно принять впоследствии для успешного хода Униатского дела»². Следует отметить, что в качестве основной причины, побуждающей к учреждению Секретного комитета, в докладе указываются не какие-либо проблемы в реформировании униатской церкви или ходе воссоединения, а именно неготовность к сближению церковей со стороны самих православных.

² Об учреждении Секретного комитета по делам греко-униатским. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 10. Л. 9.

29 мая 1835 года Блудов отправил обер-прокурору С. Д. Нечаеву официальное отношение об учреждении «Секретного комитета по делам греко-униатским» с поимённым указанием всех назначенных государем членов³. Со стороны православных в комитет вошли: первенствующий член Святейшего Правительствующего Синода, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский), митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) и архиепископ Тверской и Кашинский Григорий (Постников). Со стороны униатов в комитет вошли: греко-католический митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Иосафат (Булгак) и епископ Литовской греко-униатской епархии Иосиф (Семашко). Со стороны правительства в комитет были назначены: министр внутренних дел Д. Н. Блудов, обер-прокурор Святейшего Синода С. Д. Нечаев, генерал П. А. Толстой, статский советник А. Ф. Голицын, статс-секретарь и управляющий Первым отделением Собственной Его Величества канцелярии А. С. Танеев.

В мае 1835 года, по предложению Блудова, император повелел предварить заседания нового Секретного комитета особыми совещаниями лиц из состава комитета, но гораздо более узкого круга, в который вошли лишь митрополит Филарет (Дроздов), епископ Иосиф (Семашко), С. Д. Нечаев и Д. Н. Блудов (Шавельский 1910: 172). Таким образом, фактически создавались два комитета, призванные обсуждать и решать одни и те же вопросы, но разделённые стеной секретности между собой, — «большой» и «малый». О заседаниях и деятельности последнего мы можем только догадываться: никаких документов или протоколов его заседаний обнаружить не удалось.

Иногда утверждается, что воссоединение униатов было подготовлено именно на заседаниях «малого» Секретного комитета (Яноўская 2015: 133). Однако тут можно привести несколько возражений. Во-первых, это всё же не более чем предположение: как указывалось выше, никаких протоколов его заседаний или свидетельств его участников о подобных решениях по сей день не обнаружено. Во-вторых, сама возможность консенсуса в вопросах воссоединения на этих заседаниях весьма сомнительна: известно, что позиции по этому вопросу обер-прокурора С. Д. Нечаева (сторонника частных присоединений) и епископа Иосифа (Семашко) (сторонника общего воссоединения) были совершенно противоположными. Святитель Филарет хотя и высказывался за предпочтительность

³ Там же. Л. 1.

общего воссоединения, тем не менее принципиально не отвергал и частных присоединений отдельных униатских приходов, т. е. занимал двойственную позицию. Д. Н. Блудов, всегда подверженный сторонним влияниям, едва ли с твёрдостью становился на одну из сторон в этой ситуации.

Сам ход дальнейших событий показывает, что единодушного принятия какого-либо плана воссоединения на этих заседаниях не произошло. Косвенно это подтверждается и тем фактом, что осенью 1836 года епископ Иосиф подал прошение о личном присоединении к православию, по-видимому, разуверившись в возможности общего воссоединения всей униатской церкви. Да и само дело воссоединения решительно сдвинулось с мёртвой точки только тогда, когда в 1837 году Нечаева на посту обер-прокурора сменил Н. А. Протасов, прекративший практику частных присоединений и взявший курс на проведение общего воссоединительного собора униатской церкви. Таким образом, не исключено, что роль этого таинственного «малого» комитета попросту переоценивается.

«Секретный комитет по делам греко-униатским» стал первым учреждением подобного рода, связанным с конфессиональной политикой Российской империи в отношении униатской церкви. Этот комитет стал и самым крупным по численности — в его заседаниях принимало участие десять человек, причём по своему составу этот комитет был самым разнородным и представительным. Впоследствии в таком органе уже не собирались представители всех трёх сторон, интересы которых затрагивало воссоединение: православных, грекокатоликов и высшего руководства империи. Однако столь широкий состав комитета не стал залогом его продуктивной и долговременной работы. Разнородность состава комитета привела к выделению из его среды ещё одного «малого» комитета, состоявшего только из четырёх наиболее доверенных императору лиц. Сам «большой» состав комитета провёл лишь три заседания (3 июля и 3 декабря 1835 года и 13 марта 1836 года), и, хотя формально его деятельность до 1839 года никак не останавливалась, он уже больше не собирался.

Первое заседание Секретного комитета было посвящено разрешению проблем образования униатского юношества, испытывавшего на себе сильное влияние католического духовенства. Комитет признал необходимым разрешить детям греко-униатского духовенства, вблизи места служения родителей которых нет униатских духовных училищ, получать соответствующее их происхождению образование в православных духовных училищах. Также и детям светских греко-униатских родителей вообще, в случае, если поблизости нет русских по языку и господствующему

религиозному направлению светских училищ, было разрешено обучаться в православных духовных училищах. Такие решения были призваны оградить униатских детей от обучения в учебных заведениях, в которых законоучителями являлись исключительно римо-католики, а само обучение осуществлялось по католическим Катехизисам и на польском языке. Также было сделано распоряжение о недопустимости принятия детей униатского духовенства в низшие, средние и высшие светские учебные заведения, за исключением случаев, когда кто-либо из них сам будет уволен Греко-униатской коллегией как неназначаемый к духовному званию. Также комитетом было решено обратиться к министру народного просвещения с просьбой об издании предписания начальникам светских училищ, в которых обучаются дети греко-униатских родителей, чтобы в случае недостатка законоучителя из униатского духовенства они стремились к тому, чтобы эти дети обучались Закону Божию у православного законоучителя и по православному Катехизису.

Второе заседание началось с обсуждения проблем униатской церкви в отправлении богослужения. Было отмечено, что хотя по постановлению Греко-униатской духовной коллегии от 6 февраля 1834 года «положено решительно восстановить в ней (т. е. в униатской церкви) уставы и обряды богослужения церкви восточной» и предписано употребление православных Служебников и богослужебных книг, а также устройство в униатских храмах иконостасов, но «большая часть церквей Униатских по своей бедности не в состоянии ни приобрести первых, ни устроить последних»⁴. В числе причин такого бедственного состояния с устройством иконостасов указывалось то обстоятельство, что до этой поры все работы производились собственными силами приходов, без привлечения пособий из казны. С другой стороны, отмечалось и нежелание помещиков, чаще всего католиков по вероисповеданию, содействовать преобразованию греко-униатской церкви.

По поводу иконостасов было решено употребить следующую меру, уже применяемую в западных губерниях в отношении православных храмов: понуждать помещиков, в имениях которых имеются униатские храмы, служащие для духовных нужд их крестьян, самим принимать необходимые

⁴ Журналы Секретного комитета по делам греко-униатским о мерах к охране греко-униатского населения от латино-польского влияния и о передаче греко-униатских духовных училищ в ведение Комиссии духовных училищ при Синоде, с приложением копии именных указов Сенату и комиссии дух. училищ, РГИА. Фонд 796. Оп. 205. Д. 179. Л. 26.

меры по благоустройству церквей. Относительно небогатых униатских храмов в казённых имениях было решено предоставить священноначалию униатской церкви входить в сношения с гражданским начальством для скорейшего выделения средств на устройство иконостасов согласно указу монарха. Также было отмечено, что иконостасы неукоснительно должны быть устроены во всех монастырских храмах, ибо, в отличие от приходов, у них значительно меньше к этому препятствий⁵. Отчасти Секретный комитет здесь рассматривал вопрос уже решённый: предложение Комитета министров об отпуске до 300 рублей для бедных униатских приходов было утверждено императором в начале ноября 1835 года, т. е. ещё за месяц до заседания комитета (Полное Собрание Законов Российской Империи 1836: 1080, 1081). Также в связи с недостатком причетников для совершения богослужения в униатских храмах комитетом было решено позволить греко-католикам податного сословия, умеющим читать по-церковнославянски, поступать на вакантные причетнические должности⁶.

На втором заседании комитета также было принято важное решение о подчинении униатских духовных училищ ведению Комиссии духовных училищ, а на те заседания, где будут рассматриваться вопросы, связанные с униатскими учебными заведениями, было предложено приглашать для участия митрополита Иосафата (Булгака) и епископа Иосифа (Семашко)⁷. Такое решение способствовало сближению греко-католических учебных заведений с православными духовными учебными заведениями в учебно-воспитательном, экономическом и административном отношениях.

На третьем заседании Д. Н. Блудов предоставил на рассмотрение членов комитета разработанные им вместе с обер-прокурором Нечаевым проекты порядка сношений Комиссии духовных училищ с Министерством внутренних дел и со священноначалием греко-униатской церкви. Эти документы невелики по объёму и касаются лишь бюрократических процедур сношений названных учреждений.

Нельзя не отметить, что многие вопросы, обсуждавшиеся комитетом, были явно не первоочередного порядка: богослужебные преобразования в униатской церкви в этот период уже осуществлялись силами самой греко-католической иерархии, вопрос выделения казённых средств для устройства иконостасов к этому времени был уже разрешён указом

⁵ Там же. Л. 33, 34.

⁶ Там же. Л. 32, 33.

⁷ Там же. Л. 40.

императора, а третье заседание комитета было целиком посвящено рассмотрению малозначащих бюрократических процедур. Заседания Секретного комитета в 1835–1836 годах можно признать своеобразной попыткой усадить все заинтересованные стороны за стол переговоров в надежде, что там будут разрешены накопившиеся ранее противоречия и разрушено существовавшее на тот момент непонимание, однако кардинального влияния на сам ход воссоединительного процесса решения комитета не оказали (Шеститко 2019: 50).

Официальное закрытие «Секретного комитета по делам греко-униатским» произошло лишь в конце 1839 года, спустя полгода после упразднения унии. 24 октября 1839 года митрополит Серафим (Глаголевский) обратился с отношением к обер-прокурору Святейшего Синода Н. А. Протасову с просьбой «испросить Высочайшее повеление, о закрытии оного Комитета, равно и о делах в нём производившихся, куда их сдать для хранения»⁸. В декабре 1839 года было получено монаршее соизволение на закрытие учреждённого в 1835 году «Секретного комитета по делам греко-униатским», и все бумаги этого комитета были переданы на хранение в архив Святейшего Синода⁹.

«СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТ ДЛЯ СОВЕЩАНИЙ О МЕРАХ КАСАТЕЛЬНО ВОССОЕДИНЕНИЯ ГРЕКО-УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ»

С начала 1837 года по указанию императора все дела униатской церкви были переданы в руки нового обер-прокурора Святейшего Синода Н. А. Протасова. Эти перемены существенно отразились на всём ходе воссоединения униатов с православными. Отзыв православных архиереев, епископа Иосифа (Семашко) и сотрудников самого Протасова побудили деятельного обер-прокурора активизировать процесс воссоединения. Однако Протасов не стал возрождать деятельность «Секретного комитета по делам греко-униатским», хотя сам формально являлся его членом с 1836 года. В 1838 году появился фактически новый Секретный комитет, состоявший уже, сообразно стилю руководства Протасова, исключительно из правительственных и гражданских чиновников. В декабре 1838 года

⁸ О закрытии Секретного комитета по делам греко-униатским и о Всемилостивейшем пожаловании правителю дел сего Комитета камергеру Ханыкову золотой украшенной бриллиантами табакерки с вензелем Его Величества (25 октября 1839 — 15 января 1840). РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Отд. III. Ст. I. Д. 25729. Л.1.

⁹ Там же. Л. 15–17.

состоялось первое заседание «Секретного комитета для совещаний о мерах касательно воссоединения греко-униатской Церкви»¹⁰.

Нередко историки по инерции и этот комитет именовали «Секретным комитетом по делам греко-униатским», однако такой подход ничем не оправдан — наименование комитета, фигурировавшее в заголовке каждого журнала заседаний комитета в 1835–1836 годах, никогда более не употребляется в журналах заседаний комитетов 1838–1839 годов. Некоторое недоумение может вызвать многосложное наименование нового комитета. Но Секретные комитеты николаевской эпохи действительно нередко носили подобные громоздкие названия, отражающие суть проблем, к решению которых они были призваны: «Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» 1835 года; «Комитет о повинностях в казённых имениях западных губерний» 1839–1842 годов; «Комитет для изыскания и определения мер к лучшему устройству евреев» 1840 года и т. д.

Важной чертой нового комитета является иной персональный состав, нежели в предыдущем Секретном комитете. На первых заседаниях комитета в декабре 1838 года присутствовали следующие лица: шеф жандармов и одновременно Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал А. Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ генерал-адъютант П. Д. Киселёв, обер-прокурор Святейшего Синода генерал-майор граф Н. А. Протасов и министр внутренних дел тайный советник Д. Н. Блудов. Таким образом, из состава 1835–1836 годов в новом комитете фактически оказался лишь Д. Н. Блудов, причём если в предыдущем комитете он явно занимал главенствующее положение, то теперь его место занял Протасов, отныне руководивший заседаниями. Новый комитет состоял исключительно из правительственных чиновников, представлявших собою скорее «силовые структуры». Такой персональный состав нового Секретного комитета показывает не только некую «ротацию кадров», но и совершенную новизну задач, стоящих перед ним. Отчасти подобную трансформацию комитета можно объяснить и склонностью Николая I к военизации всего государственного аппарата.

Деятельность этого комитета была очень краткой (фактически менее месяца), однако весьма продуктивной. Новый комитет провёл три очень насыщенных заседания (22 и 26 декабря 1838 года и 4 января

¹⁰ Журнал заседаний Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения греко-униатской церкви с православной с инструкцией генерал-губернаторам Западных губерний по осуществлению воссоединения. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 416. Л. 17.

1839 года), рассмотрев вопросы, непосредственно касающиеся проведения воссоединения. На своих заседаниях 22 и 26 декабря комитет рассмотрел: выписку из отношения Виленского Военного, Гродненского, Белостокского и Минского генерал-губернатора Н. А. Долгорукова от 18 ноября 1838 года о положении греко-униатского дела в управляемых им губерниях; записки епископа Иосифа (Семашко) от 1 декабря 1838 года и митрополита Филарета (Дроздова) от 16 декабря 1838 года о мерах общего воссоединения, а также некоторые другие документы относительно хода воссоединения.

По рассмотрении этих документов комитет пришёл к выводу, что «Грекоуниатское Духовенство Литовской Епархии вообще уже столь готово к воссоединению, что всякая дальнейшая медленность в окончательном по сему предмету распоряжении могла бы лишь привести его в недоумение и поколебать его решимость, Епархия же Белорусская хотя ещё и не достигла той же степени готовности, но, судя по успехам, оказанным ею в текущем году, без сомнения должна, при дальнейших усилиях Епархиального и Гражданского Начальств, скоро сравниться с Литовскою: то неблагоприятно было бы далее откладывать общее воссоединение Униатов, для которого время пришло»¹¹.

Далее комитет счёл необходимым, чтобы не давать «повода сомнительным и упорным чуждаться собственной своей Церкви и уклоняться к Римской»¹², даровать более единства управлению делам греко-униатского исповедания, сосредоточенным в греко-униатской духовной коллегии, и подчинить её непосредственно Святейшему Правительствующему Синоду. Ранее греко-униатская духовная коллегия, занимая второстепенное положение в общегосударственном порядке, была подчинена Правительствующему Сенату, в то время как ещё с начала 1837 года все дела греко-униатского исповедания были переданы в ведение обер-прокурора Святейшего Синода.

Затем комитет обратился к рассмотрению самого порядка воссоединения униатов с Православной Церковью. Разработанный комитетом порядок воссоединения в значительной степени опирался на соображения по этому поводу митрополита Филарета (Дроздова), изложенные им в своей записке от 16 декабря 1838 года (Филарет (Дроздов) 1885: 446–451). Окончательный порядок воссоединения, изложенный комитетом, выглядел следующим образом:

¹¹ Там же. Л. 17, 18.

¹² Там же. Л. 18.

«1. Грекоуниатские Епископы со старшим духовенством своим составят церковный соборный акт, в котором, по изложении причин, заключат, что они, по зрелом рассуждении, призвав в помощь благодать Божию, полагают признать вновь своё первоначальное единство с Восточно-Кафолическою Православною Церковью, от которого в бедственные времена были отторжены политически, от которого удаляемы были посторонним влиянием и к которому возвратиться имеют ныне полную свободу; пребывать отныне, как издревле, в единомыслии веры с Православными Восточными Патриархами и в послушании Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, и для приведения сего воссоединения в действие испрашивать покровительства Благочестивейшего Государя Императора.

2. Сей акт подпишется присутствующими при составлении оного, а от прочего Духовенства приложатся к оному отзывы, изъявляющие согласие на воссоединение.

3. Акт и отзывы поднесены будут Его Императорскому Величеству при всеподданнейшем прошении.

4. В то же время имеет последовать помянутый Высочайший указ о подчинении Грекоуниатской Коллегии Святейшему Синоду.

5. Всеподданнейшее прошение и акт при особом указе будут переданы на рассмотрение Святейшего Синода, который составит определение о принятии Грекоуниатской Церкви в первоначальное и истинное единство Святой Православной Восточно-Кафолической Церкви и в особенности в состав Церкви Российской.

6. Такое определение должно быть представлено Государю Императору во всеподданнейшем докладе Синода.

7. По Высочайшем на сие соизволении, Святейший Синод даст исполнительный указ Епископам присоединённым и древлеправославным сопредельным. В сим указе нужно будет предписать присоединённым: объявить его сперва подписавшим акт, а потом прочим давшим подписки о воссоединении по мере признаваемой к тому возможности; не давших же донныне подписок располагать к сему и не прежде им объявлять указ, как по принятии от них подписок. Сей указ и акт воссоединения не публикуются до времени»¹³.

Как уже отмечалось выше, такой порядок воссоединения почти полностью совпадал с предложениями митрополита Филарета (Дроздова)

¹³ Журнал заседаний Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения греко-униатской церкви с православной с инструкцией генерал-губернаторам Западных губерний по осуществлению воссоединения. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 416. Л. 19, 20.

по этому вопросу, изложенными им в записке от 16 декабря 1838 года. Но комитетом рассматривалась и записка епископа Иосифа (Семашко) от 1 декабря 1838 года, и соображения преосвященного Иосифа по этому вопросу были другими: он справедливо указывал, что проведение общего собора униатского духовенства, всё ещё не полностью единодушного и столь зависимого от помещиков, может легко возбудить недовольных и чревато отпадением в латинство значительного числа униатов. Епископ Иосиф предлагал несколько иной способ — подчинение униатов высочайшим указом Святейшему Синоду и затем постепенное растворение униатов в лоне Православной Церкви (Иосиф (Семашко) 1883: 81). Однако комитет всё же склонился к форме воссоединения, предложенной митрополитом Филаретом, хотя фактическое воссоединение униатов во многом прошло по плану епископа Иосифа (через подчинение униатов непосредственно Святейшему Синоду и постепенное, растянувшееся на 1839–1840 годы, слияние бывшей униатской церкви с православием).

Затем комитетом была рассмотрена записка министра государственных имуществ П. Д. Киселёва о необходимых мерах по обеспечению содержания воссоединённого духовенства и предупреждению действий против утверждения его в православии. В журналах заседаний указано, что некоторые решения этих вопросов предложены комитету обер-прокурором Святейшего Синода. Секретный комитет по этим вопросам определил: для единства в действиях снабдить генерал-губернаторов единообразной инструкцией, наделив их при этом особыми временными полномочиями для пресечения возможных волнений. Было решено направить войсковые соединения в неблагонадёжные уезды, с указанием им без необходимости не останавливаться в селениях, населённых преимущественно униатами. По поводу места, где должно произойти воссоединение, а также времени издания указа о подчинении Греко-униатской коллегии Святейшему Синоду комитет поручил обер-прокурору обратиться с докладом к императору. Также было решено подтвердить удостоверение для воссоединённого духовенства возможности сохранить привычные для них местные церковные обычаи, не противные сущности православия (бритьё бород, ношение привычного платья и т. п.).

На третьем заседании (в котором участвовали и приглашённые генерал-губернаторы П. Н. Дьяков и Н. А. Долгоруков) была рассмотрена секретная инструкция генерал-губернаторам западных губерний, предоставляющая им особые временные полномочия и содержащая комплекс мер, необходимых для обеспечения внешнего спокойствия и порядка во время

воссоединительных мероприятий. По своему содержанию инструкция наиболее близка к «Проекту наставления Генерал-Губернаторам возвращённых от Польши губерний»¹⁴, составленному князем Н. А. Долгоруковым по устной просьбе членов Секретного комитета, и во многом его дословно повторяет. Однако окончательный вариант инструкции, составленной Секретным комитетом, хотя и имеет некоторое сходство с проектом Долгорукова, но куда более мягок в отношении наказания противников воссоединения. Этот пример показывает, что Секретные комитеты отнюдь не были злобещими репрессивными органами, а в некоторых случаях даже существенно смягчали возможную реакцию гражданских властей. Что касается мер, предлагаемых вышеприведённой инструкцией, то едва ли их можно назвать жёсткими или репрессивными — фактически речь в инструкции идёт лишь о необходимых мерах сохранения внешнего спокойствия и порядка в западных губерниях. Суровые наказания (предание военному суду как духовных, так и светских лиц) предусматриваются инструкцией лишь за такие серьёзные преступления, как вооружённые выступления.

В целом воссоединение униатов с православными на белорусских землях прошло спокойно — никаких открытых выступлений со стороны бывшего униатского духовенства не последовало, народ также воспринимал новость о ликвидации унии без волнения (Василий (Лужинский) 1885: 166, 189). Большая часть мер, предусмотренных инструкцией генерал-губернаторам, оказалась без применения — никаких сведений об использовании войск или предании кого-либо военному суду не имеется. Следует отметить, что из всех Секретных комитетов, связанных с воссоединением униатов, деятельность этого комитета оказала наибольшее влияние на ход воссоединительного процесса. Выработанные комитетом положения легли в основу воссоединительных мероприятий как во время проведения Полоцкого Собора 1839 года, так и в послесоборный период (Шеститко 2019: 72).

«СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТ ПО ПРИНЯТИЮ МЕР К УСТРАНЕНИЮ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ СОВРАЩЕНИЙ ИЗ ПРАВОСЛАВИЯ В ЛАТИНСТВО»

Деятельность Секретных комитетов, связанных с конфессиональными вопросами в западных губерниях, не прекратилась и после проведения Полоцкого Собора в 1839 году. Дело в том, что Полоцкий Собор

¹⁴ Конфиденциальные отношения Генерал-Губернаторов Западного края по предмету воссоединения униатов. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 19. Л. 12–18.

не стал окончательным завершением процесса воссоединения: иерархическое, церковно-административное и литургическое слияние бывших униатов с Православной Церковью растянулось на ближайшие годы. Этот процесс не всегда был лёгким. Совращения униатов в чистое латинство были обычным делом и во время существования унии. Хотя российское правительство в начале XIX века и издавало указы о возвращении совращённых в латинство назад в унию, но они остались практически бездейственными, во многом из-за равнодушного отношения священноначалия униатской церкви к этому вопросу.

Воссоединение и связанные с ним заботы первоначально оттеснили проблему совращений в латинство на второй план. Между тем после упразднения унии воссоединённые часто могли услышать в свой адрес тяжёлые для религиозной совести упрёки в предательстве своей веры. В этой атмосфере были нередки даже совращения в латинство детей бывших униатских священнослужителей, о чём свидетельствует жалоба епископа Василия (Лужинского) генерал-губернатору П. Н. Дьякову (Шавельский 1910: 368). Попытки генерал-губернатора разрешить этот вопрос ничего не дали и на толкнулись лишь на проволочки с католической стороны.

Способом разрешения новой проблемы стало привычное для той эпохи создание ещё одного Секретного комитета. Скорее всего, этот комитет, так же как его предшественник, был учреждён оперативно и без бюрократических проволочек. Сходным с предшественником был и персональный состав нового комитета — это был узкий круг высокопоставленных правительственных чиновников. В новый комитет вошли только четыре человека: статс-секретарь действительный тайный советник Д. В. Дашков, управляющий Министерством внутренних дел А. Г. Строганов, министр юстиции Д. Н. Блудов и обер-прокурор Святейшего Синода Н. А. Протасов.

1 августа 1839 года состоялось заседание учреждённого «Секретного комитета по принятию мер к устранению в западных губерниях совращений из Православия в латинство»¹⁵. Комитет заслушал сообщённые обер-прокурором сведения о непрерывно продолжающихся в западном крае совращениях из православия в католичество (здесь имеются в виду воссоединённые бывшие униаты), а также предложения православных епархиальных архиереев по недопущению подобных случаев. Комитетом были выработаны следующие меры: неукоснительно соблюдать изданные

¹⁵ Подлинный журнал Высочайше учрежденного Секретного Комитета о мерах к устранению в Западных губерниях совращений из Православия в Латинство. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 23. Л.1–13.

ранее указы о строительстве костёлов и каплиц только в местах проживания католического населения; воспретить назначать отдельных священников в самовольно построенные костёлы и каплицы, а также не допускать служения в таких храмах безместного духовенства; воспретить римско-католическим монастырям и белому духовенству держать у себя в услужении православных; воспретить католическому духовенству отлучаться со своих приходов без специального разрешения епархиального и гражданского начальства, а также принимать на исповедь людей из других приходов (за исключением случаев тяжёлой болезни) или преподавать им церковные таинства. Комитет счёл необходимым составление точных списков всех католических приходов со сведениями о причтах, приписных храмах и каплицах, совершаемых в них богослужениях и днях особых праздников. Комитетом было предписано, чтобы все иноверческие преподаватели университетов и гимназий, у которых обучаются дети православного исповедания, дали особые расписки с обещанием не внушать им правил, противных православной вере.

По существу вышеперечисленных мер для католического духовенства необходимо сказать следующее. На первый взгляд эти меры могут показаться весьма строгими и серьёзно обременяющими католическое духовенство. На самом же деле подобные нормы были обязательны указами епархиальных и гражданских властей и для духовенства Православной Церкви, причём зачастую даже в более строгой форме. Например, Секретный комитет опирается в своих суждениях на указ Правительствующего Сената от 14 июля 1819 года, разрешающий строительство костёлов при численности дворов от 100 да 150. Но подобные нормы для учреждения православного прихода с одним священником были ничуть не снисходительнее — указ 1795 года предписывал, чтобы число прихожан составляло не менее 400 душ. Относительно запрета духовенству отлучаться из своих приходов и монастырей, совершать богослужения в храмах, к которым это духовенство не приписано, или требы для членов других приходов также нужно сказать, что все эти нормы были обязательны и для духовенства православного, более того: они обязательны и по сей день как обычная мера внутрицерковной дисциплины.

Некоторые решения комитета были напрямую обращены и к православным — духовенству предписывалось во все воскресные и праздничные дни читать проповеди на простом, общепонятном языке или изъяснять в виде бесед Катехизис. Комитет обязывал и помещиков соблюдать правило, чтобы находящиеся у них в услужении крестьяне православного

исповедания в праздничные и воскресные дни исправно посещали богослужение в церкви, а в Великий пост исповедовались и причащались Святых Таин.

Этот комитет, как и другие Секретные комитеты, не стал долговременным органом, курировавшим стоявшую тогда проблему совращений. Проведя всего одно заседание, комитет фактически самоустранился, предложив все дела о совращениях бывших униатов в латинство передавать в действовавший с 1824 года Секретный комитет о раскольниках и отступниках. Таким образом, собиравшийся в августе 1839 года Секретный комитет стал последним учреждением такого типа, создававшимся специально для решения проблем, связанных с ликвидацией унии в западных губерниях Российской империи (Шеститко 2019: 79–80).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение итогов работы Секретных комитетов позволяет сделать некоторые выводы. В ходе подготовки и совершения воссоединения униатов с православием российское правительство пыталось координировать и направлять процесс упразднения унии. Множество противоречий и нерешённых вопросов, осложнявших процесс воссоединения униатов с православием, требовали разрешения и выработки более чётких планов действий.

В историографии воссоединения существует мнение о том, что влияние правительства на эти процессы осуществлялось через специально учреждённый негласный совещательный орган — Секретный комитет по униатским делам, деятельность которого с перерывами продолжалась с 1834 по 1839 год. Однако проведённый анализ показывает, что в действительности существовал целый ряд Секретных комитетов, отличных друг от друга как по названию и персональному составу, так и по характеру рассматриваемых вопросов. Анализ сохранившихся архивных источников и историографического материала свидетельствует об отсутствии почти всякой преемственности и последовательности в деятельности этих комитетов. Единственным бессменным участником всех перечисленных выше комитетов являлся Д. Н. Блудов. Однако его роль в деятельности комитетов была различной. Совершенно разноплановыми были также вопросы, обсуждавшиеся комитетами. Секретные комитеты создавались по мере необходимости — для обсуждения и выработки путей разрешения возникших в определённый исторический момент проблем в процессе воссоединения.

Таким образом, представляется возможным заключить, что не существовало некоего единого плана воссоединения, задача выработки такого плана не ставилась и перед комитетами. Хотя Секретные комитеты и являлись единственными официальными органами, учреждёнными правительством Российской империи для курирования воссоединения униатов с Православной Церковью, представляется невозможным сделать вывод о последовательности и целостности в их деятельности. История действий царского правительства по воссоединению униатов не представляет ничего целого — её составляют отдельные мероприятия, отстоящие друг от друга по времени и зачастую осуществлявшиеся различными лицами и учреждениями.

Рассмотрение реальных итогов работы Секретных комитетов приводит к заключению, что эти комитеты не являлись разработчиками и проводниками какой-либо отчётливой и долговременной политики в отношении униатской церкви в Российской империи, лишь фрагментарно и эпизодически участвуя в деле воссоединения униатов западных губерний. Следовательно, точка зрения на Секретные комитеты как на орудие насилия над религиозной совестью униатов представляется совершенно не соответствующей исторической действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексеев В. П. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа. Т. II. — М. : Издание т-ва И. Д. Сытина, 1911. — С. 194–208.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки Василия Лужинского, Архиепископа Полоцкого. — Казань : Казанская духовная академия, 1885. — 312 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. имп. Академии Наук, 1883. — Т. 1 — 745 с. : 1 л. портр.; Т. 2. — 786 с. : 1 л. портр.; Т. 3. — 1042 с. : 1 л. портр.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. — М. : Мысль, 1990. — 237 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. с указ. — СПб. : Тип. 2-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. — Т. 10 : 1835. [в 2 отделениях]. Отделение 2 : От № 8357–8738. — 1836. — 910 с.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества : в 148 т. — СПб. : В Государственной типографии, 1867–1916. — Т. 74 : Журналы Комитета, учреждённого высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. — 1891. — 502 с.

Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского : в 5 т. — СПб. : В Синодальной типографии, 1885–1888. — Т. 2. — 1885. — 485 с.

Шавельский Георгий, прот. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). — СПб. : Тип. «Сельского Вестника», 1910. — 380 с.

Вячеслав Шеститко, свящ. Секретные комитеты правительства Николая I и воссоединение униатов / священник Вячеслав Шеститко. — Минск : Медиал, 2019. — 136 с.

Канфесійны фактар ў сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. АН Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларуская навука, 2015. — 496 с.

Сведения об авторе:

Иерей Вячеслав Владимирович Шеститко — магистр богословия, клирик Гродненского Свято-Рождество-Богородичного ставропигиального женского монастыря, 230023, Республика Беларусь, Гродно, ул. Д. Городенского, 3, e-mail: vsh.72@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

Priest V. V. Shestitko

STAUROPEGIC CONVENT OF THE HOLY NATIVITY OF THE THEOTOKOS,
GRODNO, BELARUS

Secret Committees on Uniate Affairs and Their Role in the Abolition of the Union¹⁶

Abstract. The article focuses on the activities of the secret committees during the reign of Nicholas I, which were specifically established to address issues related to the reunification of Uniates in the western provinces of the Russian Empire during the first half of the 19th century. In the majority of studies on the history of reunification, the activities of the secret committees are typically discussed only in broad terms. Frequently, the question of their role in the reunification process remains unresolved. This ambiguity enables historians and publicists to interpret the activities of the committees according to their religious, national, or ideological perspectives. Hence, Catholic historians tend to highlight the mere existence of such committees as evidence of the forced annexation of the Uniates. They often portray the committees as sinister and mysterious agency of the Russian government. This perspective can be attributed to the bitterness of defeat for Catholicism in the events of 1839, but it lacks fairness from a historical standpoint.

¹⁶ In this publication, the author utilized materials from their previous research, among other sources (see the list of references for details).

The article explores the emergence of secret committees during the reign of Nicholas I, focusing specifically on the secret committees dedicated to Uniate affairs. In the historiography of reunification, there is a prevailing opinion that there existed a singular secret committee on Uniate affairs, whose activities persisted intermittently from 1834 to 1839. In reality, there were several secret committees, each distinct in name, composition, and the nature of the issues they addressed. A review of their activities and an analysis of preserved archival sources and historiographical material indicate a lack of nearly any continuity and consistency in their operations. The secret committees, the sole official bodies established by the Government of the Russian Empire to oversee the reunification of Uniates with Orthodoxy, were formed as needed to deliberate and devise solutions to the challenges arising at particular historical junctures in the reunification process. Upon examining the outcomes of the secret committees' endeavors, it becomes evident that these committees did not serve as architects or implementers of a comprehensive, long-term policy regarding the Uniate Church in the Russian Empire. Instead, they sporadically engaged in the reunification process. Therefore, the assertion that the reunification of the Uniates constituted violence against their religious conscience, orchestrated and executed solely by the forces of the government of the Russian Empire, is unfounded.

Keywords: Orthodoxy, Catholicism, union, secret committees on Uniate affairs, reunification of Uniates with the Orthodox Church, Emperor Nicholas I, Metropolitan Filaret (Drozdov), Metropolitan Joseph (Semashko), D. N. Bludov, S. D. Nechaev, N. A. Protasov, A. Kh. Benkendorf, P. D. Kiselyov

For citation: Shestitko, V. V., Priest. (2024). Secret Committees on Uniate Affairs and Their Role in the Abolition of the Union. *Orthodoxia*, (4), 72–95. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-72-95

REFERENCES:

Alekseev, V. P. (1911). Sekretnye komitety pri Nikolae I [Secret Committees under Nicholas I]. In *Velikaja reforma* (Vol. II, pp. 194–208). Moscow : Izdanie t-va I. D. Sytina. [In Russian].

Vasilij (Luzhinskij), Archbishop. (1885). Zapiski Vasilija Luzhinskogo, Arhiepiskopa Polockago [The Records of Vasily Luzhinsky, Archbishop of Polotsk]. Kazan : Kazanskaja Duhovnaja Akademija. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoju Akademiejju Nauk po zaveshhaniju avtora : v 3 t.* [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author: in 3 Volumes] (Vol. 1–3). Saint Petersburg : Tip. imp. Akademii Nauk. [In Russian].

Mironenko, S. V. (1990). *Stranicy tajnoj istorii samodержavija: Politicheskaja istorija Rossii pervoj poloviny XIX stoletija* [Pages of the Secret History of Autocracy: The Political History of Russia in the First Half of the XIX Century]. Moscow : Izdatel'stvo "Mysl". [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe : v 55 t. (1836) [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection: 55 Vols.] (Vol. 10, Section 8357–8738). Saint Petersburg : Tip. 2 go otdelenija Sobstv. E. I. V. kanceljarii, 1830–1885. [In Russian].

Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva : v 148 t. [Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 Volumes] (Vol. 74: Zhurnaly Komiteta, uchrezhdenного vysocajshim reskriptom 6 dekabrja 1826 goda). (1891). Saint Petersburg : V Gosudarstvennoj tipografii, 1867–1916. [In Russian].

Filaret (Drozdov), Metropolitan. (1885). *Sobranie mnenij i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i cerkovno-gosudarstvennym voprosam, izdannoe pod redakciej preosvjashhennogo Savvy, arhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo : v 5 t.* [The Collection of Opinions and Reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on Educational and Church-State Issues, Edited by His Grace Savva, Archbishop of Tver and Kashinsky: in 5 Volumes] (Vol. 2). Saint Petersburg : V Sinodal'noj tipografii, 1885–1888. [In Russian].

Shavel'skij Georgij, Archpriest. (1910). *Poslednee vossoedinenie s Pravoslavnoj Cerkov'ju uniatov Belorusskoj eparhii (1833–1839 gg.)* [The Last Reunion with the Orthodox Church of the Uniates of the Belarusian Diocese (1833–1839)]. Saint Petersburg : Tip. "Sel'skogo Vestnika". [In Russian].

Shestitko, V., priest. (2019). *Sekretnye komitety pravitel'stva Nikolaja I i vossoedinenie uniatov* [Secret Committees of the Government of Nicholas I and the Reunification of the Uniates]. Minsk : Medial. [In Russian].

Kanfesijny faktar ŭ sacyjal'nym razvicci Belarusi (kanec XVIII — pachatak XX st.) [Confessional Factor in the Social Development of Belarus (late XVIII — early XX Century)]. (2015). Minsk : Belaruskaja navuka. [In Belarusian].

About the author:

Priest Viacheslav Vladimirovich Shestitko — Master of Theology, clergyman of the Stauropegic Convent of the Holy Nativity of the Theotokos in Grodno, 3, D. Gorodenskogo str., Grodno, Belarus, 230023, email: vsh.72@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

В. И. Петрушко

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Униатская церковь на Западной Украине в период германской оккупации в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Греко-католическая церковь в Галиции, реформированная в начале XX века, когда её возглавил митрополит Андрей Шептицкий, стала одной из главных опор нарождавшегося украинского национализма. Фактически вся первая половина XX века прошла под знаком активного участия униатской церкви в развитии украинского националистического движения. Закономерным результатом такой политической ориентации галицийского униатства стал в годы Великой Отечественной войны открытый коллаборационизм греко-католической церкви с германскими нацистами, оккупировавшими Украину. В статье рассматриваются наиболее яркие примеры такого рода деятельности униатских иерархов и духовенства. Примером наиболее циничного сотрудничества униатов Галиции с германскими оккупантами стало содействие,

которое митрополит Андрей Шептицкий оказал гитлеровцам в организации вывоза украинской молодёжи на принудительные работы в Германию. Униатская церковь помогала германским нацистам даже тогда, когда обозначились очевидные признаки их грядущего поражения. В 1943 году руководство галицийских униатов оказало активное содействие гитлеровцам при создании 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина», в составе которой воевали главным образом западно-украинские униаты. Такая лояльная по отношению к немецким оккупантам позиция должна была обеспечить униатской церкви не только благоприятные для существования при нацистском режиме условия, но и возможность прозелитизма на оккупированных восточных территориях. Однако оккупационные власти проводили на Украине сложную религиозную политику и не были склонны усиливать какую-либо отдельную конфессию. По этой причине галицийские униаты не были допущены германскими оккупантами к миссионерской деятельности за пределами Западной Украины.

Ключевые слова: униатская церковь, греко-католическая церковь, митрополит Андрей Шептицкий, нацизм, Великая Отечественная война

Для цитирования: Петрушко В. И. Униатская церковь на Западной Украине в период германской оккупации в годы Великой Отечественной войны // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 96–113. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-96-113

Отмечая юбилей Полоцкого Собора и говоря о событиях, связанных с освобождением белорусского народа от униатства, нельзя не вспомнить о тех, кто, к сожалению, остался в стороне от процесса возвращения к своим православным истокам. Червонная или Галицкая Русь, вошедшая во второй половине XIV века в состав Польского королевства, а затем после разделов Речи Посполитой ставшая частью Австро-Венгрии, в такой политической ситуации была оторвана от остальной части русских земель, что драматически отразилось на эт-

ноконфессиональной ситуации в этом регионе. Более столетия героически противившаяся Брестской унии Галиция лишь к началу XVIII столетия была вынуждена принять униатство. Однако даже после этого в продолжение всего XIX века среди называвших себя русинами жителей Галиции (ещё не подозревавших о том, что они украинцы) было сильно стремление к воссоединению с остальной частью русского народа и Православной Церковью. Но спроектированное австро-венгерскими властями политическое украинство, реализуемое на практике в годы Первой мировой войны, в том числе через физическое уничтожение т. н. москвофилов в концлагерях Талергоф и Терезин¹, в конечном счёте привело к полному переформатированию этнического сознания галичан. Немалую поддержку в этом оказала униатская церковь, также реформированная в начале XX века, когда её возглавил митрополит Андрей Шептицкий, и ставшая с этого времени одной из главных опор нарождавшегося украинского национализма. По сути, вся первая половина XX века прошла под знаком самого активного участия униатской церкви в развитии украинского националистического движения.

Закономерным результатом такой политической ориентации галицийского униатства стал в годы Великой Отечественной войны открытый коллаборационизм греко-католической церкви с германскими нацистами, оккупировавшими Украину. Митрополит Андрей Шептицкий и другие униатские иерархи открыто приветствовали приход германских нацистов на территорию Украины в 1941 году и немедленно вступили в тесное сотрудничество с гитлеровским режимом. В ответ немецкие власти, невзирая на непростые отношения между Ватиканом и Берлином, оказали всемерную поддержку униатской церкви в Галиции.

Уже в 1930-х годах значительная часть духовенства греко-католической церкви в Галиции активно поддерживала украинские правые националистические движения, прежде всего — Организацию украинских националистов (ОУН). Многие клирики состояли в различных организациях националистического характера и играли в них активную роль. Митрополит Андрей (граф Роман Мария Шептицкий), несмотря на свою принадлежность к польской аристократии, также наладил

¹ См.: (Федорычка 1923); (Талергофский альманах 1924–1932); (Ваврик 1966); (Маковський 1934); (Пашаева 2001); (Суляк 2008).

конфиденциальные контакты с лидерами украинских националистов и негласно начал оказывать им содействие². Однако наиболее явственно сближение греко-католической иерархии и украинских националистов проявилось с началом Великой Отечественной войны.

Ещё в 1940 году ОУН раскололась на два течения. ОУН-М, приверженцев которого называли «мельниковцами», возглавлял Андрей Мельник, в прошлом — управляющий имениями Шептицкого. Другое крыло организации — т. н. ОУН-Б (иначе «бандеровцы») возглавил Степан Бандера (кстати, сын униатского священника). В бандеровской ОУН сосредоточились наиболее радикально настроенные боевики-националисты. Бандеровцы, находившиеся на территории оккупированной гитлеровцами в 1939 году Польши (преимущественно в западной части Перемышльского воеводства), тесно сотрудничали с гитлеровским режимом. Националисты Галичины поддерживали германских нацистов в надежде создать с их помощью независимое украинское государство.

На территории оккупированной немцами Польши бандеровцы ещё в марте–апреле 1941 года создали батальон «Нахтигаль» имени Степана Бандеры. Это соединение входило в состав полка специального назначения «Бранденбург-800», который был подчинён т. н. «Абверу-2» — диверсионному отделу Абвера. В апреле 1941 года было создано второе аналогичное соединение — батальон «Роланд» имени Симона Петлюры и Евгения Коновальца. «Роланд» также входил в состав «Бранденбурга-800». Целью деятельности этих формирований было проведение диверсий на фронте и в тылу врага, а также осуществление карательных операций (преимущественно против партизан и сочувствующего им гражданского населения). Офицерский состав обоих батальонов комплектовался преимущественно из немцев, рядовую массу составляли украинцы (Масловский 1999: 22–24).

С началом Великой Отечественной войны украинские подразделения Абвера приняли активное участие в действиях на восточном фронте. Батальон «Нахтигаль» и т. н. легионеры, возглавляемые Бандерой, вместе с частями Вермахта в качестве вспомогательных подразделений вступили на территорию Прикарпатья, входившую в состав Украинской ССР. 30 июня 1941 года советские войска покинули Львов. В тот же день в город вошли батальон «Нахтигаль» и части бандеровских

² См.: (Петрушко 2002).

«легионеров». Это произошло за несколько часов до появления во Львове первых германских соединений, что дало лидерам ОУН-Б определённую свободу действий, которой они не замедлили воспользоваться: уже утром 30 июня 1941 года было провозглашено создание «Краевого правительства» во главе с бандеровцем Ярославом Стецько. После этого лидеры националистов направились в кафедральный храм Украинской греко-католической церкви — собор св. Юра, где их принял митрополит Андрей Шептицкий, благословивший «правительство» Стецько и бандеровских боевиков (Добош 1996: 88).

Вечером 30 июня 1941 года во Львове было проведено т. н. Народное собрание, в котором приняли участие около 100 человек, никем не избранных и не уполномоченных. На собрании был провозглашён акт о «восстановлении украинской государственности». Третий пункт акта предельно ясно характеризовал коллаборационистский характер бандеровского движения. В нём, в частности, говорилось:

«Восстановленная Украинская Держава будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создаёт новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национально-Революционная Армия, которая будет создаваться на украинской земле, в дальнейшем будет бороться совместно с союзной германской армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый порядок во всём мире»³.

В собрании приняли активное участие греко-католические священники во главе с капелланом бандеровского легиона Иваном Гриньохом (ранее он являлся руководителем молодёжного отделения ОУН). Гриньох демонстрировал свои убеждения предельно ярко: как отмечал сам Ярослав Стецько, для выступления на собрании священник-бандеровец надел серую военную форму боевиков ОУН. Митрополита Шептицкого, который был к этому времени полупарализованным и передвигался исключительно в инвалидной коляске, на собрании представлял его коадьютор епископ Иосиф Слипый. От лица предстоятеля униатской церкви Слипый выразил полную солидарность с организаторами акции и призвал к тому весь народ. Участники собрания приветствовали всех,

³ ЦГАВО Украины. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 5. Л. 3. Цит. по: (Масловский: 1999: 32) (перевод с украинского мой. — В. П.).

кого сочли причастными к созданию нового режима: главу ОУН Степана Бандеру, «Творца и Вождя Великой Германии» Адольфа Гитлера и митрополита Андрея Шептицкого⁴.

Вспоминая речь Стецько на собрании, протопресвитер Гавриил Костельник писал: «Из того, что объявлял и говорил этот неприглядный человек, запомнились две особенности: это — непревзойдённые похвалы немецкому фюреру и его непобедимому воинству и угрозы, страшные угрозы всем, кто проявляет непокорность “правительству” “украинской державы”, которое, как говорил Стецько, “будет действовать в единстве с Велико-Германией фюрера”. “Политику мы будем делать без сантиментов, — стремясь взять устрашающий тон, целиком серьёзно возвестил неприглядный человек. — Мы уничтожим всех без исключения, кто встанет на нашем пути. Руководителями всех сфер жизни будут украинцы и только украинцы, а не враги-чужаки — москали, поляки, евреи”»⁵.

Поддерживая действия бандеровцев, митрополит Шептицкий уже на следующий день после собрания — 1 июля 1941 года — обратился к народу с пастырским посланием, в котором говорилось: «По воле Всемогущего и Всемиловейшего Бога в Троице Единого началась новая эпоха в жизни Державной Соборной Самостийной Украины». Также отмечалось: «Победоносную Германскую Армию приветствуем как освободительницу от врага. Установленной власти отдаём должное послушание. Признаём Главой Краевого Правления Западных Областей Украины Пана Ярослава Стецько»⁶.

Уже в течение первой недели июля 1941 года каратели из «Нахтигалья» и бандеровские legionеры, которых «духовно окормляли» униатские священники И. Гриньох, В. Дурбак и Р. Лободич, по подготовленному ОУНовцами списку провели во Львове массовые расправы над гражданским населением. В первую очередь уничтожали представителей польской интеллигенции, советских властей, коммунистов и евреев. С 1 по 6 июля 1941 года было расстреляно и повешено, по разным оценкам, от 3 до 5 тысяч человек, в том числе свыше 70 академиков и профессоров Львовского университета и других видных деятелей науки и культуры польского и еврейского происхождения (Масловський: 1999: 24–25); (Дмитрук 1998: 249).

⁴ ЦГАВО Украины. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 4. Цит. по: (Масловський: 1999: 29–34).

⁵ Цит. по: (Масловський: 1999: 31) (перевод с украинского мой. — В. П.).

⁶ ЦГИАЛ. Ф. 358. Оп. 1. Д. 11. Л. 17а. Цит. по: (Митрополит Андрей Шептицкий 1998: 516–517) (перевод с украинского мой. — В. П.).

Следует отметить, что сам митрополит Андрей Шептицкий спас жизнь нескольким евреям из семей раввинов, пряча их в своей резиденции (Stehle 1986: 411); (Ленчик 2001). Однако личная позиция главы Украинской греко-католической церкви никак не отражалась на настроениях его паствы. Впрочем, и у самого митрополита Андрея помощь удавалось найти далеко не всем. Когда в дни июльских зверств 1941 года жена арестованного профессора Львовской политехнической академии Казимежа Бартеля (в прошлом — премьер-министра Польши) лично обратилась к греко-католическому митрополиту с просьбой помочь освободить супруга, глава униатской церкви ответил, что ничего не может сделать. Бартель был казнён (Kalbarczyk 2011: 88–95).

Именно в эти кровавые дни, 5 июля 1941 года, митрополит Андрей вновь обращается к своему духовенству и мирянам с очередным посланием, призванным побудить униатскую паству быть послушными новому режиму. В частности, в нём говорилось:

«По воле Всемогущего и Всемиловитого Бога начинается новая эпоха в жизни нашей Родины. Победоносную германскую армию, которая заняла почти весь край, приветствуем с радостью и благодарностью за освобождение от врага. В эти важные исторические минуты призываю Вас, Отцы и братья, к благодарности Богу, верности Его Церкви, послушанию Власти и усиленным трудам на благо Родины»⁷.

Несмотря на творимые бандеровцами массовый террор и кровопролития, митрополит Андрей 6 июля 1941 года дал своё согласие возглавить в качестве президента «Раду сеньоров», призванную играть роль парламента при правительстве Стецько. Первая же резолюция новообразованной Рады содержала восторженную похвалу «непобедимой германской армии под руководством великого вождя Адольфа Гитлера» и почти дословно повторяла предыдущие славословия в адрес фюрера и германских фашистов, вышедшие из-под пера главы униатской церкви⁸. Стремление угодить оккупационным властям также подвигло униатского митрополита издать 10 июля «Послание к духовенству», в котором глава Украинской греко-католической церкви обязал своих священнослужителей «иметь приготовленное знамя германской

⁷ ЦГИАЛ. Ф. 358. Оп. 1. Д. 11. Л. 25. Цит. по: (Митрополит Андрей Шептицкий 1998: 518) (перевод с украинского мой. — В. П.).

⁸ ЦГИАЛ. Ф. 201. Оп. 4в. Д. 2626. Л. 1. Цит. по: (Добош 1996: 90–91).

армии — красное полотнище, а на нём вышитую на белом фоне свастику, — которое можно вывесить на своём доме»⁹.

Тесный альянс галицких униатов и окормляемых ими украинских националистов с германскими оккупационными властями заставил Святой Престол пересмотреть своё отношение к прозелитической программе митрополита Шептицкого. Если прежде Ватикан не поддержал его попытки организовать униатские миссионерские экзархаты на Востоке Украины и даже в России, опасаясь негативной реакции советских властей, то в декабре 1941 года кардинал Тиссеран направил митрополиту Андрею послание, выдержанное в подчеркнуто благожелательных тонах. В нём главу Украинской униатской церкви уведомляли о том, что все ранее назначенные Шептицким греко-католические экзархи утверждены на этих постах Папой Пием XII. Однако самое главное заключалось в том, что все экзархи, согласно папскому решению, отныне были подчинены митрополиту Андрею, который получал звание «делегата Святой Столицы» и таким образом вновь становился руководителем католической миссии на Востоке¹⁰.

Шептицкий неоднократно обращался к Адольфу Гитлеру с приветственными посланиями, в которых неизменно желал фюреру германских фашистов победы. Как пример подобного рода посланий можно привести поздравительное письмо, направленное Гитлеру главой Украинской греко-католической церкви по случаю взятия Киева немецко-фашистскими войсками:

«Его высокопревосходительству, фюреру Велико-Германской империи Адольфу Гитлеру. Берлин. Рейхсканцелярия.

Ваша Экселенция! Как глава Украинской Греко-католической Церкви, я передаю Вашей Экселенции мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре — Киевом! Видим в Вас непобедимого полководца несравненной и славной Немецкой армии. Дело уничтожения и искоренения большевизма, которое Вы, фюрер Великого Немецкого Рейха, поставили себе целью в этом походе, обеспечивает Вашей Экселенции благодарность всего Христианского мира. Украинская греко-католическая церковь знает об истинном значении могучего движения Немецкого народа под Вашим

⁹ Львівські Архієпархіальні Відомості. 1941. № 7 (липень) (перевод с украинского мой. — В. П.).

¹⁰ ЦГИАЛ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 6114. Л. 37–40. Цит. по: (Митрополит Андрей Шептицкий 1998: 331–332); (Правда про унію 1981: 313–315).

руководством... Я буду молить Бога о благословении победы, которая станет гарантией длительного мира для Вашей Экселенции, Немецкой Армии и Немецкого Народа.

С особым уважением Андрей, граф Шептицкий — митрополит»¹¹.

В продолжение всего периода оккупации Галиции германскими войсками Андрей Шептицкий, Иосиф Слипый и другие униатские иерархи регулярно служили молебны о даровании победы нацистам и призывали население к послушанию оккупационным властям. Так, например, митрополит Андрей помог гитлеровцам вывести украинскую молодёжь на принудительные работы в Германию, опубликовав обращение по этому поводу. В нём униатский первоиерарх писал: «Пребывание на чужбине в чём-то принесёт вам пользу и выгоду. Научитесь чужому языку, узнаете мир и людей, наберётесь житейского опыта, получите много знаний, которые могут пригодиться вам в жизни»¹², — так оптимистично рисовал Шептицкий своей молодой пастве картину пребывания на работах в Третьем рейхе. В августе 1942 года глава Украинской греко-католической церкви в своём очередном послании к пастве благословил украинцев-униатов трудиться на благо Третьего рейха в воскресные и праздничные дни¹³.

Шептицкий не только направлял Гитлеру послания с приветствиями и пожеланиями победы германскому оружию, но и посылал ему «пророчества» экзальтированных монахинь-базилианок, якобы предвещавшие скорую и полную победу гитлеровцев и утверждение фашистского «нового порядка» во всём мире¹⁴. Греко-католическая церковь также помогала проводить у сельского населения в регионе реквизиции продовольствия и сырья для нужд германской армии¹⁵.

Однако наиболее радикально пособничество Униатской церкви Галиции немецким фашистам проявилось, когда в 1943 году она оказала активное содействие гитлеровцам при создании 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина», в составе которой воевали главным образом униаты-галичане. Американский исследователь украинского национализма

¹¹ Бывший ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. Ф. 57. Оп. 4. Д. 338. Л. 131–132. Цит. по: (Дмитрук 1988: 251–252).

¹² ЦГИАЛ. Ф. Библ. Инв. № 7954. Цит. по: (Митрополит Андрей Шептицкий 1998: 384–389).

¹³ Львівські Архієпархіальні Відомості. — 1942. — № 7–8. — С. 165–166.

¹⁴ Подробнее см.: (Петрушко 1999).

¹⁵ Подробнее см.: (Петрушко 2003: 312–316); (Дмитрук 1988); (Масловський 1999); (Добош 1996: 78–117).

Джон Армстронг в предисловии к книге бывшего шефа штаба дивизии СС «Галичина» В.-Д. Гайке отмечал:

«Главнейшая поддержка пришла от Украинской греко-католической церкви. Епископ Иосиф Слипый (позднее кардинал Слипый) публично одобрил создание дивизии. Вероятно, и митрополит Андрей Шептицкий, наиболее уважаемый украинец, сделал это, но приватно. По их предложению, отец-доктор Василий Лаба стал ответственным за священников дивизии. Основным условием поддержки создания дивизии со стороны Украинской греко-католической церкви было требование, чтобы украинские священники, работая в дивизии, могли обеспечить молодым воинам-новобранцам духовную и моральную опеку и нейтрализовать все попытки нацистской индокринации... Церковь согласилась с мыслью о том, что национальная военная формация необходима для украинских интересов с более дальней целью и поэтому призывала добровольцев вступить в дивизию»¹⁶.

Униатская церковь продолжала оказывать содействие гитлеровцам даже тогда, когда их поражение в войне стало очевидным. В частности, 1 января 1944 года, незадолго до вступления советских войск в Галицию, митрополит Андрей Шептицкий лично подписал предельно лаконичное указание руководству греко-католической общины Преображенского храма во Львове, настоятелем которого в то время был протоиерей Гавриил Костельник. В нём Шептицкий отдавал приказ передать немецким оккупационным властям колокола с целью их последующей переплавки для нужд фронта¹⁷.

Такая лояльная по отношению к немецким фашистам позиция должна была обеспечить униатской церкви не только благоприятные для существования при нацистском режиме условия, но и возможность прозелитизма на оккупированных восточных территориях. Однако в этом митрополит Шептицкий и другие иерархи униатской церкви просчитались: оккупационные власти проводили на Украине сложную религиозную политику по принципу «разделяй и властвуй» и отнюдь не были склонны усиливать какую-либо отдельную конфессию. По этой причине галицийские униаты не были допущены германскими оккупантами к миссионерской деятельности за пределами Западной Украины.

¹⁶ (Гайке 1970). Цит. по: (Масловский 1999: 159–160).

¹⁷ «До Гр. кат. Парохіального Уряду Церкви Преображення Госп. у Львові». Подлинник — в частном собрании во Львове.

Как и следовало ожидать, после освобождения Галиции от немецких нацистов советский режим припомнил униатскому духовенству его коллаборационизм в период гитлеровской оккупации. Однако произошло это не сразу, на первых порах отношение советских властей к униатской церкви было вполне терпимым. В свою очередь, священноначалие УГКЦ, проявляя чудовищный цинизм, мгновенно переориентировалось на новую власть и теперь готово было сотрудничать с ней.

В этом плане показательно восторженное приветственное послание, которое глава галицких униатов митрополит Андрей Шептицкий и епископ Никита Будка 10 октября 1944 года направили Иосифу Сталину. В нём униатские иерархи именовали советского лидера «Верховным вождём» и «Правителем СССР, главнокомандующим и великим маршалом непобедимой Красной Армии». В послании к Сталину Шептицкий и Будка писали по поводу вступления советских войск на территорию Западной Украины: «Эти светлые события и терпимость, с которой Вы относитесь к нашей Церкви, вызвали и в нашей Церкви надежду, что она, как и весь народ, найдёт в СССР под Вашим водительством полную свободу работы и развития в благополучии и счастье»¹⁸.

Тем не менее митрополит Андрей Шептицкий не успел наладить отношения со сталинским режимом: 1 ноября 1944 года он скончался.

После кончины Шептицкого отношение советского режима к униатской церкви на Западной Украине стало резко негативным. Безусловно, одной из важнейших причин начавшихся репрессий против греко-католической церкви стали вскрывшиеся в это время многочисленные факты сотрудничества униатских иерархов и духовенства с немецкими фашистами и украинскими националистами. Другой существенной причиной изменения отношения сталинского режима к западно-украинским униатам стало нежелание униатских иерархов реально содействовать прекращению партизанской борьбы, которую вели с представителями советских властей в Галиции воинские формирования украинских националистов¹⁹.

Таким образом, возвращаясь к теме Полоцкого Собора 1839 года и его последствиям, следует констатировать, что именно упразднение

¹⁸ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 94–95.

¹⁹ Подробнее см.: (Петрушко 2008: 249–270).

Брестской унии на землях Белой Руси не позволило развиваться среди белорусов той русофобии, которая, увы, стала типичной не только для общественно-политической, но и религиозной жизни Галиции. По счастью, благодаря трудам святителя Иосифа (Семашко) церковная жизнь Беларуси оказалась свободной от тех негативных моментов, которые исторически всегда создавало и сегодня продолжает генерировать униатство на Западе Украины.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

- Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф: К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. — Нью-Йорк, 1966. — 95 с.
- Гайке В.-Д. Українська дивізія «Галичина». Історія формування і бойових дій у 1943–1945 рр. — Торонто—Париж—Мюнхен, 1970. — 277 с.
- Дмитрук К. Е. Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. — М., 1988. — 381 с.
- Добош Олексій, прот. Унія на Україні: Вік XX. — Кам'янець-Подільський, 1996. — 144 с.
- Ленчик В. Визначні постаті Української Церкви: Митрополит Андрей Шептицький і Патріарх Йосиф Сліпий. — Львів, 2001. — 608 с.
- Маковський В. — Талергоф: спогади і документи. Львів, 1934. — 260 с.
- Масловський В. З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни. — М., 1999. — 272 с.
- Митрополит Андрей Шептицький: Життя і Діяльність: Церква і суспільне питання: Документи і матеріали, 1899—1944. — Т. 2, кн. 1. — Львів, 1998. — 571 с.
- Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. — М., 2001. — 201 с.
- Петрушко В. И. Греко-католическая Церковь и Советское государство в 1944–1945 гг. // Вестник церковной истории. — 2008. — № 2 (10). — С. 249–270.
- Петрушко В. И. Из истории Украинской греко-католической церкви накануне Великой Отечественной войны // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. 2002. Материалы. — М., 2002. — С. 242–250.
- Петрушко В. И. К предполагаемой беатификации униатского митрополита Андрея Шептицкого // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы. — М., 1999. — С. 374–380.
- Правда про унію: Документи і матеріали / ред. Яремчук Д. А. — Львів, 1981. — 448 с.
- Суляк С. Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. — 2008. — № 3–4 (13–14). — С. 69–75.
- Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Вып. 1–4. — Львов, 1924–1932.

Федорычка И. Ф. Талергоф, или Русская Голгофа. — Коломыя, 1923. — 68 с.

Kalbarczyk S. Kazimierz Bartel. Ostatnia ofiara zbrodni na profesorach lwowskich w lipcu 1941 // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. Warszawa, 2011. № 7 (Lipiec). S. 88–95.

Stehle H. Der Lemberger Metropolit Sheptyckyj und die nationalsozialistische Politik in der Ukraine // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1986. — 3 (34). — S. 407–425.

Сведения об авторе:

Владислав Игоревич Петрушко — доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б, e-mail: vp@sedmitza.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 23.04.2024.

V. I. Petrushko

ST. TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

The Uniate Church in Western Ukraine in the Period of the German Occupation During the Great Patriotic War

Abstract. The Greek Catholic Church in Galicia underwent reform at the beginning of the twentieth century under the leadership of Metropolitan Andrey Sheptytsky and emerged as one of the primary supporters of nascent Ukrainian nationalism. Indeed, the first half of the twentieth century witnessed significant involvement of the Uniate Church in advancing the Ukrainian nationalist cause. The inevitable consequence of this political alignment of the Galician Greek Catholic Church was its overt collaboration with the German Nazis who occupied Ukraine during the Great Patriotic War. The article explores the most prominent instances of such activities by Uniate hierarchs and clergy. An example of the most cynical collaboration between the Galician Uniates and the German occupiers was the assistance provided by Metropolitan Andrey Sheptytsky to the Nazis in organizing the export of Ukrainian youth for forced labor in Germany. The Uniate Church continued to assist the German Nazis even when there were clear signs of their imminent defeat. In 1943, the leadership of the Galician Uniates actively

assisted the Nazis in creating the 14th Waffen Grenadier Division of the SS (1st Galician) commonly referred to as the Galicia Division, comprising mainly Western Ukrainian Uniates. Such a position loyal to the German occupiers was intended to secure not only favorable conditions for the Uniate Church's survival under the Nazi regime but also the opportunity to proselytize in the occupied eastern territories. However, the occupation authorities pursued a complex religious policy in Ukraine and were not inclined to strengthen any particular denomination. For this reason, the Galician Uniates were not permitted by the German occupiers to conduct missionary activities outside Western Ukraine.

Keywords: the Uniate Church, the Greek Catholic Church, Metropolitan Andrey Sheptytsky, Nazism, the Great Patriotic War

For citation: Petrushko, V. I. (2024). The Uniate Church in Western Ukraine in the Period of the German Occupation During the Great Patriotic War. *Orthodoxia*, (4), 96–113. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-96-113

REFERENCES:

Vavrik, V. R. (1966). *Terezin i Talergof: K 50-letnei godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Tallier: On the Occasion of the 50th Anniversary Conference of the Galician-Russian People]. New York. [In Russian].

Gaike, V.D. (1970). *Ukranskaia kompaniia "Galichina". Istoricheskaia spravka i boevoi opyt v 1943–1945 gg.* [Ukranian Company "Galicia". Historical Background and Combat Experience in 1943–1945]. Thoreau — Paris — Moscow. [In Russian].

Dmitruk, K. E. (1988). *Uniatskie krestonostsy: vchera i segodnia* [Uniate Crusaders: Yesterday and Today]. Moscow. [In Russian].

Dobryi, A., Archpriest. (1996). *Uniia na ukraine: Bik* [The Union in Ukraine: Bik]. Moscow-Podolsky. [In Russian].

V Lentsik. *Viznachni postati Ukraïns'koï Tserkvi: Mitropolit Andrei Sheptyts'kii ia Patriarkh Iosif Slipii* [To Lenzik. The First Post of the

Ukrainian Church: Metropolitan Andrey Sheptytsky, Patriarch Joseph Slipy]. (2001). Lvov. [In Russian].

Makovsky, V. (1934). *Peterburg: udachi i mysli* [Petersburg: Good Luck and Thoughts]. Lvov. [In Russian].

Mikhailovsky, V. (1999). *S kem i dlia kogo voevali ukrainskie natsionalisty v Rossii* [With Whom and for Whom the Ukrainian Nationalists Fought in Russia]. Moscow. [In Russian].

Mitropol Andreisheptitsky: Zhizn' i mogushchestvo: Gertsegovina i imperatorskaia imperiia, 1899–1944 [Metropolitan Andreisheptitsky: Life and Power: Herzegovina and the Imperial Empire, 1899–1944] (Vol. 2, Book 1). (1998). Lvov. [In Russian].

Pakhava, N. M. (2001). *Ocherki istorii russkogo dvizheniia v Seredine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian Movement in the Middle of the XIX–XX Centuries]. Moscow. [In Russian].

Petrushko, V. I. (2008). Greko-katolicheskaia Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1944–1945 gg. [The Greek Catholic Church and the Soviet State in 1944–1945]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, (2), 249–270. [In Russian].

Petrushko, V. I. (2002). Iz istorii Ukrainiskoi greko-katolicheskoi tserkvi nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny [From the History of the Ukrainian Greek Catholic Church on the Eve of the Great Patriotic War]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta. 2002. Materialy* (pp. 242–250). Moscow. [In Russian].

Petrushko, V. I. (1999). K predpolagaemoi beatifikatsii uniatskogo mitropolita Andreia Sheptitskogo [On the Proposed Beatification of the Uniate Metropolitan Andrey Sheptytsky]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia Konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo Instituta: Materialy* (pp. 374–380). Moscow. [In Russian].

Glavnaia stranitsa knigi: Knigi i materialy [The Main Page of the Book: Books and Materials]. (1981). Lvov. [In Russian].

Suliak, S. G. (2008). Talerhof i Terezin: zabytyi genotsid [Talerhof and Terezin: the Forgotten Genocide]. *Rusin*, (3–4), 69–75. [In Russian].

Talergofsky al'manakh. Propamiatnaia kniga avstriiskikh zhestokostei, izuverstv i nasilii nad karpato-russkim narodom" vo vremia Vsemirnoi voyny 1914–1917 gg. Vyp. 1–4 [The Talerhof Almanac. The memorable book of Austrian cruelties, fanaticisms and violence against the Carpathian-Russian people during the World War of 1914–1917. Vol. 1–4]. (1924–1932). Lvov. [In Russian].

Fedorychka, I. F. (1923). *Tal'er, ili Russkaia Golgotha* [Taller or Russian Golgotha]. Kolomyia. [In Russian].

Kalbarczyk, S. (2011). Kazimierz Bartel. Ostatnia ofiara zbrodni na profesorach lwowskich w lipcu 1941 [Kazimierz Bartel. The Last Victim of the Crime on the Professors of Lviv in July 1941]. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, (7), 88–95. [In Polish].

Stehle, H. (1986). Der Lemberger Metropolit Sheptyckyj und die nationalsozialistische Politik in der Ukraine [The Lvov Metropolitan Sheptyckyj and the National Socialist Politics in Ukraine]. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, (3), 407–425. [In German].

About the author:

Vladislav Igorevich Petrushko — Doctor of Church History, Candidate of Historical Sciences, Professor of St. Tikhon's Orthodox University, 23 B, Novokuznetskaya str, Moscow, Russia, 115184, e-mail: vp@sedmitza.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 23.04.2024.

А. Д. Гронский

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИМ. Е. М. ПРИМАКОВА РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Брестская церковная уния в отражении белорусской школьной учебной литературы, изданной в 2017–2021 годах

Аннотация. Статья посвящена исследованию содержания белорусской школьной учебной литературы, в которой содержится описание появления, функционирования и упразднения Брестской церковной унии. Время издания учебных пособий (2017–2021) ограничено этими датами, поскольку в момент написания статьи именно по учебникам, изданным в указанные годы, проходят обучение белорусские школьники. Преподавание истории в белорусской школе разделено на два концентрa. Первый концентр (5–9-й классы) представляет историю на более простом уровне, обращая больше внимания на факты, даты, описания событий. Второй концентр предлагает посмотреть на историю на более теоретическом уровне, обращая внимание на причинно-следственные связи и тенденции.

Для понимания того, каким образом Брестскую церковную унию школьные учебные пособия представляют учащимся,

необходимо проанализировать учебники обоих концентров и провести сравнение в подаче материала, а также обобщить полученные результаты.

Учебные пособия для 7-го (1 концентр) и 11-го (2 концентр) классов рассматривают введение Брестской церковной унии и её распространения до конца XVIII века. Оба учебных пособия схожи в оценках унии. Они признают, что уния навязывалась местному православному населению силой, и приводят в качестве подтверждения исторические документы. Но в обоих учебниках наблюдается попытка оправдать негативную реакцию населения в отношении унии тем, что униаты и польское правительство слишком активно применяли насилие. Оба учебных пособия предполагают, что, если бы уния вводилась более гуманными методами, массового сопротивления её принятию не возникло бы. Это противоречит историческим источникам, в которых можно найти примеры того, что сопротивление унии началось сразу, когда польская власть не успела ещё развернуть механизм принуждения. Утверждения, что уния стала барьером на пути полонизации и окатоличивания, не снабжены историческими документами, подтверждающими это. В обоих учебниках содержатся противоречия, когда авторы пытаются доказать эти утверждения. Также голословно в учебниках утверждается, что уния смогла сохранить языковые и культурные традиции народа.

В учебных пособиях для 8-го (1 концентр) и 11-го (2 концентр) классов описано развитие унии в конце XVIII — первой половине XIX века вплоть до Полоцкого церковного Собора 1839 года. Учебное пособие для 8-го класса идеологически продолжает нарратив учебного пособия для 7-го класса. Для того чтобы доказать, что масса униатов не желала возвращаться в православие в конце 1830-х годов, авторы используют документы более ранней эпохи, а также приводят исторические источники, описывающие частные случаи, пытаясь выдать их за общие тенденции. Документов, подтверждающих, что люди массово сопротивлялись решению Полоцкого церковного Собора, нет, поэтому в учебном пособии использованы либо документы другой эпохи, либо документы, фиксирующие частные случаи.

Учебное пособие для 11-го класса более корректно описывает Полоцкий церковный Собор, т. к. оно издано после того, как белорусские власти решили скорректировать школьный курс истории после массовых протестов 2020 года.

Ключевые слова: униатство (греко-католицизм), Брестский церковный собор, Полоцкий церковный Собор, белорусские школьные учебные пособия

Для цитирования: Гронский А. Д. Брестская церковная уния в отражении белорусской школьной учебной литературы, изданной в 2017–2021 годах // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 114–145. DOI:

В советское время конфессиональной истории уделялось не так много внимания, как другим направлениям исторического знания. Во многом это было связано с идеологическими установками. Однако в постсоветском историческом дискурсе конфессиональная история стала восстанавливать свои позиции. Стали появляться исследования по конфессиональной истории, как сугубо научные, так и научно-публицистические. Также в школьной учебной литературе конфессиональной истории стали уделять больше внимания, чем раньше.

Данный процесс не обошёл собой и Белоруссию, поскольку на той территории, которую она сейчас занимает, в прошлом развивались события конфессиональной истории, повлиявшие на судьбу не только малого региона, но и больших пространств. Одним из таких событий стала Брестская церковная уния. С точки зрения белорусской исторической науки, Брестская уния серьёзно привязана к истории Белоруссии. Ведь она появилась в Бресте — нынешнем белорусском административном центре, а прекратила свое существование в пределах Российской империи (за исключением Холмщины¹) в Полоцке — ныне белорусском районном центре.

Униатство, или греко-католицизм, достаточно серьёзно повлияло на националистические установки ряда организаций, в первую очередь украинских. Белорусский национализм был затронут униатством в более слабой степени, но и в нём опора на греко-католицизм существовала и существует поныне. Связь униатства с политикой, причём с её достаточно радикальными проявлениями в виде этнонационализма и более агрессивных идеологий, давала возможность опираться на униатство как на духовно-культурный ресурс, маркировавшийся этническим или национальным, т. е. «правильным», «настоящим» с точки зрения некоторых идеологий. А если некая религия или её разновидность становится ресурсом для этнонационализма, то националистам её можно определять как национальную религию. Такую религию заинтересованные силы

1 На Холмщине перевод униатов в православие состоялся в 1875 году.

начинают презентовать по-особому, обращая внимание на её роль в становлении «национального самосознания» и формировании националистических установок, выдаваемых за национальное возрождение. Причём роль конкретной религиозной доктрины в формировании того или иного национального сознания может быть как реальной, так и надуманной. В последнем случае формирование представлений и роли религии в становлении национального самосознания происходит потому, что признак религиозной инаковости может быть использован для конструирования отдельности от соседей по региону. Например, так поступали белорусские националисты, пытаясь показать, что в прошлом у белорусов, в отличие от великорусов, существовала своя национальная религия.

В частности, активный деятель белорусского национализма И. Ю. Лёсик в 1922 году писал, что после разделов Первой Речи Посполитой в конце XVIII века на землях, отошедших к Российской империи, «начались преследования против униатства, ставшего к тому времени национальным белорусским исповеданием» (Лёсик 2003: 24). И. Ю. Лёсика не смущало, что белорусская национальная идея стала формироваться только в конце XIX века, а без осознания себя как нации белорусы не могли рассматривать какое-либо исповедание как национальное. Уния же на белорусских землях исчезла в 1839 году, т. е. за несколько десятилетий до первых, крайне слабых проявлений белорусского национализма. В начале XXI века представление об униатстве как в первую очередь о политической силе продолжало существовать. В частности, О. Ю. Кравцов утверждал, что «новой вехой в истории белорусского народа должно стать возрождение униатской церкви, которая поможет консолидировать нацию» (Кравцов 2018: 96).

Существование униатства на белорусских землях с 1596 по 1839 год, естественно, должно было найти своё отражение на страницах школьной учебной литературы по отечественной истории. Униатство должно было как-то оцениваться авторами учебных пособий, чтобы школьники получали представление о том, насколько униатство повлияло на историю региона и населявших его людей, а также какой след оно оставило в культурной и политической жизни.

Школьное историческое образование в Белоруссии существует в двух концентрсах. Школьники сначала изучают первый концентр (с 5-го класса всемирную историю, а с 6-го класса к ней добавляется отечественная), а в двух последних классах начинается второй концентр. На этом этапе школьники вновь изучают историю с древности до современности, но уже

больше внимания обращается не на фактуру, а на суть событий, причинно-следственные связи и историческую логику.

Таким образом, история в белорусской школе изучается дважды. Введение унии, её распространение и развитие в Первой Речи Посполитой изучается в первом концентре в 7-м классе (Гісторыя Беларусі, 7 кл.; История Беларуси, 7 кл.), а во втором концентре — в 10-м классе (Гісторыя Беларусі, 10 кл.; История Беларуси, 10 кл.). Существование униатства в Российской империи и воссоединение униатов с православными рассматривается в первом концентре в учебнике за 8-й класс (Гісторыя Беларусі, 8 кл.; История Беларуси, 8 кл.), а во втором концентре — в 11-м классе (Гісторыя Беларусі, 11 кл.; История Беларуси, 11 кл.). В белорусских школах существуют учебники на русском и белорусском языках. Они полностью идентичны.

Логично будет рассмотреть учебники не по возрастанию классов, т. е. сначала 7-й класс (2017), потом 8-й (2018), за ним 10-й (2020) и, наконец, 11-й (2021), а по исторической хронологии, т. е. сначала учебники за 7-й и 10-й классы, а потом за 8-й и 11-й. Таким образом станет понятно, чем различается информация об одном и том же периоде существования униатства на страницах учебников разных концентров.

Брестская церковная уния была заключена в 1596 году. Хронологически данная дата попадает в белорусское школьное учебное пособие для 7-го класса, рассматривающее историю XVI–XVIII веков. В этом пособии униатской проблематике посвящён отдельный параграф (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93–99). Авторы учебного пособия указывают, что великие князья литовские задумывались над введением унии с Римом на протяжении нескольких столетий, но только в 1570–1590-е годы данная проблема была серьёзно актуализирована (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93–94). Т. е. проблема введения унии в Литовском княжестве, а значит, на старых западнорусских землях, имела политическую подоплёку, связанную со стремлениями литовских князей контролировать церковные институты внутри княжества. Однако учебное пособие, указывая на многовековое желание ввести унию, мотивы введения сокращает до одного — введение унии стало «одним из важнейших направлений Контрреформации на белорусских землях» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 93). В другом месте авторы учебника снова приводят в качестве мотива введения унии только противодействие распространению протестантизма, которому католики и православные не

могли противостоять отдельно. Реформационное движение было опасно для тех и других, т. к. «именно оно отнимало верующих и у Католической, и у Православной церквей» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Именно о необходимости унии для борьбы с протестантизмом говорил один из её сторонников П. Скарга, что также отмечено в учебном пособии (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Актуальность противодействия протестантизму появилась только в XVI веке, но учебное пособие не сообщает, почему литовские князья задумывались о введении унии за несколько столетий до появления протестантизма.

Интересно, что текстовое содержание учебника не совпадает с информационной нагрузкой схемы, размещённой тут же. Схема носит название «Цели Католической и Православной церквей при заключении унии». Для каждой из Церквей сформулировано по одной цели. Причём упоминания о необходимости противодействия протестантизму в схеме отсутствуют. Единственной целью католиков названа следующая: «Добиться победы над православием и распространить католицизм», а единственная цель православных — «Достигнуть равенства Православной и Католической церквей, получить места в сенате» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94). Таким образом, текст учебника и схема, расположенная в учебнике прямо на той же странице, где содержится текст о целях введения унии, игнорируют содержание друг друга. В тексте не упомянуты цель Католической Церкви добиться победы над православием и цель Православной Церкви — достигнуть равенства с католиками. В схеме же и у католиков, и у православных отсутствует цель противостояния с протестантизмом (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94).

Подготовка Брестской церковной унии представлена в учебном пособии как хронологическое описание череды событий, итогом которых стал запрет Православной Церкви: «В конце 1594 г. православные епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий тайно составили декларацию об унии. Их проект поддержал король Сигизмунд III и почти всё руководство Православной церкви. В 1595 г. Папа Римский торжественно объявил о заключении унии. Для её утверждения в Речи Посполитой в октябре 1596 г. создали Берестейский церковный собор. Несмотря на споры и неразрешённые противоречия, акт унии был подписан. Православная церковь в Речи Посполитой официально прекратила существование. Её имущество и приходы переходили к униатской церкви» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 94–95).

При описании подготовки введения Брестской церковной унии авторы учебника умолчали о ряде событий, которые могли создать у учащихся более критическое отношение к унии. В частности, проигнорировано упоминание того, что изначально православные епископы Первой Речи Посполитой предлагали собственные условия, на которых должна была бы быть заключена уния, но римским папой эти условия были проигнорированы, а информация о таком повороте событий была скрыта от православных иерархов, узнавших о коррекции уже по факту оглашения акта унии. Не упоминается в учебном пособии и о том, что помимо церковного собора, на котором была принята уния, в Бресте прошёл ещё один собор, который был организован противниками унии. Все эти проблемные события авторы учебного пособия обозначили как «споры и неразрешённые противоречия», не уточняя, что имелось в виду под этой формулировкой.

Несмотря на широкое сопротивление введению унии, в учебнике в качестве защитников православия упомянуты только православные церковные братства, которые появились в 1580-х годах (История Беларуси, 7 кл. 2017: 96). Практика создания братств для защиты православного наслоя от униатского давления существовала и позже (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97).

Авторы учебного пособия считают, что введение унии не должно было встретить сопротивления населения, однако «мирному развитию событий помешали насильственные методы, которые стали использовать униатские епископы. Православных прихожан и священников начали принуждать принимать унию. Особенно жестокие методы распространения униатства применял полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97). Таким образом, в учебном пособии предполагается, что только насильственные методы навязывания унии породили ответную реакцию населения, и если бы этих насильственных методов не было, то уния была бы принята в основном спокойно.

Однако стоит заметить, что противодействие введению унии появилось сразу же, когда новая униатская верхушка ещё не успела ввести в широкую практику насильственные меры перевода православных в унию². Поэтому стоит предположить, что стремление представить введение и распространение униатства в качестве потенциально мирного

² Достаточно много документов, раскрывающих отношение населения к введению унии, содержится в сборнике: (Уния в документах 1997).

процесса — это попытка сконструировать желаемое состояние прошлого. Эта попытка зафиксирована не только в школьном учебном пособии. В пятитомной «Истории белорусской государственности», написанной авторами Института истории Национальной академии наук Белоруссии, также сказано, что «сам ход униатского и православного соборов в октябре 1569 г. в Бресте, поддержка униатов властями и стремление ввести унию принуждением, с помощью репрессий вызвали отрицательный эффект» (История белорусской государственности 2018: 423). Т. е. неприятие унии вызвал конфликт во время её введения, поддержка одной из сторон властями, которые, стремясь заставить православных перейти в унию, попросту запретили Православную Церковь, и насилие при её распространении — именно то, что вызвало возмущение населения. Ни учебное пособие, ни «История белорусской государственности» не указывает на то, что сопротивление введению и распространению унии вызвало стремление людей сохранить свою православную идентичность. Резкое нежелание принять унию объясняется перегибами, а не стремлением сохранить традиционное конфессиональное мировоззрение. Таким образом, школьников подводят к мысли, что собственно уния была не плоха, плохим был способ её распространения.

Учебное пособие для 7-го класса, наверное, более чем какое-либо другое из линейки белорусских учебников, выпущенных в 2014–2021 годах, грешит логическими несоответствиями. В частности, истории введения унии посвящена следующая фраза: «Насильственные методы руководителей униатской церкви вызвали возмущение православных верующих, особенно в городах. К недовольным присоединилась часть православных священников, мещан и шляхты, которые не приняли церковного союза» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 97). По смыслу получается, что к недовольным введением унии православным верующим присоединились православные же священники, мещане и шляхта. Но, если они были православными, значит, все три перечисленных сословия попадают в категорию «православные верующие». В итоге получается, что к православным верующим присоединились православные верующие, т. е. недовольные введением унии присоединялись сами к себе.

Авторы учебного пособия описывают способы сопротивления православных униатскому давлению. Один из способов заключался в избрании новых православных епископов вместо тех, кто перешёл в унию. Новые епископы призывали православных верующих «не пускать униатов в города, храмы, препятствовать проведению ими богослужений» (История

Беларуси, 7 кл. 2017: 97). Одним из таких избранных епископов был Мелетий (Смотрицкий) — активный защитник православия, к концу жизни перешедший в унию. Причины его перехода объясняются просто: «В конце жизни он разочаровался в православии и принял униатство» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98).

Естественно, учебное пособие не могло не отметить, что агрессивное навязывание унии вызывало неприятие даже у её сторонников. Так, литовский канцлер Л. Сапега писал униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу³, что тот своим «безрассудным насилием» спровоцировал православных «к отпору и отвержению данной его королевской милостью присяги» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Ответной реакцией на насилие со стороны униатских иерархов были выступления православно-го населения начала 1620-х годов, иногда заканчивающиеся жертвами. В частности, в 1623 году в Витебске «толпа мещан разграбила дворец И. Кунцевича и униатские церкви. Самого архиепископа убили, а его тело бросили в Западную Двину» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Доведённые до крайности насилием со стороны униатского архиепископа горожане были наказаны. По приказу польского короля руководителей восстания казнили, остальных объявили преступниками, Витебску, как городу, в котором произошло убийство, назначили большой штраф, было отменено магдебургское право⁴ и разрушена ратуша — символ местного самоуправления. Со всех православных храмов города были сняты колокола (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98).

Для укрепления позиций униатства был организован монашеский орден базилиан. Орден не только занимался подготовкой священников, но и открывал учебные заведения, чтобы формировать кадры, способные противостоять православному образованию, сосредоточенному в школах православных братств (История Беларуси, 7 кл. 2017: 98). Авторы учебно-го пособия делают вполне корректное замечание о том, что «положение православных в стране постоянно ухудшалось. Они имели всё меньшее политическое влияние в государстве» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 99).

Содержащийся в учебном пособии вывод указывает, что уния не стала спасением от конфессионального противостояния, развернувшегося в Первой Речи Посполитой, но авторы пособия стремятся найти

³ Подробнее о переписке Л. Сапег и Иосафата Кунцевича см. (Хотеев 2015).

⁴ Магдебургское право — одна из систем городского права, сложившаяся в Магдебурге и позже распространившаяся по Европе. На основе этого права города получали экономическую, юридическую, общественно-политическую независимость от феодалов.

в распространении униатства положительные моменты, утверждая, что уния помогла в дальнейшем сохранить язык и культуру народа: «Таким образом, подписание Берестейской церковной унии не решило всех поставленных задач. В стране не установился религиозный мир. Вместо объединения двух конфессий на землях Речи Посполитой появилась ещё одна. Униатские епископы не получили мест в сенате. Религиозное противостояние в первой половине XVII в. только усилилось. Но в дальнейшем униатская церковь в определённой степени способствовала сохранению языковых и культурных традиций белорусского народа» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 99). Естественно, никаких примеров сохранения языка и культуры не приведено, т. к. в реальности униатство не способствовало сохранению ни того, ни другого. В свою очередь православный автор, анализируя наблюдаемые в унии явления, констатирует, что они не сохраняют культуру, а «свидетельствуют о постепенной утрате униатами своего византийского и древнерусского наследия. В то же время западное влияние постепенно набирает силу и превращает унию в подобие чистого латинства» (Хотеев 2023: 75–76). В отношении сохранения языковых традиций тот же автор замечает, что «пренебрежение к книжной славянской традиции лучше всего свидетельствует о презрении в унии и к местному (белорусскому) языку» (Хотеев 2023: 67).

Учебное пособие по истории Белоруссии для 10-го класса относится ко второму концентру, поэтому в книге содержится история с древности до конца XVIII века. В этом учебном пособии отразился и материал по введению Брестской церковной унии. При перечислении причин принятия унии десятиклассникам предлагается ещё одна. А именно: «Стремление к консолидации церковных и светских феодалов ВКЛ (Великого княжества Литовского. — А. Г.) и Польши после Люблинской унии, согласно которой оба государства объединялись в Речь Посполитую. В то же время между католическими и православными феодалами ВКЛ наметилась определённая консолидация в противодействии политическим и религиозным претензиям со стороны Московского государства» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 197–198]. Причём именно эта причина, не упоминаемая в учебном пособии для 7-го класса, названа основной. Ещё одной причиной для введения унии учебное пособие называет нежелание западнорусских православных иерархов подчиняться московскому патриарху, «который намеревался распространить свою власть на все земли бывшей Киевской Руси. Кроме того, они рассчитывали сохранить свои владения и достичь равенства в правах с католической церковью»

(История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). О последней причине (сохранить владения и достичь равенства с католиками) упоминалось и в учебном пособии для 7-го класса. А две остальные причины остались неизвестны для семиклассников. То есть учебное пособие для 10-го класса объясняет стремление к унии в первую очередь русским фактором — противодействием «политическим и религиозным претензиям со стороны Московского государства».

Также в учебном пособии указано, чем была уния для католиков и православных. Для первых уния являлась средством подчинения православных, распространения своего влияния далее на восток, т. е. на территорию Московского государства, также уния увеличивала возможности для борьбы с протестантскими направлениями. Для вторых уния виделась возможностью борьбы с распространением протестантизма и решением вопроса, способного остановить ослабление влияния Православной Церкви в Первой Речи Посполитой (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Интересно, что преодолеть ослабление Православной Церкви, находящейся под властью Константинопольского патриарха, на западнорусских землях православные иерархи решили с помощью римского папы, а не того же Московского Патриархата, появившегося в 1589 году и существовавшего на восточной части бывшей Древней Руси.

Подготовка к принятию унии описана в учебном пособии как предложение римскому папе тех условий подписания, которые были сформулированы православными епископами Первой Речи Посполитой. А «в конце 1595 — 1596 г. Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий находились в Риме, где условия унии были утверждены римским папой Климентом VIII» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Такая подача материала создаёт впечатление, что уния была подписана на условиях православных епископов, хотя на самом деле Рим изменил условия, навязав собственное видение будущей унии.

В ряде случаев Брестская церковная уния называется в белорусском публицистическом и даже научном дискурсе религией, чаще конфессией. Однако по сути конфессией, а тем более религией она не является. Авторы учебного пособия нашли выход из этой ситуации, назвав унию религиозным направлением (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198).

Появление нового «религиозного направления» не было принято частью православного населения. После заключения унии произошло несколько городских восстаний, также последовал «отказ признавать унию со стороны некоторых священников» (История Беларуси, 10 кл.

2020: 198). Тем не менее «большая часть верующих перешла в униатство, меньшая (горожане) осталась в православии» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Авторы учебного пособия делают заключение, что такое неподчинение решениям Брестского униатского собора «привело к расколу православной церкви Речи Посполитой» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). Таким образом, по логике авторов учебного пособия раскол православия произошёл не потому, что ряд православных иерархов захотел подчиниться римскому папе, а потому, что это не поддержали другие православные. То есть попытка сохранить православие привела к его расколу. Однако подобная постановка вопроса не слишком корректна, т. к. с введением унии православие на территории Первой Речи Посполитой было запрещено. Принявшие унию откололись от православия и перешли в греко-католицизм. Более корректно, наверное, следует говорить не о расколе, а о переходе части православных в унию и изменении положения оставшихся верными православию верующих, которые вдруг стали сторонниками нелегальной церкви.

В учебном пособии для 10-го класса присутствует схема «Условия объединения церквей», в которой перечислены:

- «– Верховенство папы римского
- Сохранение прежних церковных обрядов
- Сохранение всех церковных праздников согласно православному календарю
- Равенство униатских и католических священников
- На церковные должности назначаются только “русские” люди (в отличие от учебного пособия для 7-го класса, “русские” написано с двумя “с”. — А. Г.)
- Запрет переманивать в католичество униатов
- Монастыри и церкви не превращаются в костёлы
- Униатским священникам разрешается иметь семьи
- Униаты принимают некоторые догматы католической церкви (символ веры и др.)
- Запрет православной церкви в Великом Княжестве Литовском» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199).

Стоит помнить, что похожая схема присутствует и в учебном пособии для 7-го класса, но в ней отражены не все, а лишь основные условия объединения:

- «– Главенство Папы Римского в делах веры

- Принятие униатами основ католического вероучения и нового календаря
- Сохранение униатами православных церковных обрядов, праздников, языка
- Назначение на церковные должности только “русских” людей (в учебном пособии написано именно так — “русских” с одной “с”. — А. Г.)
- Запрет переводить униатов в католичество
- Получение униатскими епископами мест в сенате» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 95).

Логично, что основные условия должны быть частью общих условий, т. е. позиции, отражённые в схеме учебника для 7-го класса, должны быть полностью включены в перечень позиций, указанных в учебнике для 10-го класса. Тем не менее среди основных условий указано «получение униатскими епископами мест в сенате», чего не перечислено в общих условиях. Также стоит обратить внимание на два утверждения: «Принятие униатами основ католического вероучения и нового календаря» (История Беларуси, 7 кл. 2017: 95] и «униаты принимают некоторые догматы католической церкви (символ веры и др.)» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Насколько синонимичными могут быть словосочетания «основы католического вероучения» и «некоторые догматы католической церкви»?

В учебном пособии для 10-го класса присутствует ряд взаимоисключающих утверждений. В частности, учебник пишет, что «большая часть верующих перешла в униатство» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198), это же утверждение повторяется в пособии ещё раз, но с оговоркой, что горожане остались православными (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Однако на предыдущей странице пособия авторы пишут, что против введения унии выступила «значительная часть православной знати, духовенства и горожан» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 198). На следующей странице снова перечислены категории населения, сопротивляющиеся распространению унии: крестьяне, мещане, члены православных братств, многие православные шляхтичи и протестанты (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). В данном перечне интересно упоминание протестантов, которых Брестская церковная уния не касалась. Если же сравнивать два списка, расположенных на соседних страницах учебного пособия и перечисляющих категории сопротивляющихся унии, то они различаются. В них совпадают только два сословия — православная знать, или православные шляхтичи, и горожане, или мещане. В первом перечне нет

крестьян и членов православных братств, во втором не упомянуто духовенство. В результате остаётся непонятным, какие социальные группы выступили против распространения унии.

В пособии упомянуто, что уния навязывалась жёсткими методами (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199), что в итоге не смогло консолидировать общество, а появившиеся религиозные противоречия «приобрели опасный для государства характер» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200).

На страницах учебного пособия присутствует иллюстрация с картины Йозефа Зимлера «Мученическая смерть Иосафата Кунцевича». Ученикам предлагается ответить на вопрос, как художник относился к личности униатского архиепископа (История Беларуси, 10 кл. 2020: 199). Однако название картины однозначно говорит об отношении художника к личности Иосафата Кунцевича.

Подводя итог рассказу о введении и распространении церковной унии, авторы учебного пособия заключают: «Таким образом, к концу XVII в. население Беларуси почти полностью стало придерживаться униатства» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 201). На предыдущей странице в схеме «Итоги Берестейской унии» также сказано: «к 1795 г. большинство населения Беларуси исповедовало униатство» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). Однако в тексте на той же странице авторы пособия дают «конфессиональный рисунок» верующих на белорусской территории в конце XVIII века. Греко-католики, т. е. униаты, составляли 39 % населения белорусских земель, римо-католики, названные просто католиками, — 38 %, иудеи — 10 %, православные — 6 %, старообрядцы — 4 %, протестанты — 1 % и мусульмане — 0,8 % (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). Данное процентное соотношение не иллюстрирует утверждения, что население Белоруссии «почти полностью стало придерживаться униатства». Ведь определение «почти полностью» указывает на то, что количество униатов должно стремиться к 100 %. Вряд ли греко-католическую принадлежность 39 % населения Белоруссии можно определить как то, что жители региона почти полностью стали придерживаться униатства.

На этой же странице сказано, что униатство на белорусских землях охватывало до 80 % крестьян, мещан, мелкой и средней шляхты (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). В этом случае утверждение о том, что именно западнорусские местные уроженцы почти полностью стали придерживаться унии, выглядит более корректно. Но подавляющее большинство крестьян, мещан и шляхты, будучи униатами, составляли лишь

39 % от всех исповедующих различные религии, конфессии и религиозные направления, что всё же не даёт говорить о большинстве населения Белоруссии, исповедовавшем униатство. Это было всего лишь относительным большинством.

Крайне показательным выявляется представленное в схеме утверждение авторов учебного пособия того, что итогами унии стали «барьер католичеству и полонизации населения в городах и сёлах» и «сохранение культурных и языковых традиций населения» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). На той же странице учебного пособия иллюстрируется, каким образом униатство формировало барьер полонизации. Православная Церковь использовала в литургии церковнославянский язык, униатские же священники «в литургической храмовой службе [...] пользовались польским, церковнославянским, белорусским и даже латинским языками» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 200). То есть, по мнению авторов учебного пособия, введение в литургию польского языка должно было каким-то образом поставить барьер полонизации. Что же касается барьера католичеству, то данное утверждение выглядит странно, т. к. униатство — это греко-католицизм, т. е. униатство должно было ставить барьеры самому себе. Если же принять утверждение, что под католицизмом авторы учебного пособия имели в виду именно римо-католицизм, то и в этом случае утверждение о том, что греко-католицизм являлся барьером римо-католицизму, не соответствует действительности, так как после униатского Замойского собора 1720 года уния стала латинизироваться, т. е. приобретать черты римо-католицизма⁵. Подобное развитие событий никоим образом нельзя назвать формированием барьера против католицизма. Интересно, что в академической «Истории белорусской государственности» допущена та же ошибка. В первом томе упоминается, что «униатство во многом при помощи церковной агитации православных священников начало восприниматься как вероисповедание иностранного государства, скрытая форма католицизма» (История белорусской государственности 2018: 423). Как и в школьном пособии, в «Истории белорусской государственности» униатство (греко-католицизм) противопоставляется католицизму, частью которого он является.

Сохранение униатством «культурных и языковых традиций населения» также стоит поставить под вопрос. До введения унии местное население было православным и использовало в быту древнерусский язык.

⁵ Подробнее об этом см.: (Шеститко 2009).

Униатство же имело определённые черты: «значительная степень приближения унии к чистому католицизму в литургической и канонической областях (в вероучении униаты ничем не отличались от католиков), что получило название латинизации» и «полонизация духовенства и многих сторон духовной жизни простого народа. Униатское делопроизводство после 1697 г. велось на польском. Ко второй половине XVIII века греко-католическое духовенство и в домашнем обиходе, и в общении с прихожанами использовало польский язык». Даже после Полоцкого воссоединительного собора 1839 года «большой проблемой было переучить бывших униатских священников произносить проповеди и учить верующих на народном, т. е. белорусском языке» (Романчук 2015: 65–66).

Униатской проблематике посвящены два помещённых в учебнике исторических источника. Первый — это выдержка из донесения папского нунция в Польше Торреса, который описывает положение после принятия унии: «Народ, большей частью простые люди [...] не прельстился их (возможностью занимать должности. — А. Г.) притягательной силой, чтобы путём отречения от веры заслужить королевскую милость. [...] Не поддаётся описанию, насколько русский народ ненавидит римских католиков [...]. Этим объясняется то, что мало русинов переходит в унию и что препятствий в обращении их больше, чем в обращении лютеран и кальвинистов» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 204).

Второй документ — отрывок из письма Л. Сапеги Иосафату Кунцевичу: «[...] я был творцом этой унии, и отступать неприлично, но никогда и на ум мне не приходило, что Ваша милость будет обращать в унию людей насильственными действиями [...].

Совсем по-другому складывается дело с Вашей милостью: полны zemства, полны замковые суды, полны трибуналы, полны ратуши, полны канцелярии доносов, жалоб, нареканий, в которых сказано, что утверждается не уния, а утверждаются ссоры, разывается и уничтожается любовь, которая связывает человеческое сообщество. На сеймиках и в каждом углу хватает сумятицы и взаимных ссор...

...Евреям, татарам не запрещено в государствах его Величества короля справлять свою религию, в то время как христианам запрещено это делать, отсюда и рождаются слова, что лучше отдаться под власть язычников-турок, чем терпеть такое насилие над своей совестью...

...Что же касается полочан и других бунтующих против Вашей милости, то скажу: возможно, они и бунтовщики. Но Ваша милость сама дала им повод для бунта и сделала их бунтовщиками. Ведь они были послушны

Вашей милости, ходили в церковь Вашей милости. Почему же тогда Ваша милость их отбросила от себя?.. Вот почему мы не хотим, чтобы эта бесполезная уния принесла и творила вред обществу и государству...» (История Беларуси, 10 кл. 2020: 207).

Т. е. приведённые документы совершенно однозначно указывают на отношение населения к введению униатства. Никаких документов о том, что униатство способствовало сохранению культурно-языковых традиций, не приведено. Это вполне логично, т. к. постепенная латинизация унии и введение в обиход польского языка способствовало постепенному приближению греко-католиков к римо-католикам, т. е. к изменению идентичности местного населения путём полонизации и латинизации. Тем не менее в обоих учебниках авторы пытаются ретранслировать, пусть и неявно, политический миф о том, что уния являлась национальной религией белорусов, ставя ей в заслугу якобы сохранение культурно-языковых традиций.

В учебнике для 8-го класса содержится информация о положении униатства в Российской империи и его воссоединении с православием. При описании подготовки Полоцкого церковного Собора школьники сталкиваются с двумя цитатами, которые, по мнению авторов учебника, должны иллюстрировать неприятие усилий будущего православного митрополита Иосифа (Семашко) по возвращению униатов в православие простыми униатами-белорусами.

Первая цитата описывает ситуацию в Могилёвской губернии: «Один из царских чиновников оставил нам свои воспоминания, в которых описал диалог могилевского губернатора и крестьянина из Быховского уезда, где униаты отказались принять православие:

Губернатор: Для чего вы не послушались⁶ директора экономии? Ведь вера все одна, та же христианская. Он вас не евреями хотел сделать.

Мужик: Добра, ваша, кажаш, што вера ўсё адна, тая ж хрысціянская. А ці, ваша, пахваліў бы за тое, каб я ўзяў адзін крыж у рукі, а другі б кінуў пад ногі?⁷

Губернатор: Да для чего же вам не быть со мною одной веры?

⁶ В оригинале «не послушали» (Добрынин 1872: 302).

⁷ В оригинале передан говор крестьянина, а в учебном пособии текст переведён на белорусский язык. Оригинал звучит следующим образом: «Добре ваше кажаш, што вера все одна, та же христианская. А-ти, ваше, похвалив бы тое, кап я взяв один крест в руки, а другий бы кинув под ноги?» (Добрынин 1872: 302). По причине перевода в цитате учебника слово «крест» заменено белорусским «крыж».

Мужик: Ты, сам здороў, ведаеш, чалавек ужо не малады! — указывая на губернаторские седины. — Каб табе загадалі прыняць нашу веру, а ці захацеў бы ты быць уніятам?»⁸ (Панов 2020: 27).

Упомянутый диалог между неизвестным крестьянином-униатом из-под Быхова и моголи́вским губернатором Г. И. Черемисиновым произошёл в 1793 году. Упоминание о нём содержится в записках Г. И. Добрынина. При этом авторы школьного учебного пособия, приводя диалог крестьянина и губернатора, попросту вырывают его из контекста, что создаёт впечатление о наличии со стороны российской власти политики по принудительному переводу униатов в православие и широком сопротивлении местных униатов этой политике.

В записках Г. И. Добрынина этот диалог представлен как элемент широкого процесса, порождённого политикой в отношении униатов. Автор объясняет, почему возник повод для такого диалога. После второго раздела Польши на вновь присоединённых к России землях бывшей средневековой Западной Руси оказалось большое число униатов. Часть из них выразили желание перейти в православие. Вследствие чего возникло именно повеление императрицы Екатерины Великой «чтобы и в наших белорусских губерниях присоединять желающих униатов к грекороссийской церкви, а буде бы кто из помещиков оказался препятствовавшим, того имение брать в секвестр» (Добрынин 1872: 296). Г. И. Добрынин подчёркивает, что в императорском повелении было требование спросить, не желают ли униаты перейти в православие, и если находились желающие, то таких было «запрещено удерживать от их желаний» (Добрынин 1872: 298). Но в повелении не было никаких указаний на насильственное присоединение. Одновременно правящим православным архиереям было разослано отношение Священного Синода «чтобы они общими силами и согласием нарядили в разные уезды разных чиновников [...] для присоединения униатов к церкви грекороссийской» (Добрынин 1872: 297). Г. И. Добрынин был командирован в Сенненский уезд, где располагались 33 униатские церкви. В каждой церкви униатам зачитывались документы о возможности перехода в православие и спрашивалось «о свободном расположении их к перемене веры, или, лучше сказать, одного только

⁸ В оригинале снова передан говор крестьянина, который не совпадает с белорусским языком. В оригинале: «Ты, сам здоров, знаешь, уже человек не молодой! — указывая на губернаторские седины. — Кап тебе приказывали принять нашу веру, а-ти захотел бы ты быть униатом?» В учебнике вместо используемых в оригинале слов «знаешь» и «приказывали» используются белорусские «ведаеш» и «загадалі» (Добрынин 1872: 302).

переименования веры» (Добрынин 1872: 298). Т. е. чиновники должны были не насильно переводить униатов в православие, а интересоваться, не желают ли они сами это сделать. Миссия Г. И. Добрынина закончилась безрезультатно: «Не обрели ни единой души, желающей отстать от униатской и пристать к грекороссийской церкви» (Добрынин 1872: 298). Однако ряд чиновников, посланных для «увещевания» униатов, отнёсся к своей деятельности как к той, которая обязательно должна принести положительный результат. В итоге униаты принуждались к переходу в православие насильно, в ответ в губернскую администрацию, столицу и синод шли жалобы по поводу принуждения от униатских священников, самих униатов и иногда помещиков. Требования обязательного присоединения униатов исходили не из имперского центра, а от местных губернских властей, решивших таким образом выслужиться перед имперским центром. Чиновники вынуждены были подчиняться этим требованиям местной администрации и, если крестьяне-униаты не желали переходить в православие, заставляли их силой (Добрынин 1872: 300).

Ещё одна цитата описывает ситуацию в Витебской губернии. Школьный учебник указывает, что «витебский губернатор вспоминал о порядке перевода униатских верующих в православие следующим образом: "...к архиерею [высший чин в православном духовенстве] обыкновенно явится неожиданно человек из какого-либо значительного селения с просьбой о желании всех будто бы обывателей оного обратиться к православной церкви... начальство таковую просьбу всегда принимает... требует без малейшего промедления допустить православного священника в приходскую униатскую церковь и указывает полиции принять немедленно под покровительство всех обращающихся... Православный священник... приезжает в поселение... униатский священник скрывается... Двор уже наполнен крестьянами, большей частью не имеющими не только желания к присоединению, но даже и понятия, чего от них требуют. Конечно, при этом не может быть совершенного спокойствия, иногда встречается и сопротивление..."» (Панов 2018: 28).

Данная цитата извлечена из воспоминаний И. С. Жиркевича, который в 1836–1838 годах был витебским губернатором. В воспоминаниях эта цитата принадлежит не самому губернатору, а предводителю дворянства Витебской губернии коллежскому асессору И. И. Шадурскому (Жиркевич 2009: 432–434), который вводил нового губернатора в курс дела. Она описывает не усилия будущего православного митрополита Иосифа (Семашко), а ситуацию, сложившуюся в православной Полоцкой

епархии, которая в 1833–1837 годах управлялась сначала епископом, а с 1836 года архиепископом Смарагдом (Крыжановским). Полоцкий архиерей сразу же начал активную миссионерскую деятельность в отношении униатов, поддержанную обер-прокурором Священного Синода С. Д. Нечаевым, который почему-то не был поставлен в известность о планах Иосифа (Семашко). Частные присоединения униатов, практикуемые архиепископом Смарагдом, по мнению Иосифа (Семашко), «могли затронуть лишь малую часть униатов, прежде всего крестьян, принадлежавших русским православным помещикам, которых было очень немного, а остальных, т. е. значительно большую часть, невозвратно оттолкнуть в латинство» (Романчук 2015: 127). Т. е. Иосиф (Семашко) был против тех методов, которые представлены в учебнике как политика, проводимая самим Иосифом (Семашко).

Необходимо отметить, что И. С. Жиркевич достаточно критически отнёсся к активности архиепископа Смарагда и к нему самому. Так, губернатор писал: «В Витебске я составил себе идею, что он должен быть религиозный фанатик, но тут открыл, что и предписанным церковным правилам он подчинялся лишь наружно; два или три случая меня тотчас с ним ознакомили» (Жиркевич 2009: 448). Сам И. С. Жиркевич «дело восприсоединения униатов» признавал «совершенно соответствующим политике и нравственности», но «твёрдо отвергал» «тот ход и те меры, которым следует Смарагд» (Жиркевич 2009: 503). Против методов архиепископа Смарагда возражал и сам император Николай I. При назначении в 1836 году П. Н. Дьякова Смоленским, Витебским и Могилёвским генерал-губернатором, император отметил, «что важнейшие беспорядки Витебской губернии относятся прямо к обращению униатов [...], а Смарагд действует как невежда», но архиепископа пока не сменяют, чтобы «не остановить присоединения, которое необходимо, решительно должно совершиться, ибо этого требуют политика и спокойствие государства». Также Николай I обещал: «Ежели мы увидим, что иначе со Смарагдом нельзя управиться, я и его переведу от тебя» (Жиркевич 2009: 535).

Таким образом, обе представленные в учебнике цитаты не имеют отношения к деятельности Иосифа (Семашко). Первая цитата указывает на 1793 год, т. е. на время до рождения будущего митрополита-воссоединителя (он родился 25 декабря 1798 года, по новому стилю — 5 января 1799 года). Использовать эту цитату для описания ситуации накануне воссоединения — это примерно то же самое, что использовать описание церковно-государственных отношений в период

перестройки, привлекая цитаты, относящиеся к годам хрущёвских гонений на церковь. Вторая цитата характеризует деятельность православного архиепископа Смарагда (Крыжановского). Она соответствует эпохе подготовки воссоединения хронологически, но раскрывает деятельность архиерея, который был критически настроен к тогда униатскому епископу Иосифу (Семашко). Воспоминания как Г. И. Добрынина, так и С. И. Жиркевича показывают, что российская имперская власть положительно относилась к переходу униатов в православие, но у неё не было стремления производить подобный переход с использованием силовых методов. Таким образом, авторы учебника, стремясь показать неприятие массой населения действий Иосифа (Семашко), направленных на переход из унии в православие, приводят цитаты, не соответствующие хронологии (как в случае с цитатой из воспоминаний Г. И. Добрынина) и действующим лицам (когда, цитируя воспоминания И.С. Жиркевича, действия православного архиепископа Смарагда выдаются за действия Иосифа (Семашко)). Видимо, цитаты, которые описывали бы массовое сопротивление действиям Иосифа (Семашко), найти сложно, а стремление создать позитивный образ унии как чего-то белорусского подталкивает авторов учебника к использованию именно высказываний критической оценки в отношении подготовки к воссоединению униатов с православными.

Описывая причины воссоединения униатов с православными, авторы учебного пособия традиционно видят это через призму деятельности российских центральных властей: «Важнейшим условием политической стабильности в западных губерниях российское правительство считало единение государственной власти и православного населения с целью изоляции повстанцев-католиков. Власти также склонили на свою сторону представителей высшего униатского духовенства, которые были противниками дальнейшего сближения с костелом. В 1830-е годы начались мероприятия по присоединению униатских верующих к Русской православной церкви» (Панов 2018: 27–28).

Связывая подготовку воссоединения униатов со стремлением изолировать поляков-католиков, авторы учебного пособия игнорируют то, что воссоединение униатов начало готовиться ещё до польского восстания 1830–1831 годов. Но, если события происходят практически одновременно и частично в одном и том же месте, это не означает, что одно событие вытекает из другого. Оба события могут иметь собственную логику и даже не быть связанными между собой. В учебном пособии

ситуация представлена так, как будто бы польское восстание стимулировало центральную власть начать воссоединение униатов. На самом деле польское восстание на время остановило подготовку воссоединения, т. к. имперская власть, без согласия которой воссоединения бы не произошло, в тот момент бросила много сил на подавление повстанческой активности. Остальные проблемы, в том числе и воссоединение униатов, на некоторое время оказались на периферии интересов центральной власти в регионе.

Также в учебном пособии транслируется утверждение, что инициаторами воссоединения выступали именно центральные власти: «Власти также склонили на свою сторону представителей высшего униатского духовенства, которые были противниками дальнейшего сближения с костёлом» (Панов 2018: 27–28). Белорусские историки, готовившие учебное пособие, проигнорировали то, что стремление к воссоединению изначально сформировалось именно в среде униатской иерархии. Российские власти сначала отнеслись к стремлению воссоединения настороженно, хотя и приветствовали такое развитие событий. Т. е. для имперских властей воссоединение униатов было бы желаемым и одобряемым событием, но те же власти не являлись инициаторами этого и не отличались активностью на данном направлении деятельности.

В 2021 году вышло учебное пособие по белорусской истории для 11-го класса, в котором, как в пособии второго концентра, также упоминалось воссоединение униатов с православием. В параграфе «Эволюция конфессиональных отношений в XIX — начале XX в.» (История Беларуси 2021: 164–168) был выделен вопрос, получивший название «Упразднение униатской церкви и его результаты» (История Беларуси 2021: 165–167). Из шести абзацев данного вопроса лишь два были посвящены унии и её упразднению: «После включения белорусских земель в состав Российской империи был взят курс на постепенное возвращение униатов в православие. В конце 1820-х годов униатский митрополит Иосиф Семашко обратился к императору Николаю I с предложением объединить униатскую церковь с православной с целью освобождения от “польского влияния”. Участие некоторых представителей униатского духовенства в восстании 1830–1831 годов привело к окончательному решению вопроса о ликвидации греко-католической церкви.

В 1839 году на Полоцком Соборе был подписан акт о присоединении греко-католической церкви к православной. В результате православная церковь получила свыше 1600 приходов и более 1 млн 600 тыс. новых

прихожан. В целом объединение прошло спокойно, без особого сопротивления верующих» (История Беларуси 2021: 165).

Т. е. в вопросе, называемом «Упразднение униатской церкви и его результаты», этой проблеме была посвящена лишь треть материала. Остальная информация раскрывала положение римо-католической церкви во второй половине XIX века.

Необходимо отметить, что в описании воссоединения униатов содержится фактологическая ошибка. Иосиф (Семашко) назван униатским митрополитом, что неверно, т. к. митрополичий сан он получил только в 1852 году, будучи уже православным иерархом. На момент подготовки Полоцкого церковного Собора Иосиф (Семашко) был униатским епископом.

Но в целом суть информации о Полоцком церковном Соборе, представленной в учебном пособии для 11-го класса, резко отличается от того наполнения, которое содержится в учебном пособии для 8-го класса. Авторы учебного пособия указали, что инициатива воссоединения исходила не от Николая I, а от униатского епископа Иосифа (Семашко), подчёркнуто, что воссоединение прошло спокойно, без особого сопротивления со стороны униатских верующих.

Причиной такой резкой перемены в оценке воссоединения униатов можно считать сугубо политические события, повлиявшие на сворачивание критики воссоединения униатов. Этими событиями стали массовые протесты белорусского населения в августе 2020 года после президентских выборов. В протестах приняли участие в том числе и активисты современной униатской церкви. Это породило желание пересмотреть отношение к униатству как к национальной белорусской религии, что и отразилось на страницах учебного пособия. Т. е. для подачи материала в более-менее объективном ключе оказалось необходимым, чтобы на содержание учебников повлияли политические события.

В целом белорусские школьные учебные пособия по истории передают информацию об униатстве взаимоисключающе. Причём взаимоисключения содержатся в первую очередь не между учебными пособиями, а внутри большинства из них. Пожалуй, цельно, но кратко историю существования унии в Российской империи и её окончание путём возвращения униатов в православие передает учебное пособие для 11-го класса. Это легко объяснимо. Данное пособие готовилось после белорусских протестов 2020 года, поэтому попытки обосновать униатство как верование,

в чём-то положительно повлиявшее на белорусскую культуру или самосознание, не используются. Наоборот, подчёркнуто, что стремление к возвращению в православие возникло в самой униатской среде и не являлось навязанным имперским правительством актом.

Учебные пособия за 7-й и 11-й классы, описывающие введение униатства и его существование в Первой Речи Посполитой, органично повторяют друг друга. Однако органичные повторения не представляют собой цельности. Наоборот, в учебных пособиях приведены цитаты или выдержки из исторических источников, которые подчёркивают неприятие унии массой людей, навязывание её достаточно жестокими методами, порождавшими ответное жестокое сопротивление. В тексте учебных пособий также сказано о жестком навязывании унии, но в её существовании авторы пытаются найти положительные для белорусского самосознания стороны. Это происходит по причине существования не подтверждённых историческими источниками утверждений о том, что уния якобы являлась хранительницей белорусской культуры. Попытки обосновать этот тезис привели авторов учебного пособия для 10-го класса к взаимоисключающей информации о том, что разновидность католицизма — греко-католицизм — стала барьером на пути католицизма, т. е. самого себя. Также униатству приписывают функции барьера против полонизации, но тут же утверждают, что в униатской литургии наряду с церковнославянским распространялся и польский язык.

Учебное пособие для 8-го класса, описывающее в том числе и подготовку к воссоединению униатов с православием, для утверждения того, что простые люди сопротивлялись воссоединению, предпринятому будущим митрополитом Иосифом (Семашко), используют в качестве иллюстраций этого документы другой эпохи (конца XVIII века) или частные случаи, которые происходили на территории Полоцкой православной епархии и были инициативой на тот момент не униатского иерарха Иосифа (Семашко), а православного епископа Смарагда (Крыжановского).

Таким образом, в трёх случаях из четырёх в белорусских школьных учебных пособиях информация об униатстве представлена как попытка при указании проблем, появившихся после введения унии, сформулировать положительное влияние греко-католицизма на формирование белорусского национального самосознания. Причём никаких исторических источников этому не приведено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим написанная в Могилёве и Витебске. 1752–1823 : в 3 ч. — СПб. : Печатня В. И. Голвина, 1872. — 380 с.

Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 / подг. текста, вступ. ст. и примеч. С. В. Львова, Л. В. Митрошенковой. — М. : Кучково поле, 2009. — 624 с.

История Беларуси с древнейших времён до конца XVIII в. : учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. языком обучения (с электрон. приложением для повышенного уровня) / В. А. Белозорович, С. А. Кудрявцева, А. В. Любый ; под. ред. В. А. Белозоровича. — Минск : Изд. центр БГУ, 2020. — 271 с.

История Беларуси, XIX — начало XXI в. : учеб. пособие для 11-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / под ред. А. В. Касовича, А. П. Соловьёнова. — Минск : Издательский центр БГУ, 2021. — 240 с.

История Беларуси, XVI–XVIII вв. : учеб. пособие для 7-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / В. А. Воронин [и др.]; под ред. В. А. Воронина, А. А. Скепьян ; пер. на рус. яз. И. В. Летунович. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — 214 с.

История белорусской государственности : в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. — Минск : Беларуская навука, 2018. — 598 с.

Кравцов О. Ю. Концепция белорусской национальной идеи // Путь Беларуси: Реальность и мечты : сб. статей. — Рига : ИБИК, 2018. — С. 71–100.

Панов С. В., Морозова С. В., Сосно В. А. История Беларуси, конец XVIII — начало XX в. : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / под ред. В. А. Сосно ; перевод на русский язык О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. — Минск : Издательский центр БГУ, 2018. — 159 с.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. — М. ; Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. — 448 с.

Уния в документах : сб / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Хотеев А., свящ. Переписка канцлера Льва Сапеги и архиепископа Иосафата Кунцевича. — Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2015. — 114 с.

Хотеев А., свящ. Очерки из истории Брестской унии. — М. : Фонд «Историческая память», 2023. — 144 с.

Шеститко В. Латинизация греко-католической церкви в Речи Посполитой: исторический, литургический и канонический аспекты. Дипломная работа. — Жировичи : Минская духовная семинария. 2009. — 81 с.

Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XVIII ст.: вучэбны дапаможнік для 10-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. В. А. Белазаровіч, С. А. Кудраўцава, А. У. Любы; пад. рэдакцыяй В. А. Белазаровіча. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2020. — 271 с.

Гісторыя Беларусі, XIX — пачатак XXI ст.: вучэбны дапаможнік для 11-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / пад рэдакцыяй А. В. Касовіча, А. П. Салаўянава. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2021. — 240 с.

Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII ст.: вучэбны дапаможнік для 7-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / В. А. Варонін [і інш.]; пад рэдакцыяй В. А. Вароніна, А. А. Скеп'ян. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2017. — 214 с.

Лёсік Я. Беларуская Энэіда наываварат // 1921–1930: Збор твораў / Укладанне, прадмова і каментарыі А. Жанкіна. — Мінск : НАРБ: Выдавец Логвінаў, 2003. — С. 10–28.

Паноў С. В. Марозава С. В., Сосна У. А. Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 8-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / пад рэдакцыяй У.А. Сосны. — Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2018. — 159 с.

Сведения об авторе:

Александр Дмитриевич Гронский — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, 117418, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23, e-mail: agr1976@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 28.04.2024.

A. D. Gronsky

PRIMAKOV NATIONAL RESEARCH INSTITUTE OF WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MOSCOW, RUSSIA

The Brest Church Union as Depicted in Belarusian School Textbooks Published in 2017–2021

Abstract. The article examines the content of Belarusian school textbooks, particularly focusing on how they depict the establishment, functioning, and abolition of the Brest Church Union. The timeframe for textbook publication (2017–2021) is specified to reflect the current educational materials used by Belarusian schoolchildren at the time of writing the article. The teaching of history in Belarusian schools is divided into two main directions. The first direction (grades 5–9) presents history at a simpler level, focusing more on facts, dates, and event descriptions. The second direction approaches history at a more theoretical level, emphasizing cause-and-effect relationships and trends. To comprehend the portrayal of the Brest Church Union in school textbooks, it's essential to analyze texts from both educational directions, comparing their presentation of the material and summarizing the findings. Textbooks for the 7-th (1st direction) and 11-th (2nd direction) grades consider the introduction of the Brest Church Union and its spread until the end of the 18th century. Both textbooks provide similar assessments of the union. They acknowledge that the

union was forcibly imposed on the local Orthodox population and cite historical documents as evidence. However, both textbooks attempt to justify the negative reaction of the population towards the union by citing the excessive use of violence by the Uniates and the Polish government. Both textbooks suggest that if the union had been introduced through more humane methods, there would have been less mass resistance to its adoption. This contradicts historical sources, which provide examples showing that resistance to the union began immediately, even before the Polish government had fully implemented coercive measures. The claim that the union served as a barrier to Polonization and Catholicization lacks support from historical documents. Both textbooks exhibit contradictions when attempting to substantiate these assertions. The claim in textbooks that the union preserved the linguistic and cultural traditions of the people is also unsubstantiated.

The textbooks for the 8-th (1st direction) and 11-th (2nd direction) grades depict the evolution of the union from the late 18th to the first half of the 19th century, culminating in the Polotsk Church Council of 1839. The textbook for the 8-th grade follows the ideological narrative established in the 7-th-grade textbook. To support the argument that the majority of Uniates were unwilling to convert back to Orthodoxy in the late 1830s, the authors rely on documents from an earlier period and reference historical sources detailing specific instances, attempting to generalize these cases as indicative of broader trends. There are no documents confirming widespread resistance to the decisions of the Polotsk Church Council. Therefore, the textbook may utilize documents from other eras or specific cases to illustrate this point.

The textbook for the 11-th grade provides a more accurate depiction of the Polotsk Church Council. It was published following the Belarusian authorities' decision to revise the school history curriculum in response to the mass protests of 2020.

Keywords: Uniatism (Greek Catholicism), the Brest Church Council, the Polotsk Church Council, Belarusian school textbooks

For citation: Gronsky, A. D. (2024). The Brest Church Union as Depicted in Belarusian School Textbooks Published in 2017–2021. *Orthodoxia*, (4), 114–145. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-114-145

REFERENCES:

Dobrynin, G. (1872). *Istinnoe povestvovanie ili zhizn' Gavriila Dobrynina (pozhyvshego 72 g. 2 m. 20 dnei), im samim napisannaya v Mogileve i Vitebske. 1752–1823. V trekh chastyakh* [The True Narrative or the Life of Gabriel Dobrynin (Who Lived for 72 Years, 2 Months, 20 Days), Written by Himself in Mogilev and Vitebsk. 1752–1823. In Three Parts]. Saint Petersburg : Pechatnya V. I. Golovina. [In Russian].

Zhirkevich, I. S. (2009). *Zapiski Ivana Stepanovicha Zhirkevicha. 1789–1848* [Notes by Ivan Stepanovich Zhirkevich. 1789–1848]. (2009). Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Istoriya Belarusi s drevnejshih vremen do konca XVIII v.: ucheb. posobie dlya 10-go kl. [The History of Belarus from Ancient Times to the End of the XVIII Century: a Textbook for the 10th Class]. (2020). Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Istoriya Belarusi, XIX — nachalo XXI v.: ucheb. posobie dlya 11-go klassa [The History of Belarus, XIX — Early XXI Century: Textbook for 11th Class]. (2021). Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Istoriya Belarusi, XVI–XVIII vv.: ucheb. posobie dlya 7-go kl. [The History of Belarus, XVI–XVIII Centuries: Textbook. The Manual for the 7th Class]. (2017). Minsk : Izd. centr BGU. [In Russian].

Istoriya belorusskoj gosudarstvennosti. T. 1 [The History of the Belorussian Statehood. Volume 1]. (2018). Minsk : Belaruskaya navuka. [In Russian].

Kravcov, O. Yu. (2018). *Koncepciya belorusskoj nacional'noj idei* [The Concept of the Belorussian National Idea]. In *Put' Belarusi: Real'nost' i mechty* (pp. 71–100). Riga : IBIK. [In Russian].

Panov, S. V., Morozova, S. V., Sosno, V. A. (2018). *Istoriya Belarusi, konec XVIII — nachalo XX v.: uchebnoe posobie dlya 8-go klassa* [The History of Belarus, Late XVIII — Early XX Century: Textbook for 8th Class]. Minsk : Izdatel'skij centr BGU. [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2015). *Vysokopreosvyashchennyy Iosif (Semashko), mitropolit Litovskij i Vilenskij: ocherk zhizni i cerkovno-obshchestvennoj deyatel'nosti* [His Eminence Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: an Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow–Minsk: Izdanie Obshchestva lyubitelej cerkovnoj istorii. [In Russian].

Uniya v dokumentah: sbornik [The Union in Documents: a Collection]. (1997). Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Hoteev, A., Priest. (2015). *Perepiska kanclera L'va Sapegi i arhiepiskopa Iosafata Kunceвича* [Correspondence between Chancellor Lev Sapieha and Archbishop Josaphat Kuntsevich]. Minsk : Bratstvo v chest' svyatogo Arhistratiga Mihaila v g. Minske Minskoj eparhii Belorusskoj Pravoslavnoj Cerkvi. [In Russian].

Hoteev, A., Priest. (2023). *Ocherki iz istorii Brestskoj unii* [Essays from the History of the Brest Union]. Moscow : Fond "Istoricheskaya pamyat". [In Russian].

Shestitko, V. (2009). *Latinizaciya greko-katolicheskoy cerkvi v Rechi Pospolitoj: istoricheskij, liturgicheskij i kanonicheskij aspekty* [Romanization of the Greek Catholic Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth: Historical, Liturgical and Canonical Aspects] [Graduate Work]. Zhirovichi : Minskaya duhovnaya seminariya. [In Russian].

Gistoryya Belarusi sa starazhytnyh chasoŭ da kanca XVIII st.: vuchebny dapamozhnik dlya 10 ga klasa [The History of Belarus from Ancient Times to the End of the XVIII Century: a Textbook for the 10th Class]. (2020). Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Gistoryya Belarusi, XIX — pachatak XXI st.: vuchebny dapamozhnik dlya 11 ga klasa [The History of Belarus, XIX — Early XXI Century: Textbook for 11th Class]. (2021). Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Gistoryya Belarusi, XVI–XVIII stst.: vuchebny dapamozhnik dlya 7 ga klasa [The History of Belarus, XVI–XVIII Centuries: Textbook. The Manual for the 7th Class]. (2017). Minsk: Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

Lyosik, Ya. (2003). Belaruskaya Eneida navyvarat [The Belorussian Aeneid is the Opposite]. In *1921–1930: Zbor tvoraŭ* (pp. 10–28). Minsk : NARB: Vydavec Logvinaŭ. [In Belorussian].

Panoŭ, S. V., Marozava, S. V., Sosna, U. A. (2018). *Gistoryya Belarusi, kanec XVIII — pachatak XX st.: vuchebny dapamozhnik dlya 8-ga klasa* [The History of Belarus, Late XVIII — Early XX Century: Textbook for 8th Class] Minsk : Vydavecki centr BDU. [In Belorussian].

About the author:

Alexander Dmitrievich Gronsky — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997, e-mail: agr1976@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 28.04.2024.

В. А. Теплова

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Православие на белорусских землях в период с 1839 по 1917 год: возвращение к вере отцов и дедов

Аннотация. Статья посвящена истории Православной Церкви на землях Белоруссии в 1839–1917 годы. В статье рассматривается процесс постепенного возрождения православия после Полоцкого церковного Собора, его этапы и те препятствия и трудности, которые возникли на этом пути. Это объясняется тем, что более чем 200-летнее пребывание православных в составе униатской греко-католической церкви оставило заметный след в сознании верующих. Многие бывшие униаты после 1839 года, формально считавшиеся православными, по разным причинам по-прежнему посещали костёлы, исповедовались у ксёндзов, т. е., по сути, являлись католиками на практике. Можно сказать, по словам Г. Я. Киприановича, что «дело воссоединения совершилось, но далеко ещё не завершилось в 1839 году». Например, имели место отклонения от православного церковного устава, бытовавшие в православном богослужении, или отступления в совершении таинств. Причиной подобных явлений, а также упорства в католичестве бывших униатов был, во-первых, фанатизм местных латинских ксёндзов. Во-вторых, причина была в том, что аппарат местной

власти на белорусских землях состоял из чиновников, имеющих польскую идентичность и настроенных антиросийски. Поэтому в течение 1839–1917 годов на белорусских землях шёл сложный процесс постепенного возрождения и укрепления православия. Этот нелёгкий путь условно можно разделить на несколько этапов: первый — с 1839 по 1863–1864 годы. Он характеризуется открытой прозелитической миссионерской деятельностью католического духовенства в среде православных верующих. Его удалось преодолеть к 60-м годам XIX века. Второй период — с 60-х годов по 1905 год — период утверждения православия, начало установления внешне спокойных взаимоотношений между католическим и православным духовенством. Это было время утверждения бывших униатов в вере отцов и дедов. После выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года начинается новый этап острого противостояния православия и католичества. Однако, благодаря развернувшейся широкой миссионерской деятельности православного духовенства, активной работе с верующим населением церковноприходских братств и церковноприходских школ, он был преодолен к 1914–1917 годам.

Ключевые слова: Полоцкий церковный Собор, православное духовенство, католичество, прозелитизм, возрождение православия

Для цитирования: Теплова В. А. Православие на белорусских землях в период с 1839 по 1917 год: возвращение к вере отцов и дедов // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 146—179. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-146-179

Последствием Полоцкого церковного Собора 1839 года явился непростой путь возвращения сотен тысяч униатов белорусских земель к практике православной жизни. По меткому замечанию Г. Я. Киприановича, «дело воссоединения совершилось, но далеко ещё не завершилось в 1839 году» (Киприанович 1897: IV). Более чем 200-летнее пребывание православных в составе греко-католической церкви оставило заметный след в сознании верующих. Известно, что униатская церковь в первой трети XIX века в своей обрядности и богослужении

имела многие черты скорее западной христианской традиции, нежели восточной. Это осознавалось православными иерархами как серьёзная проблема, в том числе как опасность поглощения католицизмом.

Многие бывшие униаты после 1839 года, формально считавшиеся православными, по разным причинам (крепостная зависимость крестьян, активная миссионерская и храмостроительная деятельность римо-католиков, тайное обучение основам католической веры и польскому языку, установление новых храмовых и местнотимых праздников) посещали костёлы, исповедовались у ксёндзов, т. е. являлись католиками на практике¹.

Протоиерей Н. Извеков, описывая приходскую жизнь верующих Литовской епархии в постуниатское время, объяснял причину популярности католических традиций, укоренившихся в Церкви, тем, что «...во времена унии почти в каждом приходе было одно или несколько святых мест, как то: “крынички”, “колодези”, “каплички”, не говоря уже о чудотворных иконах. Каждая из указанных святынь имела свою историю, мало отличающуюся от других. Почти все эти места были ознаменованы явлением на нём или иконы, или необыкновенного огня, или другим каким-нибудь чудом. Особенным искусством в объявлении таких чудесных мест отличались униатские монахи. По уничтожении унии воссоединённое духовенство в некоторых местах продолжало поддерживать веру в народе в эти чудотворные предметы главным образом потому, что это приносило ему большие доходы вследствие множества богомольцев, стекающихся в эти места» (Извеков 1899: 435).

Однако в большей степени православную иерархию воссоединённых епархий на западнорусских землях беспокоили отклонения от православного церковного устава, бытовавшие в православном богослужении:

1. В праздник Сретения Господня прихожанами приносились к утрени или литургии в церковь восковые свечи для освящения. На утрени освящались они через окропление святой водой перед чтением Евангелия, а на литургии после заамвонной молитвы². Зажжённые на короткое время и потом погашенные свечи приносились в дома и хранились в течение года. Их зажигали в определённых случаях: во время сильной грозы (отчего они называются громничными), при выгоне весною в первый

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 9. Л. 166 об. Переписка с Синодом, Канцелярией обер-прокурора Синода и других учреждений по вопросу о привлечении к православию бывших униатов Западного края, исповедующих католичество.

² Обычай освящения свеч в праздник Сретения Господня сохранился до настоящего времени.

раз со двора скота в поле, при подчистке пчёл, и, наконец, эти свечи давали умирающим родственникам при отходе в вечность. Этот обычай на белорусских землях был распространён повсеместно. Следует к этому добавить, что нечто подобное распространено в Беларуси и поныне.

2. На праздник Благовещения в большом количестве изготавливались просфоры: благословлённые на всенощном бдении, они продавались прихожанам. Эти просфоры в раздробленном виде употреблялись при засеивании яровых и озимых полей.

3. На Страстной седмице, вопреки уставу Православной Церкви, Четвероевангелие в церквях не читалось. В Великую Пятницу в конце вечерни по обнесении вокруг церкви плащаницы, когда начинают к ней прикладываться, некоторые священники опрокидывали в алтаре малые столы, аналои, бросали на пол книги в воспоминание землетрясения, бывшего в Иерусалиме в час смерти на кресте Спасителя. Это полностью католический обычай.

4. В день Рождества Иоанна Предтечи приносились в церковь полевые цветы. Освящённые и засушенные цветы употреблялись при болезни кого-либо из домашних, в особенности детей: цветы сжигали и дымом окуривали больных. Цветы собирались накануне праздника ночью девицами с песнями, прославляющими языческого Купалу, с разведением среди полей огня и с хороводными вокруг него танцами (Савва (Тихомиров) 1900: 553, 554).

Отступления от традиционного порядка православного богослужения в Полоцкой епархии касались также и таинств.

5. Общеупотребительной формой крещения в Полоцкой епархии было обливание, а не погружение в воде, как предписывает Православная Церковь. Причиной этого отступления от православного обычая был пример латинских ксёндзов, а в большинстве всего леность православных священников, так как совершение таинства через погружение более продолжительное, чем через обливание. Кресты при крещении младенцев не возлагались под тем предлогом, что их негде было приобрести (Савва (Тихомиров) 1900: 551).

6. В Полоцкой и Минской епархиях не было приготовления к таинствам Покаяния и Причащения, как во внутренних российских епархиях. Вместо того чтобы ежедневно, в течение недели, приходиться ко всем церковным службам, говеющие приходили здесь в субботу или воскресенье к утрени, а иногда и прямо к литургии. После исповеди, краткой и поспешной, они приступали, без всяких приготовительных молитв,

к таинству Причащения. Такое бесчиние, перешедшее в Православную Церковь из унии и католицизма, объяснялось следующими причинами: во-первых, приходские церкви в белорусских епархиях стояли большей частью уединённо, в поле, возле них почти не было жилищ, за исключением причтовых. Здешние приходы существовали в малых посёлках, разбросанных на большом пространстве, поэтому для говеющих ежедневное посещение церковных служб, особенно в зимнее время, очень затруднительно, если вообще возможно. Во-вторых, белорусским православным крестьянам, даже если бы они и хотели часто посещать богослужения, не позволяла крепостная зависимость от помещиков католиков. Но и по освобождении крестьян от крепостного права укоренившийся обычай не прекращался до 1866 года. Во многом вина лежала и на приходском духовенстве (Савва (Тихомиров) 1900: 551).

При совершении исповеди священник обыкновенно покрывал кающегося своей епитрахилью, чтобы по обычаю латинян не видеть его лица. Это называлось «покутой». Каждый исповедующийся просил священника наложить на него епитимью. Наиболее распространённые епитимьи были следующие: земные поклоны, лежание в церкви на полу с распростёртыми крестом руками, ползание на коленях вокруг церкви и т. д.

При причащении причастники становились рядами на колени, и священник, обходя ряды, по порядку преподавал Святые Тайны.

Некоторые небрежные и ленивые священники не знали чинопоследования литургии Преждеосвященных Даров и причащали своих прихожан в будние дни святой Четыредесятницы Святыми Дарами, приготовленными для Преждеосвященной литургии (Савва (Тихомиров) 1900: 551).

7. Относительно совершения таинства Венчания. При отправлении жениха и невесты в церковь и обратно два или четыре холостых парня ехали впереди верхом на лошадях с перевязанными через плечи поясами или платками красного цвета. Эти парни имели название «вечерников». Во время совершения брака они клали жениху и невесте под ноги деньги. Когда в один и тот же день в приходе происходили несколько браков, то все они вместе или по нескольку пар венчались в одно время, что воспрещается в Православной Церкви. При выходе из церкви новобрачные обсыпались баранками или кусками обыкновенного хлеба с мыслью о будущем изобилии их домашнего стола (Савва (Тихомиров) 1900: 552, 553).

8. Особенности совершения таинства Елеосвящения. Во время унии это таинство совершалось по латинскому обычаю после напутствия умирающего таинствами Исповеди и Причащения и называлось «остатным

помазанием». По воссоединении униатов это таинство совершалось только в городах, сельские жители не имели понятия об этом священнодействии (Савва (Тихомиров) 1900: 553).

9. Крестный ход тоже имел особенности, которые могли удивить православных из великорусских губерний. Во главе крестного хода шёл иногда кто-либо из прихожан с барабаном в руках. При выходе из алтаря священника он предшествовал ему в церкви, а по выходе из церкви шёл впереди икон и креста и выбивал известные ему барабанные пьесы. По возвращении в церковь барабанщик впереди священника входил в алтарь царскими вратами и, обошедши вокруг престола, в пономарке оставлял свой инструмент.

При обхождении полей или деревенских жилищ с крестным ходом каждый хозяин у своей полосы или у своего дома предлагал причту малое угощение. Священники и диаконы, принимая это угощение, пили водку и закусывали, не снимая иногда церковных облачений. По обхождении всего поля или деревни приготовлена была у кого-либо в доме или среди поля общая закуска. После этого при возвращении крестного хода в церковь священники в большинстве случаев ехали на лошадях или оставались на ночь в деревне, а крестный ход сопровождали причетники и народ при пении польских песен, с великим иногда бесчинием (Савва (Тихомиров) 1900: 554, 555).

10. В Витебской губернии была распространена традиция колядования, которую не знали во внутренних российских епархиях. В праздник Рождества почётнейшие из прихожан в некоторых приходах ходили по территории прихода после вечерни и до полуночи с так называемой звездой, которая делалась из разноцветной бумаги. Хождение это длилось несколько дней с целью сбора денег в пользу церкви. При входе в дом звездоносцы обыкновенно пели тропарь и кондак праздника и колядки. Эти ночные хождения со звездой сопровождалось бесчинным употреблением алкоголя, поэтому в первый год вступления на кафедру преосвященного Саввы в 1866 году были запрещены (Савва (Тихомиров) 1900: 555).

11. В Полоцкой епархии при крайней разбросанности приходов и при значительной отдалённости деревень от приходских церквей при каждой почти деревне было особое кладбище. Отпевание вследствие этого редко совершалось в церкви, по большей части в домах или на кладбищах при могилах. Иногда случалось и так, что родственники сами хоронили умерших без церковного отпевания, а потом, спустя месяцы, просили приходского священника совершить заупокойную литургию по усопшему,

после которой отправлялся и чин погребения. Заупокойные литургии назывались литургиями за души «чистовы», т. е. за души, находящиеся, по учению Римской церкви, в чистилище (Савва (Тихомиров) 1900: 556, 557). Причина «самочинного» отпевания умерших заключалась в отдалённости многих домов от церквей³.

12. Обычай ставить кресты в деревнях и совершать перед ними молебны был запрещён по предписанию Министерства внутренних дел в 1842 году. Эта чисто католическая традиция, усвоенная бывшими униатами, которые, подобно римо-католикам, совершали свои религиозные процессии с чтением Евангелия у этих крестов. Этот обычай неоднократно вызывал распоряжения гражданского начальства, направленные к его упразднению. В 1842 году было издано постановление Министерства внутренних дел о запрете выставлять на полях и дорогах, и вне костёлов какие-либо священные изображения, как, например, кресты, так как они часто обращались в орудие корыстолюбивых действий неблагонамеренных людей (Извеков 1899: 438).

В 1859 году архиепископ Полоцкий Василий (Лужинский) в своём отчёте Синоду приводит описание ещё одной униатской традиции: «В воссоединённых церквях в Люцинском уезде, как и в Динабургском, и в Лепельском, я видел, что во время богослужения некоторые набожные люди лежали на полу ниц лицом, крестообразно распростёрши руки, и таким образом, кроме неприличия в храме Божиим, занимали много места в нём, необходимого для других, приходящих на молитву. Это поселяет в древлеправославных, в особенности уроженцах великорусских губерний, разных чинов и званий обидное для духовенства Полоцкой епархии предубеждение, с осуждением его религиозного православно-го духа. Так обычно отзывались прежде ревизовавшие по Высочайшему повелению белорусские земли высокие чиновники, командированные по делу исправления или построения вновь церквей. Они считали, что в неприличном поведении молящихся в храмах людей, лежащих крестом на полу, виноваты священники, нерадящие об искоренении этого обычая»⁴.

Архиепископ Василий нередко слышал негативные отзывы о духовенстве Полоцкой епархии, особенно Лепельского и Дриссенского уездов.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 124. Д. 644. Л. 12. По Высочайшему повелению об отправлении архиепископа Литовского Иосифа для осмотра как своей Епархии так и Полоцкой, Могилёвской и Минской с обращением внимания его на воссоединённое духовенство.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 67 на об., 68, 68 на об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.

Упрёки касались упущений в богослужениях: совершении служб не по правилам Церкви или не по православным служебникам и клиросным книгам; совершение таинств по будто бы униатским требникам и литургии без всенощной, которая вычитывается только на дому; небрежное отношение при отправлении богослужений; отсутствие заботы о благолепии, чистоте и опрятности церквей; равнодушие по присоединению иноверцев и раскольников к православию.

На эти замечания полоцкий святитель обычно отвечал следующим образом: «Эти укорительные отзывы воздвигнуты людьми, не понимающими ни долга, ни сущности Православия, ни местного народа, ни местных трудностей и препятствий непреодолимых, которыми стеснено местное духовенство»⁵. Наследие униатского периода в Беларуси сохранялось и через 20 лет после Полоцкого Собора.

Епископ Полоцкий Савва (Тихомиров) в 1870 году объяснял посещение православными католических храмов безграмотностью народа: «Простой народ Полоцкой епархии при своей необразованности не имеет ясного понятия и различия между православием и католицизмом, и потому он в праздничные дни безразлично посещает как православный храм, так и латинский костёл. Даже последний иногда скорее, нежели первый. Привлекает внимание простолюдина то красивая и величественная архитектура, то игра на органе, то мнимая святыня, без которой ни обходится почти ни один костёл»⁶. Деятельный архипастырь сумел привести богослужение в Полоцкой епархии, которое имело много униатских и католических обычаев, в соответствии с традициями Православной Церкви. Но полностью изжить остатки униатства епископ Савва не смог. В 1875 году епископ Викторин (Любимов), рассматривая дела консистории, видел, что в некоторых приходах Полоцкой епархии существует польско-латинский обычай брать из церквей колокол и звонить в него при сопровождении покойника, через епархиальные ведомости объявил духовенству об уничтожении этого обычая⁷.

Восстановление традиций Православной Церкви усложнялось тем, что бывших униатов и Православная Церковь, и костёл считали своей паствой. Православные — в силу факта воссоединения, католики — в силу единства вероучения. На этой почве зачастую между православным

⁵ НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1. Д. 30. Л. 41 на об., 42. Отчёт Василия, Архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1860 год.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 5 об., 6. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 647. Л. 46. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1875 год.

и католическим духовенством возникали конфликты. О противостоянии между католическим духовенством, а также большей части привилегированного сословия со сторонниками воссоединения накануне и в ходе Полоцкого Собора свидетельствует секретная инструкция 1839 года. По ней правительство для устранения возможных противодействий процессу воссоединения со стороны римо-католического духовенства и помещиков латинского исповедования наделило особыми полномочиями генерал-губернаторов западных губерний. Только в 1847 году генерал-губернаторы решили не продлевать действие секретной инструкции, что свидетельствовало о снижении напряжённости между православными и католиками⁸.

Серьёзное противостояние между двумя христианскими конфессиями вызывал вопрос о «разборе совращённых». Проблема заключалась в том, что католическое духовенство после выхода в апреле 1842 года указа «О разборе совращённых»⁹, по которому православные и католики должны были произвести взаимный разбор прихожан «совращённых» из унии в католичество, считало часть прихожан, числившихся православными, своей паствой и нередко привлекало их к католической службе. Разбор верующих затягивался. Полоцкая духовная консистория предписывала подведомственному духовенству «предпринимать усилия» к скорейшему окончанию разбора. Как следует из указов консистории, прекращение споров между православными и католиками о принадлежности прихожан к тому или иному исповеданию зависело только от римо-католического духовенства, которое не исполняло указ. Для того чтобы не обострять конфликта, в секретных указах консистории приходскому духовенству рекомендовалось обращать в православие уклонившихся в латинство только «кроткими мерами»¹⁰. Однако даже спустя 18 лет после выхода этого указа имели место случаи, когда верующие, переданные ксёндзами после разбора, продолжали держаться католических обрядов и не обращались с духовными требами к православным священникам. Таких верующих было особенно много в приходах Дриссенского и Лепельского уездов Полоцкой епархии.

⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23404. Л. 10 об.–11 об. По Высочайшему повелению, сообщённому Министром внутренних дел, об оставлении в своей силе ещё на два года секретной инструкции по воссоединению униатов с православием в Западных губерниях.

⁹ По этому указу православные и католики должны произвести взаимный разбор прихожан, совращённых из унии в латинство. Признанных принадлежащими к Православной Церкви было необходимо передать в православные приходы.

¹⁰ НИАБ. Ф. 3278. Оп. 1. Д. 51. Л. 6–6 об., 11–11 об., 17. Указы Полоцкой Духовной Консистории за 1844 год.

По мнению одного из благочинных епархии, причиной упорства в католичестве ранее совращённых в унию служил «страшный фанатизм местных латинских ксёндзов». Имея сильное влияние на прихожан, они внушали, что униаты неправильно, без всякого документального обоснования были переданы в православие и могут потому совершенно беспрепятственно принадлежать к Римской церкви¹¹. И хотя выход указа 1842 года снизил остроту проблемы, однако она, то затихая, то обостряясь, продолжала существовать вплоть до 1917 года.

Конфессиональная ситуация осложнялась и тем, что аппарат местной власти на белорусских землях был наполнен чиновниками, имеющими польскую идентичность и настроенными антироссийски. Зачастую они использовали свои общественные связи для борьбы с возрождающимся православием. Однако и православные российские чиновники нередко мешали деятельности православного епархиального начальства, так как незаметно подпадали под влияние польско-католического общества. Крепостная зависимость крестьян от помещиков также заставляла крестьян идти в костёл, а не в православную церковь. Католицизм оставался конфессией привилегированных слоёв общества. К тому же уровень образования и проповеднической подготовки католического духовенства был намного выше. Правда, у православных, как альтернатива, была государственная поддержка. Но она не всегда была последовательной, а порою с применением неудачных мер воздействия на воссоединённых.

Сильное влияние на отказ присоединиться к православию оказывали католические миссионеры, первейшая и главнейшая цель которых заключалась в сохранении бывших униатов в лоне римского католицизма¹². Примерно в 1860 году католическое духовенство по благословению своего митрополита ввело так называемое сорокачасовое «набоженство», которое приняло характер религиозно-политической миссии в Лепельском, Полоцком и Дриссенском уездах. Этот новый обряд совершали от 15 до 20 ксёндзов и монахов-доминиканцев, которые собирались в одном костёле. Как правило, новая религиозно-политическая миссия проводилась с мая по сентябрь и устраивалась поочерёдно в костёлах в православные

¹¹ НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1, Д. 30. Л. 69 об., 70 об., 74 об., 97, 98. Отчёт Василия, Архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1860 год.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1783. Л. 15 об.–16. О вредных для Православия действиях Освейских и Лукшатских ксёндзов миссионеров.

праздники, а особенно в храмовые¹³. Понятно, что приурочивание «набоженства» к православным праздникам имело одну цель — привлечение православных к посещению костёлов.

Приобщению крестьян к латинскому богослужению способствовали и помещики, освобождавшие своих крестьян от работ во время католических праздников. В дни, празднуемые Православной Церковью, они, напротив, занимали крестьян разными нарядами и работами¹⁴, отвлекая их от посещения церкви, перемещения их на работы туда, где не было православных церквей¹⁵. Только в 1855 году случаи «сращения в латинство» имели место: в Речицко-Люцинском благочинии, где ксёндз Розентовского костёла венчал по католическому обряду крестьян православного вероисповедания; в Полоцком благочинии, в котором прихожанин Горбачевской Борисоглебской церкви перешёл вместе со своим семейством в католицизм; в Дриссенском благочинии, где ксёндз призывал прихожан Свольнянской Свято-Николаевской церкви к переходу в католицизм. Рапорты о переходе в католицизм лиц православного вероисповедания поступали в Полоцкую духовную консисторию в 1855–1856 годах от Витебского, Себежско-Нищанского, Бешенковичского, Бобыничского, Динабургского, Лепельского благочинных¹⁶.

Оценивая сложность конфессиональной ситуации, сложившуюся в Полоцкой епархии в 1857 году, архиепископ Василий (Лужинский) обращал внимание священноначалия на безнаказанность действий католических священнослужителей: «Опыт предыдущих лет показал, что все дела о преступлениях католиков по отношению к православию при содействии католических помещиков и проявлении сочувствия к ним чиновников расследовались с пристрастием и в присутственных местах всегда решались не в пользу Православной Церкви. Эти дела возбуждали только слухи, нарекания и озлобления на православное духовенство. Напуганные таким образом священнослужители Полоцкой епархии даже о вредных для Православной Церкви действиях католиков, которые по

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 2–2 об. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах обративших его внимание при обозрении церквей.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 153. Л. 20 об. Переписка с канцелярией обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

¹⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 114 об. О Высочайше утверждённых мерах к устранению сращений из православия по западным епархиям.

¹⁶ НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–39. Докладной реестр входящих документов Полоцкой Духовной консистории о переходе лиц православного вероисповедания в католическое за 1855 год.

своей очевидности не требовали доказательств, перестали доносить»¹⁷. И далее архипастырь делится наблюдениями за прошедшие 17 лет своего архипастырства: «...Католики строят великолепные костёлы, для которых почти нет прихожан. Православные храмы почти везде находятся в трудном состоянии или совсем падают; если и строятся, то вследствие моей усиленной переписки. Большой частью они перестраиваются из каких-нибудь деревянных развалин, очевидно на короткое время существования. Латинские каплицы строятся или возобновляются почти при каждом зажиточном дворе. А во многих приходах уже более 20 лет нет храмов. Всё это должно смущать не только не так давно воссоединённый простой народ. Латинское духовенство обеспечивается от своих единоверцев с избытком, везде у них в почёте. Православное духовенство всегда должно возвращаться в низшем кругу, жить скудно и трудом пахарей добывать средства к своему с семейством пропитанию.

Мне было легче в благоприятное время воссоединять сотни тысяч униатов в пяти губерниях бывшей Белорусской епархии и положить многообещающее начало присоединения раскольников к единоверию, нежели сейчас охранять вверенную мне паству от влияния торжествующих латинян и защищать воссоединённых и единоверцев от злых наветов и усиленных ими козней, искушений и соблазнов»¹⁸.

В отчёте за 1859 год архиепископ Василий ещё раз обращает внимание на методы борьбы католичества с православием: «...образованные монахи и монахини, пропитанные фанатизмом, а кроме того, и ухищрениями других духовных их пособников: помещиков и должностных лиц с такой же духовной злобой и ненавистью к православной церкви. Все они связаны такой клятвой — не щадить ничего для достижения цели. Всё для них возможно, хотя бы и сопровождалось кровавыми жертвами. Не говоря уже о том, что все духовные изрыгают страшную хулу на Святую Церковь при исповедании людей и грозно укоряют всех за сообщение с ней. Они внушают воссоединённым простакам, что Русская Православная Церковь, не состоящая в общении с Римо-католической церковью, отпавшей от греческой, не имеет благодатных таинств. Они искушают простолюдинов фестивалями, крестными ходами и сорокачасовыми богослужениями, оглашая народу торжественно папские отпусы (новые разрешения от греха)»¹⁹. Все эти

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 234 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 251–253. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 406–406 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.

действия были возможны, несмотря на то что законодательство Российской империи расценивало прозелитизм как уголовное преступление.

Привлечению в католицизм служили также торжественные разъезды католических епископов. Так, в 1857 году через девять уездов Витебской губернии проезжал Могилёвский архиепископ Вацлав Жилиньский в сопровождении десяти помещиков и прелатов духовной консистории. Пышные разъезды митрополита служили утверждению внешнего превосходства католицизма перед православием. Православные епископы, свита которых была значительно скромнее, по словам архиепископа Полоцкого и Витебского, не имели такой возможности²⁰.

Другим было отношение к Православной Церкви простых верующих католиков. Там, где вблизи не было костёлов, верующие, чаще всего крестьяне, посещали православные храмы и молились вместе с православными. Особенно верующих привлекало православное архиерейское богослужение. С глубочайшим благоговением они подходили под епископское благословение и целовали святой крест²¹. Об этом явлении в Св. Синод неоднократно сообщали архиепископ Василий (Лужинский) и епископ Савва (Тихомиров)²².

Таким образом, церковная жизнь населения Беларуси даёт любопытный пример причастности значительной части верующих и к православным, и к католическим богослужениям. Вряд ли можно считать справедливым представление о Православной Церкви первых десятилетий после Полоцкого Собора как, безусловно, господствующей. Во многих случаях религиозное влияние костёла на население было намного сильнее, тем более что католическое духовенство в разных формах поддерживалось привилегированным сословием материально.

Однако уже к концу 40-х — началу 50-х годов ситуация в Православной Церкви на белорусских землях постепенно меняется. В своём Рапорте Св. Синоду о состоянии епархии за 1848 год преосвященный Василий пишет: «Ещё не прошло десяти лет, как подписан акт об воссоединении, униатским духовенством, во всех церквах Витебской губернии отправляется богослужение по чину Греко-Российской Церкви, крестные ходы совершаются вопреки бывшему обычаю между униатами,

²⁰ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 155–155 об. Письма Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского.

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Д. 27496. Л. 3. По отношению Преосвященного Полоцкого о состоянии Церкви вверенной ему епархии в уездах Люцинском, Себежском и Дриссенском.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 32–33. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год.

преобразован колокольный благовест. Повсеместно в епархии возлагаются венчики на усопших. Все священники в рясах и с бородами, воссоединённые прихожане также ревностно исполняют долг исповеди, как было во время унии. Прихожане воссоединённых городских и местечковых церквей, чиновники, купечество и мещане, замечаемые прежде в духе совершенного нерасположения к воссоединению с Православием, имея приходскими пастырями древлеправославных священников, уважают их так же, как уважали прежних униатских пастырей, несмотря на то что вблизи всех таковых церквей почти рядом находятся костёлы. Даже при сельских церквях в таких уездах, где не было древлеправославных церквей, священники древлеправославные, само собою разумеется хорошего поведения, пользуются уважением прихожан, во многих местах прошедшею весною, среди волнения белорусских крестьян, православные священники влиянием на умы крестьян убедили их остаться на своих местах или оставить затеянное. И это всё совершилось здесь в таком крае, где девять лет тому назад крестьянин бежал, завидя священника с бородою, за грех считал взойти в русскую церковь. Кто знал Витебскую губернию девять лет назад, не поверит, чтобы так скоро мог измениться дух народный»²³.

Серьёзной проверкой твёрдости в православии бывших униатов явилось польское восстание 1863–1864 годов. С новой силой православная вера в эти годы подвергалась насмешкам, а православные священники — поруганию, издевательствам, а нередко и смерти. Православное население белорусских земель не поддержало восставших. Ставка на возрождение традиций униатской церкви в душах бывших униатов не оправдалась²⁴. С этого времени начинается новый этап во взаимоотношениях между католическим и православным духовенством. Открытая прозелитическая деятельность стала невозможной. Изменилось и отношение гражданской власти к деятельности православного духовенства. Так, когда в 1867 году крестьяне Дриссенского уезда «совратились из православия в католицизм», а увещания священника не помогли, епископ Полоцкий и Витебский Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору с просьбой принять меры против «фанатизма крестьян Ляховского общества». В результате — крестьян, отличившихся

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 127. Д. 632. Л. 116, 116 об.

²⁴ См.: (Грыгор'ева, Завальнюк, Навіцкі, Філатава 1998: 68); (Романчук 2012: 137); (Польское восстание 1863 года 2023).

«крайним фанатизмом», выслали на жительство в Уфимскую губернию²⁵.

Чтобы не провоцировать открытого противостояния, православное духовенство при межконфессиональных контактах соблюдало подчёркнутую толерантность, но в то же время не делало уступок и послаблений там, где это было вредно интересам Православной Церкви²⁶.

Своеобразным подведением итогов деятельности Православной Церкви на белорусско-литовских землях за 25-летний период, прошедший после Полоцкого церковного Собора, стали торжества, посвящённые юбилейной дате. Поскольку широкое празднование 25-летия Полоцкого церковного Собора, отмечавшегося в 1864 году, было невозможно в связи с продолжавшимися выступлениями польских повстанцев, обсуждение его решений и итогов было перенесено на страницы епархиальных ведомостей. Начало широко развернувшейся дискуссии положил митрополит Литовский Иосиф (Семашко) статьёй «Слово синодального члена Иосифа, митрополита Литовского и Виленского, произнесённое 25 марта 1864 года, в память двадцатипятилетия после воссоединения Униатов с православною церковью»²⁷. Редакция «Литовских епархиальных ведомостей» назвала причины «выступления» митрополита: «...не только празднование четвертьвекового юбилея, но и представление Слова, как добрую весть, утешение и назидание для всех Православных», как «...торжественный случай, чтобы обновить в памяти, Богом вверенной ему паствы, тех твёрдых начал и убеждений, которыми руководствовалась она по благословенному пути к воссоединению с Православною Церковью»²⁸.

Впервые митрополит Литовский, главный руководитель и идеолог Собора, сформулировал причины, последствия и значение решений Собора. Владыка раскрыл исторический путь православия на белорусско-литовских и украинских землях, продемонстрировав тем самым не только знание истории православия на землях Западной Руси, но и понимание задач, решение которых стояло перед Собором. Митрополит даёт резко негативную оценку полонизации и окатоличиванию этих земель, которую он связывает в первую очередь с деятельностью «отступника» от веры — князя Ягайлы. Вспоминает митрополит Иосиф и первую волну

²⁵ См...: (Бендин 2010: 50–51).

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 19. Л. 166 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1857 год.

²⁷ Двадцатипятилетие воссоединения униатов в Российской империи // Литовские епархиальные ведомости. — 1864. — № 6. — 31 марта.

²⁸ Там же. С. 187.

воссоединения униатов, когда на территории современной Украины «из унии в православие с удивительным единодушием, по собственному убеждению, обратилось 3 млн. униатов». Одним из ценнейших моментов «Слова» является характеристика восстания 1863–1864 годов. Владыка так отзываясь о пережитых им и его паствой событиях: «Гнусное коварство, клевета, измена, клятвопреступничество, грабежи, бесчеловечные истязания, убийства и всякого рода беззакония представлялись повсеместно взорам каждого. Всё это слилось в одном безумном мятеже, чтобы покорить вновь Польше Русские области, Русский Православный народ»²⁹.

Празднование 25-летия Полоцкого церковного Собора в 1864 году положило начало традиции — публиковать в церковной периодической печати материалы, посвящённые проблеме воссоединения. Так, в 1866 году на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» было напечатано «Слово, сказанное в Свято-Троицком Виленском монастыре, в день воссоединения униатов с Православною Церковью, 26 мая 1866 года, перед крестным ходом, положенным в этот день» ученика Литовской духовной семинарии Г. Киприановича³⁰. Это была первая публикация будущего известного церковного историка. Автор посвятил своё выступление 27-й годовщине воссоединения. Так же как его предшественник, Г. Киприанович начинает своё обращение к духовенству и верующим с напоминания об историческом прошлом белорусско-украинских земель, о введении христианства по православно-византийскому образцу при княгине Ольге и князе Владимире. Он напоминает о тех православных святых, которые стали для верующих образцами преданности своей вере — преподобные Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, виленские мученики — Иоанн, Антоний и Евстафий. Автор говорит о деятельности православных братств, сопротивлявшихся введению унии, а также о гонениях, которые выпали на долю тех, кто не желал оставить православие и переходить в унию. Насилию периода утверждения унии автор противопоставляет постепенный и мирный путь возвращения заблудших к вере отцов и дедов, ссылаясь на то, что «олатиненные крестьяне целыми тысячами возвращаются к родному православию и намёк на насилие не имеет здесь места». И «плевелы латинизации», считает автор, «при помощи опытных пастырей, должны быть с течением времени искоренены». Завершается «Слово» призывом оставаться верными православной вере.

²⁹ Там же. С. 192–193.

³⁰ Г. Киприанович. Слово, сказанное в Свято-Троицком Виленском монастыре, в день воссоединения униатов с Православною Церковью, 26 мая 1866 г., перед крестным ходом, положенным в этот день // Литовские епархиальные ведомости. — 1866. — № 11. — 15 июня.

Таким образом, в середине XIX века Православная Церковь на белорусских землях являлась преобладающей по численности верующего населения, улучшилось и материальное положение её духовенства. Однако за католичеством всё же оставалась роль общественно-политического лидера. Среди причин этого явления можно назвать недостаточную кадровую и материальную помощь православным со стороны государства. Средства и усилия правительства, которые направлялись на Православную Церковь, были несоизмеримы с её потребностями. В отличие от великорусских епархий, где Православная Церковь имела значительную поддержку русского дворянства, на территории Беларуси её не было. Местное дворянство в своём большинстве принадлежало к Католической Церкви и всегда оказывало противодействие Православной Церкви (Филатова 2006: 98). Православное же духовенство на белорусских землях отличалось бедностью, низким уровнем образования и привязанностью к традициям униатской церкви. Белорусские архиереи, несмотря на все старания в защите и укреплении православия, были в своей деятельности во многом зависимы от государственной власти. Это являлось общей болезнью всего церковного организма в Синодальный период истории Русской Православной Церкви.

Католическая миссия в Беларуси заметно ослабела к 1870–1890 годам, хотя совсем не исчезла³¹. Как свидетельствуют материалы отчёта епископа Полоцкого Александра (Заккиса) Св. Синоду за 1894 год, во взаимоотношениях двух конфессий наблюдается потепление. «Некоторые из священников, — по словам епископа, — разделяли с ксёндзами хлеб-соль». Православное духовенство относилось к католикам-духовенству и мирянам «кротко и миролюбиво». При всяком удобном случае словом, делом и самым образом жизни старалось «расположить их к себе и к православной пастве»³². Но тем не менее и в это благоприятное для Православной Церкви время известны случаи, когда ксёндзы в районах, где преобладало римо-католическое население, преподавали требы православным³³ или намеренно обостряли отношения между духовенством и паствой³⁴.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 544. Л. 21 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1873 год.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1522. Л. 74. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1894 год.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 289. Л. 28 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1868 год.

³⁴ НИАБ. Ф. Оп. 1. Д. 64. Л. 125 об. Донесения благочинных и ведомости о количестве и состоянии церквей, монастырей, церковноприходских школ и попечительств, богаделен, больниц по благочиниям епархии за 1891 год.

В свою очередь, православное духовенство проводило миссионерскую работу среди католиков. В результате этой деятельности в 1864 году только в Полоцкой епархии в православие перешло 170 дворян и несколько десятков мещан и крестьян³⁵; в 1870 году 133 католика присоединились к православию; в 1875 году — 87; в 1886 году — 29; в 1896 году — 51; в 1904 году — 46³⁶. Однако одновременно имели место случаи перехода из православия в католицизм. Так, в 1870 году 17 православных перешли в католичество; в 1884 году — 2³⁷. Витебский губернатор В. М. Долгорукий в отчёте министру внутренних дел Д. А. Толстому за 1888 год объясняет это тем, что «...римско-католическое духовенство, служа орудием элиты общества, имевшей польскую идентичность, неоднократно продолжает поддерживать дух политической и религиозной нетерпимости в отношении к русскому народу. Ксёндзы постоянно внушают своим прихожанам вражду ко всему русскому и строго запрещают им сближение с православными, в особенности заключение браков. Они угрожают во всех таких случаях проклятиями, недопущением до причастия и другими духовными карами. Когда эти меры не помогают в отношении браков, то ксёндзы отказывают им в необходимых метрических документах...»³⁸ Редкость переходов из православия в католицизм в конце XIX века можно объяснить и запретом, зафиксированным гражданским законодательством Российской империи.

Важным фактором в жизни Православной Церкви Беларуси стало празднование 50-летия Полоцкого церковного Собора. Торжество должно было проходить в строгом соответствии с церемониалом, установленным императорским указом. В документе, сопровождавшем указ, был прописан не только порядок богослужений, крестных ходов и молебнов, но и указаны все участники торжеств: духовенство, монашествующие и миряне. Был представлен список тех материалов, которые должны были быть отпечатаны по указанию Святейшего Синода

³⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 285. Л. 2 об. По отношению архиепископа Полоцкого о совершённом им обозрении епархии в 1864 году.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 637. Л. 37 об., 42. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1875 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1095. Л. 38. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1886 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1633. Л. 52 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1896 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2048. Л. 20 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1904 год.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 389. Л. 22. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1870 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1042. Л. 15 об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1884 год.

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 314. Л. 8. Римско-католическая пропаганда в белорусских губерниях.

к празднику для раздачи народу: исторический очерк Иоанна Наумовича «Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церковию западно-русских униатов», «Семь проповедей» митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко), «Воспоминания о греко-униатской церкви в Западном крае России» архиепископа Антония (Зубко), «Соборныя деяния и торжественныя служения в 1839 году», «Правда об унии к православным христианам» И. Малышевского, «Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I-го» И. Чистовича.

В отличие от юбилея Полоцкого церковного Собора 1864 года, в публикациях 1889 года преобладают материалы, подготовленные к печати известными исследователями истории Брестской церковной унии М. О. Кояловичем, П. Н. Жуковичем, А. Юрашкевичем, А. П. Сапуновым. Обращают на себя внимание многочисленные статьи, отражающие роль митрополита Литовского Иосифа (Семашко) в подготовке, ходе и реализации решений Собора. Среди публикаций 1889 года в епархиальных ведомостях особое внимание заслуживает статья П. Н. Жуковича «Вильна. 8 июня 1889 г.»³⁹, полностью посвящённая юбилейному событию. Автор называет торжество «первым народно-религиозным юбилеем Православной Западной Руси». Автор обращает внимание на то, что духовенство и верующие миряне подходят к этому событию осознанно, с пониманием того, что значит для Православной Церкви возвращение униатов в прародительскую веру. Саму заслугу воссоединения историк относит к деятельности церковных иерархов и духовенства всего западного края, а не деятельности правящих властей. «Воссоединение униатов 1839 года, — пишет автор, — было делом по преимуществу церковным, делом высшей западнорусской иерархии и последовавшего за нею западнорусского духовенства. Местные гражданские власти долго совсем даже не были посвящены в самый план постепенного воссоединения униатов, да и потом играли незначительную роль. Главные деятели воссоединения с приснопамятным митрополитом Иосифом во главе вышли из среды западнорусского униатского духовенства». Думаю, причина успеха решений Полоцкого церковного Собора, выявленная П. Н. Жуковичем, в настоящее время столь же актуальна, как и 185 лет назад.

Для защиты православия в западнорусских землях от явлений, «составляющих прямой плод прежнего порядка вещей в крае», требовались неотложные меры. Ядром, сплотившим духовенство и мирян на

³⁹ Литовские епархиальные ведомости. — 1889. — 4 июня. — № 23.

белорусской земле, стали православные братства, которые получили новый импульс в развитии во второй половине XIX века. Основное направление их деятельности было связано с поддержкой уже существующих и открытием новых церковноприходских школ, подготовкой для них народных учителей из среды самого народа. Кроме того, братства оказывали помощь нуждающимся из всех сословий: больным, учителям, безработным сиротам, бедным духовного звания, а также лицам, «присоединяющимся к Православию» и т. п. На братствах лежала ответственность о сохранении народной нравственности (рассылкой книг, полезных для народа, а также устройством при церквях воскресных школ). Обязанностью братств являлась забота «о благолепии храмов Божиих и о возвышении внешней обстановки богослужения». По словам А. Миловидова⁴⁰, одного из наиболее глубоких историков, оставившего замечательное исследование о православных братствах второй половины XIX — начала XX века, «с их становлением церковная жизнь начинает понемногу налаживаться». Конечно, для коренного изменения духовно-нравственной жизни народа требовались огромные материальные средства, которых у православных братств не было, однако бесспорным является тот факт, что их деятельность носила не формальный, а конкретный характер и была направлена на защиту православия.

Последовательное укрепление и развитие традиций православия на белорусских землях было прервано рядом важных церковно-исторических и государственных событий. 17 апреля 1905 года вышел указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому стали возможны вероисповедные переходы в рамках христианских исповеданий. С этого времени начинается новый этап в межконфессиональных отношениях на белорусских землях. Указ внёс обострение в религиозную жизнь Белоруссии. Начался массовый переход из православия в католичество и лютеранство. За 1905–1908 годы только в Полоцкой епархии в католичество перешло около 4 тысяч человек, в лютеранство — 230 человек (Грыгор'ева В., Філатава 1995: 52). Большое количество перешедших в католичество было в Дриссенском уезде, где католиками стали 2393 человека. Оценивая эти события, исследователь истории Православной Церкви в Беларуси архиепископ Афанасий Мартос пишет: «Если бы политика и тактика российского правительства и церковных деятелей была

⁴⁰ Освобождение крестьян и возрождение Западнорусских Братств // Вестник Виленского Св.-Духовского братства. — 1911. — № 4. — С. 68–71.

бы более дальновидной и осторожной, римо-католиков на Беларуси, может, и совсем не было бы» (Афанасий (Мартас) 2004: 23). С его мнением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, указ 1905 года был не дальновидным шагом государства, однако церковные иерархи не могли повлиять на ситуацию, будучи в своих действиях зависимы от него.

По свидетельству Полоцкого епископа Серафима (Мещерякова), обстановка в епархии вследствие действия нового указа вновь становится напряжённой и вызывает необходимость изменить тактику во взаимоотношениях с католическим населением. В отчёте за 1906 год он писал: «С изданием манифеста 1905 года о вероисповедной свободе ... католическое духовенство, до этого времени действовавшее скрытно, теперь с объявлением всяких свобод выступило в открытую борьбу с православием и повело открытую пропаганду, в особенности по отношению к бывшим униатам, не стесняясь при этом ни в каких средствах. Естественно, что православное духовенство должно было также выступить на защиту своей паствы путём проповеди, раздачи листов и изобличения лжи католических ксёндзов»⁴¹.

В то же время владыка Серафим констатирует, что бывшие униаты, несмотря на возможность свободного перехода в католичество, «сохранили верность православной церкви». «Благочестие в народе в отчётном году с изданием манифестов о свободах подверглось великому испытанию, и это вполне подтвердило прежние отзывы о твёрдости простого народа в православии и других исконных русских началах. Если и были отпадения в католичество, то сравнительно с числом бывших униатов оно незначительно, большинство униатов осталось верным православию, были и есть приходы, окружённые католиками, где не было ни одного случая совращения», — писал епископ в своём отчёте за 1905 год⁴². Это обстоятельство, с точки зрения епископа, доказывает, что православие в Полоцкой епархии укрепило свои позиции настолько, что даже потрясения, вызванные указом 17 апреля, не могли поколебать религиозные убеждения нового поколения бывших униатов, выросших в традициях православия.

Тем не менее для выяснения причин отпадения православных в католичество епископ Серафим 31 мая 1905 года проводит пастырское собрание, на котором присутствовало городское и сельское духовенство. Причины отпадений в католицизм собравшиеся видели «в расположении части паствы к костёлу; смешанных браках; красоте и пышности

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год.

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107. Л. 24. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год.

католических богослужений; слабом развитии пастырской миссии в бывших униатских приходах». Автор статьи «Воинствующий католицизм», опубликованной на страницах «Полоцких епархиальных ведомостей», подтверждает суждение духовенства Полоцкой епархии: «Едва ли найдётся дом, в котором не было бы нескольких католических молитвословов. Малейшее торжество католической церкви находило живой отклик в сердцах населения, официально считающегося православным. Каждое такое торжество ознаменовывалось раздачею богомольцам на память вещественных знаков в виде образов, чётков, книжек и пр. Ещё одной причиной являлось слабое развитие пастырской миссии в приходах, образованных из униатов. Эти приходы большей частью очень бедные, а потому они не только не привлекали к себе хороших священников на долгое время, напротив, последние смотрят на своё пребывание в таких приходах как на временную ссылку, а потому думают лишь о том, как бы скорее перевестись в другой, чисто православный приход. Понятно, что при таком отношении к месту своего служения ни один священник не может отдаваться делу миссии с тем огнём, который особенно необходим пастырю в приходах с “упорствующими” и колеблющимися»⁴³.

О результатах миссионерской деятельности православного духовенства в начале XX века можно судить по количеству верующих, отпавших из православия в католичество. В 1905 году число перешедших из православия в католичество составило 1575 человек, в 1906 году — 218, в 1908 году — 284, в 1909 году — 226, в 1912 году — 76⁴⁴. Из католичества в православие в 1905 году обратилось 25 человек, в 1906 году — 28, в 1908–1909 годах — 48, в 1912 году — 50. Отпадения из православия в католичество в большинстве случаев были вызваны смешанными браками и материальной зависимостью прихожан⁴⁵.

16–18 ноября 1905 года в Полоцке состоялся первый епархиальный съезд духовенства и мирян, на котором обсуждались те же болезненные для Православной Церкви вопросы: влияние указа о веротерпимости на жизнь православного населения; причины доверия населения

⁴³ Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 12. — С. 288–297.

⁴⁴ Открытие миссионерского съезда-курсов для окружных и приходских миссионеров Полоцкой епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 21. — С. 790–795; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2292. Л. 6. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1908–09 годы; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2537. Л. 6. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1912 год.

к проповедям ксёндзов, наставников, девокот⁴⁶ и в то же время ничтожное влияние проповедей православных священников; деятельность сектантов по обращению православных в свою веру; изменение миссионерской деятельности соответственно новым условиям⁴⁷.

Причина массовых отпадений из православия в католичество, согласно решению съезда, заключалась в тайной пропаганде католичества и отсутствии мер к её ослаблению, многовековых традициях, воспитанных костёлом (богослужение, частые исповеди, обряды погребения), нерадивость части православного духовенства, а также более удачное географическое расположение костёлов⁴⁸. Причины отпадений в католичество обсуждались и на собрании Миссионерского комитета 24 сентября 1908 года, на котором присутствовали священники всех благочиний епархии. Участники собрания пришли к единому мнению: не все воссоединённые из унии принимали православие по убеждению, многие миряне и даже воссоединившиеся священники были более склонны к католичеству; со стороны епархиального начальства и местного духовенства, опиравшихся на защиту гражданских законов, не было принято своевременных мер к укреплению воссоединённых в истинах православной веры; воссоединившиеся из унии находились в тяжёлой экономической зависимости от ополченных помещиков; ничем не ограниченные после издания указа 17 апреля 1905 года ложь, угрозы, насмешки со стороны ксёндзов и их сторонников над православными⁴⁹. На съезде были разработаны рекомендации для обязательного исполнения, направленные на укрепление позиций православия в Полоцко-Витебской епархии. Они включали: распространение листов миссионерского братства, молитвословов, Евангелий, принятие исповеди в любое время с наложением епитимий; частое совершение крестных ходов около храмов и к ближайшим приходам, создание кружков «Ревнителей Православия»; оказание

⁴⁶ Девотка — девушка, воспитанная в костёле для обучения детей из православных семей молитвам, катехизису, грамоте и пению. Есть все основания считать, что одновременно детям прививалась неприязнь к православию. Действия девоток курировались ксёндзами. В то же время девотки являлись «ширмой, за которую можно спрятаться, если бы пришлось дать ответ за противозаконные действия» (Зайцев Кирилл, свещ. Среди католиков // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 15. — С. 492–496).

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167. Л. 10. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год.

⁴⁸ Первый Полоцкий Епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 2, 3. — С. 43–48, 85–89.

⁴⁹ Постановление Епархиального Миссионерского Комитета, от 24 сентября 1908 г., № 4-й, ст. 1-я, утверждённое Его Преосвященством 6 октября 1908 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1909. — № 12. — С. 203–207.

материальной помощи «слабым в вере»; содействие закрытию польских тайных школ. В отчётах епископов по Полоцко-Витебской епархии за 1912 и 1913 годы сообщалось, что большая часть намеченных мероприятий духовенством была выполнена.

В то же время духовенство епархии обратило внимание на случаи, когда ревнители католицизма пользовались народным невежеством при толковании указа о веротерпимости. «Ксёндзом, — пишет православный священник, — указ был объявлен в костёле с приглашением явиться к нему и записаться, кто желает, оставить православие; одновременно через девок было объявлено по деревням с православным населением, что от царя вышел приказ, чтобы все были католиками, — всюду разнесла молва, что в Петербурге все начальники перешли в католичество; все церкви будут обращены в костёлы, а священники перейдут в католичество и будут ксёндзами. Поднялась сильная смута. Народ толпами стал двигаться к ксёндзу записаться. Чтобы не дать народу одуматься, было объявлено, что записывать будут только несколько дней, а потому необходимо спешить»⁵⁰. Пускались и такие слухи: «Ведь царь наш только тогда войну начал, когда Римский папа ему позволил и благословил его на это», «а про государыню давно известно у нас, что она католичка»⁵¹.

Серьёзной причиной отпадения от православия в католицизм в начале XX века являлось тайное обучение польскому языку и основам католической веры, т. е. скрытая просветительская работа поборников польской культуры и католицизма. С переходом в православие бывших униатов опека и руководство ксёндзов духовной религиозной жизнью народа не прекратились, а ещё более усилились. По-прежнему поддерживались и развивались тайные польские школы, в которых обучением занимались местные уроженки — девотки под скрытым руководством ксёндзов. Чтобы отклонить всякое подозрение о существовании тайных школ, девочкам приказывалось являться в известную избу с прялками, где девотка обучала девочек молитвам, катехизису, грамоте и пению. Многие из православных девушек Беларуси прошли школу девок и в свои семейства внесли неприязнь к Православной Церкви⁵².

⁵⁰ Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 12. — С. 288–297.

⁵¹ Зайцев Кирилл, свящ. О нашей миссии // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 14. — С. 236–238.

⁵² Первый Полоцкий Епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 2, 3. — С. 43–48.

В одном из номеров «Полоцких епархиальных ведомостей» за 1905 год был описан случай, связанный с деятельностью некоей «Т» из Ломжинской губернии, принёсшей обет Богу посвятить свою жизнь распространению польского языка и культуры среди литовцев и латышей-католиков. В Витебскую губернию она была приглашена богатым помещиком-поляком Двинского уезда с целью обучения польскому языку латышей-католиков Витебской губернии. Ревнительница польско-католических традиций раздавала крестьянам не только брошюры на польском языке, но и полезные в крестьянском обиходе вещи. Госпожа Т. рассказывала своим ученицам, что девушками, посвятившими себя служению католической церкви, заполнена вся Литва⁵³. В результате её пятилетней деятельности в Двинском уезде в семьях, где родители не знали польского языка, дети стыдились говорить на родном языке. Можно предположить, что сторонников польского языка и католической церкви было немало и в Витебской губернии.

В деревнях, где католики составляли большинство, получило распространение открытое гонение на православие⁵⁴. Об этом явлении весьма эмоционально пишет священник Кирилл Зайцев: «Особенно много перетерпела одна вдова деревни М. — Ева Кириллова. Она была крещена в Православии, никогда не ходила в костёл, усердно посещала церковные службы. Эта стойкая православная женщина всё перенесла — угрозы, издевательства, насмешки, много слёз пролила, когда все родственники отказались от неё и при встрече отворачивались как от зачумлённой. Особенно тяжело ей было, когда не давали покоя её 8-летней дочери, которая долго тяжело болела. Причину болезни, конечно, католики видели в том, что она не желала оставить русской веры. Фанатичные католические женщины и девотки подкарауливали, когда самой матери не было дома, тотчас собирались они целой толпой, окружали постель умирающего ребёнка и начинали мучить его своими речами: “Ты плачь, проси маму, чтобы сама она переходила в католичество и тебя бы записала; как хорошо тебе будет тогда, ты будешь умирать, ведь ты не выздоровеешь, мы придём, станем вокруг твоей постели, будем петь святые песни”»⁵⁵.

⁵³ Ополячивание латышей в Витебской губернии // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 9. — С. 518–519.

⁵⁴ Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 12. — С. 288–297.

⁵⁵ Зайцев Кирилл, свящ. В чём сила католицизма? // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 16. — С. 390–397.

Иногда православные переходили в костёл, привлечённые торжественностью и красотой богослужения, богатым убранством храмов. «Самые церкви православные, — говорилось в одной из статей «Полоцких епархиальных ведомостей», — поражают своею бедностью и убожеством; духовенство в этих приходах живёт также бедно. Это обстоятельство имеет для народа большую важность. Ваша вера — холопская, у вас попы живут нищими, — часто говорили католики православным, — а у нас — все паны ездят на тройках в костёл. ... Громадную силу имеет здесь экономическое положение православного населения, именно материальная зависимость населения от помещиков — католиков, которые прямо заставляют крестьян ходить к ксёндзу под угрозой лишить их земли или куска хлеба»⁵⁶. Таким образом, бедность православных церквей и приходов противопоставлялась костёлам, представляющим «истинную церковь».

На пастырском собрании 1905 года были выработаны меры для предотвращения отпадений от православия: ознакомление и разъяснение населению указа 17 апреля о веротерпимости; широкое развитие в православных приходах пастырской миссии; материальное обеспечение приходов с преобладающим католическим населением⁵⁷.

На епархиальном собрании миссионерского комитета в 1908 году в целях укрепления православных в вере и удержания от уклонений в католицизм были признаны полезными следующие меры:

1. Главнейшим орудием в полемике с католиками как по догматическим, так и по обрядовым расхождениям должно быть Священное Писание.

2. Единение пастырей между собой и их энергичная деятельность в приходах без подрыва авторитета друг друга.

3. Поддержка церковноприходских школ и школ грамоты как незаменимых миссионерских пунктов, назначение в них учащихся, могущих вести миссионерскую практику.

4. Введение общего пения в сельских храмах, распространение пения псалмов и молитв в деревнях.

5. Организация чтений в школах, которые должны сопровождаться пением.

6. Произношение пастырями поучений наизусть, без тетрадей, живым языком.

⁵⁶ Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 12. — С. 288–297.

⁵⁷ Там же.

7. Устройство крестных ходов с максимальной торжественной обстановкой из прихода в приход, где это представляется возможным.

8. Введение дополнительных уроков по Закону Божию для сообщения систематических знаний по вероисповедным расхождениям.

9. Катехизация взрослых юношей и девушек.

10. Обеспечение причтов достаточным содержанием от казны.

11. Привлечение к миссионерской деятельности более ревностных прихожан⁵⁸.

В 1910 году произошло важное церковно-историческое событие — перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской лавры в Полоцк. Торжество состоялось 23 мая 1910 года и стало не только важным событием в церковной жизни белорусов, укрепившим основы православной веры, но и фактором возрождения белорусского национального самосознания в условиях новой волны усиления польского влияния.

Возрождению церковноприходской жизни православных Белоруссии, явно обозначившемуся к началу XX века, способствовало открытие и деятельность церковноприходских школ, церковно-археологических музеев и бесплатных библиотек-читален. С этой же целью по воскресеньям и праздничным дням практически по всей Беларуси проводились внебогослужебные собеседования, сопровождаемые церковными песнопениями. Для образования псаломщиков, способных руководить такими хорами, предлагалось открыть курсы пения⁵⁹. Для религиозного образования православных верующих использовались брошюры, в которых простым разговорным языком объяснялись «заблуждения» католицизма. По наблюдениям священника Кирилла Зайцева, печатное слово на крестьянина производило неотразимое впечатление. Оно «возвышало в глазах православных их веру, как единую согласную с Христовым учением, и давало в руки православным оружие для отражения нападений со стороны приверженцев католицизма». Миссионерские листки, по убеждению священника, также оказывали воздействие и на тех, кто необдуманно перешёл в католицизм⁶⁰.

⁵⁸ Постановление Епархиального Миссионерского Комитета, от 24 сентября 1908 г., № 4-й, ст. 1-я, утверждённое Его Преосвященством 6 октября 1908 г. // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1909. — № 12. — С. 203–207.

⁵⁹ Первый Полоцкий Епархиальный съезд духовенства и мирян // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 2, 3. — С. 43–48, 85–89.

⁶⁰ Зайцев Кирилл, свящ. Среди католиков // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1906. — № 15. — С. 492–496.

Таким образом, в течение 1839–1917 годов на белорусских землях шёл сложный процесс постепенного возрождения и укрепления православия. Этот нелёгкий путь условно можно разделить на несколько этапов: первый — с 1839 и по 1863–1864 годы. Он характеризуется открытой прозелитической миссионерской деятельностью католического духовенства в среде православных верующих. Его удалось преодолеть к 60-м годам XIX века. Второй период — с 60-х годов XIX века и по 1905 год. Это период утверждения православия, начало установления внешне спокойных взаимоотношений между католическим и православным духовенством. Это было время утверждения бывших униатов в вере отцов и дедов. Прозелитизм католического духовенства в это время приобретает скрытый характер.

После выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года начинается новый этап острого противостояния православия и католичества. Однако, благодаря развернувшейся широкой миссионерской деятельности православного духовенства, активной работе с верующим населением церковноприходских братств и церковноприходских школ, он был преодолен к 1914–1917 годам.

Можно с уверенностью сказать: Полоцкий церковный Собор не только вернул Белоруссию к православию, верность которому «воссоединённые» доказали отказом от поддержки польского восстания 1863–1864 годов, среди требований которого было возрождение Речи Посполитой с белорусскими и украинскими территориями в её составе и восстановление церковной унии. Полоцкий церковный Собор совершил цивилизационный поворот, который вернул её жителей к наследию святых Кирилла и Мефодия, возрождению культурно-исторических традиций православия. Полоцкий церковный Собор не дал возможности исключить церковнославянский язык из практики богослужения и положил начало применению белорусского языка в проповедях воссоединённого православного духовенства белорусских земель, что явилось важным фактором на пути развития этнокультурного самосознания местного населения. Есть все основания полагать, что именно деятельность Православной Церкви на белорусских землях стоит и у истоков формирования современного белорусского народа как органичной части восточно-христианского мира.

В настоящее время Белоруссия уверенно идёт по этому же пути. Можно надеяться, она не свернёт с него и в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). — Минск. : БГУ, 2010. — 439 с.

Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. — М. : Печатня А. И. Снегирёвой, 1899. — 522 с.

Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковью в 1839 г. — 2-е изд., испр. и доп. — Вильна : Тип. Блюмовича, 1897. — 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. IV.

Польское восстание 1863 года: этнокультурные и межконфессиональные аспекты : сб. научно-исследовательских работ. — Брянск : ООО «Аверс», 2023. — 124 с.

Романчук А., прот. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение. — Минск : Братство во имя св. Архистратига Михаила, 2012. — 181 с.

Савва (Тихомиров), архиепископ Тверской и Кашинский. Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы (Тихомирова): Т 3 (1862–1867 гг.) Год: 1866 // Богословский вестник. — 1900. — Т. 3. — № 9.

Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. — Минск : Белорусская наука, 2006. — 190 с.

Афанасій (Мартас), архієпіскап. Матэрыялы да Гісторыі Праваслаўнай Беларускай Царквы (перыяд савецкай і нямецкай акупацыі Беларусі). — Жыровіцы. — 2004. — 133 с.

Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі. — Мінск. : ВП «Экаперспектива», 1998.

Грыгор'ева В., Філатава А. З гісторыі канфесіянальнага жыцця Віцебскай губерніі (канец XVIII — пачатак XX ст.) // Беларускі гістарычны часопіс. — 1995. — № 2.

Сведения об авторе:

Валентина Анатольевна Теплова — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, доцент Белорусского государственного университета, 220030, Белоруссия, Минск, ул. Зыбицкая, 27, e-mail: teplova_val@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

V. A. Teplova

ST. CYRIL TUROVSKY MINSK THEOLOGICAL ACADEMY,
MINSK, BYELORUSSIA

Orthodoxy in the Belarusian Lands from 1839 to 1917: A Return to the Faith of Ancestors

Abstract. The article explores the history of the Orthodox Church in the Belarusian territories from 1839 to 1917. The article investigates the gradual resurgence of Orthodoxy following the Church Council of Polotsk, exploring its stages and the obstacles and challenges encountered during this period. This is attributed to the lasting impact left on the believers' consciousness by over two centuries of Orthodox Christians staying within the Uniate Greek Catholic Church. Many former Uniates after 1839, who were formally considered Orthodox, for various reasons still attended Roman Catholic churches, confessed to Roman Catholic priests, i.e., in fact, they remained Catholics in practice. According to G.Ya. Kiprianovich, it can be said that "the work of reunification was accomplished, but it was far from over in 1839". For example, deviations from the Orthodox church charter existed in Orthodox worship, or there were also deviations in the performance of the sacraments. Such phenomena, as well as the persistence of Catholicism in former Uniates, were firstly attributed to the fanaticism of local

Latin priests. Secondly, the apparatus of local government in the Belarusian lands was filled with officials with a Polish identity who harbored anti-Russian sentiments. Therefore, during 1839–1917, a complex process of gradual revival and strengthening of Orthodoxy occurred in the Belarusian lands. This difficult path can be divided into several stages, with the first stage spanning from 1839 to 1863–1864. It was marked by the open proselytizing missionary activity of the Catholic clergy among Orthodox believers. It was overcome by the 1860s. The second period, from the 1860s to 1905, marked the establishment of Orthodoxy and the beginning of outwardly calm relations between the Catholic and Orthodox clergy. During this period, former Uniates affirmed their faith in the traditions of their fathers and grandfathers. After the decree “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance” was issued on April 17, 1905, a new stage of acute confrontation between Orthodoxy and Catholicism ensued. However, through extensive missionary activity by the Orthodox clergy, active engagement with the faithful through parochial brotherhoods and parochial schools, this period was overcome by 1914–1917.

Keywords: Church Council of Polotsk, Orthodox clergy, Catholicism, proselytism, revival of Orthodoxy

For citation: Teplova, V. A. (2024). Orthodoxy in the Belarusian Lands from 1839 to 1917: A Return to the Faith of Ancestors. *Orthodoxia*, (4), 146–179. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-146-179

REFERENCES:

Bendin, A. Iu. (2010). *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914 gg.)* [Problems of Religious Tolerance in the North-Western Region of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk : BGU. [In Russian].

Izvekov, N. D. (1899). *Istorichesky ocherk sostoianiia Pravoslavnoi Tserkvi v Litovskoi eparkhii za vremia s 1839 po 1889 g.* [Historical Sketch of the State of the Orthodox Church in the Lithuanian Diocese during the Period from 1839 to 1889]. Moscow : Pechatnia A. I. Snegirevoi. [In Russian].

Kiprianovich, G. Ia. (1897). Zhizn' Iosifa Semashki, mitropolita Litovskogo i Vilenskogo i vossoedinenie zapadnorusskikh uniatov s pravoslavnoi tserkoviiu v 1839 g. [The Life of Joseph Semashka, Metropolitan of Lithuania and Vilna and the Reunification of the Western Russian Uniates with the Orthodox Church in 1839]. Vilna : Tip. Blumovicha. [In Russian].

Pol'skoe vosstanie 1863 goda: etnokul'turnye i mezhekfessional'nye aspekty : sb. nauchno-issledovatel'skikh rabot [The Polish Uprising of 1863: Ethnocultural and Interfaith Aspects : Collection of Scientific Research Papers]. (2023). Bryansk : OOO "Avers". [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2012). *Iosif (Semashko), mitropolit Litovskii i Vilenskii: zhizn' i sluzhenie* [Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: Life and Ministry]. Minsk : Bratstvo vo imia sv. Arkhistratiga Mikhaila. [In Russian].

Savva (Tikhomirov), arkhiepiskop Tverskoi i Kashinsky. Avtobiograficheskie zapiski vysokopreosviashchenneishego Savvy (Tikhomirova): T 3 (1862–1867 gg.) God: 1866 [Savva (Tikhomirov), Archbishop of Tver and Kashin. Autobiographical Notes of His Eminence Savva (Tikhomirov): Vol. 3 (1862–1867) Year: 1866]. (1900). Bogoslovsky vestnik, (9). [In Russian].

Filatova, E. N. (2006). Konfessional'naia politika tsarskogo pravitel'stva v Belarusi. 1772–1860 gg. [Confessional Policy of the Tsarist Government in Belarus. 1772–1860]. Minsk : Belorusskaia nauka. [In Russian].

Afanasy (Martas), Archbishop. (2004). *Materyialy da Gistoryi Pravaslajnai Belaruskai Tsarkvy (periyad savetskai i niametskai akupatsyi Belarusi)* [Materials on the History of the Orthodox Belarusian Church (the Period of Soviet and German Occupation of Belarus)]. Zhyrovitsy. [In Belarusian].

Grygoreva, V. V., Zavalniuk, U. M., Navitski, U. I., Filatava, A. M. (1998). *Kanfesii na Belarusi* [Confessions in Belarus]. Minsk : VP "Ekaperspektiva". [In Belarusian].

Grygoreva, V., Filatava, A. (1995). Z gistoryi kanfesiianal'naga zhyttsia Vitsebskai gubernii (kanets XVIII — pachatak XX st.) [From the History of Religious Life in Vitebsk Province (Late XVIII — Early XX Century)]. *Belaruski gistarychny chasopis*, (2). [In Belarusian].

About the author:

Valentina Anatolievna Teplova — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Church History and Church Practical Disciplines of the Minsk Theological Academy, Associate Professor at the Belarusian State University, 27, Zybetskaya str., Minsk, Byelorussia, 220030, e-mail: teplova_val@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 17.02.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 14.04.2024.

СПИСОК НОМЕРОВ «ОРТОДОКСИИ», ВЫШЕДШИХ С 2021 ГОДА

2021

- Ортодоксия. 2021. № 1. Тема номера: «Богословие и выборы»
- Ортодоксия. 2021. № 2. Тема номера: «Православная Белоруссия»
- Ортодоксия. 2021. № 3. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в XIX веке»
- Ортодоксия. 2021. № 4. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в первой половине XX века»

2022

- Ортодоксия. 2022. № 1. Тема номера: «Американская геополитика и православие»
- Ортодоксия. 2022. № 2. Тема номера: «Традиция и справедливость»
- Ортодоксия. 2022. № 3. Тема номера: «Вызовы неоязычества и Россия»
- Ортодоксия. 2022. № 4. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть I»

2023

- Ортодоксия. 2023. № 1. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть II»
- Ортодоксия. 2023. № 2. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть I»
- Ортодоксия. 2023. № 3. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть III»
- Ортодоксия. 2023. № 4. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть II»

2024

- Ортодоксия. 2024. № 1. Тема номера: «Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Часть I»
- Ортодоксия. 2024. № 2. Тема номера: «Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Часть II»
- Ортодоксия. 2024. № 3. Тема номера: «Полоцкий Собор. Торжество православия. Часть I»